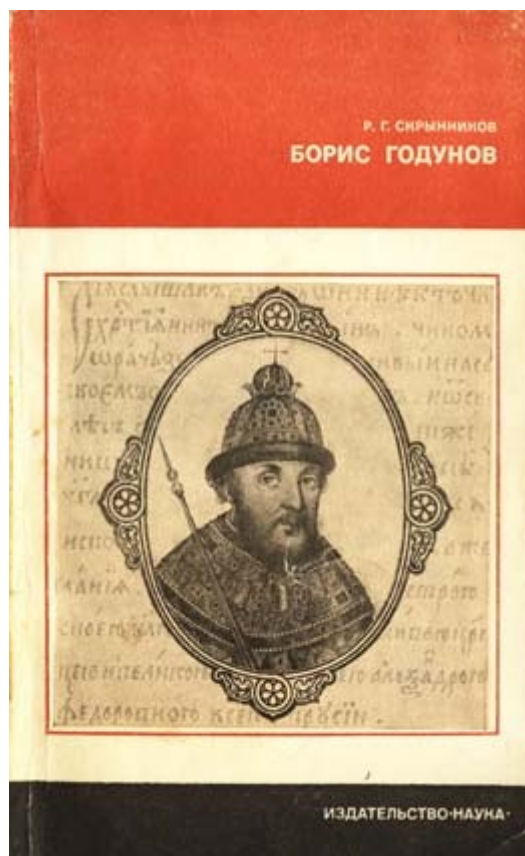

Академия наук СССР
Серия «Страницы истории нашей Родины»

Р. Г. Скрынников

БОРИС ГОДУНОВ

Издательство «Наука»
Москва 1979

Автор рисует широкую панораму событий, происходивших в Русском государстве в конце XVI — начале XVII в., анализирует явления экономического, социального и политического характера. В центре повествования — фигура Бориса Годунова, одного из крупных деятелей русского средневековья.

Р. Г. Скрынников — доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета, его перу принадлежит ряд исследований по отечественной истории: «Начало опричнины» (Л., 1966), «Опричный террор» (Л., 1969), «Россия после опричнины» (Л., 1975), «Иван Грозный» (М.Д975) и др.

63.3(2)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. М. САХАРОВ

На первой странице обложки — портрет Бориса Годунова. XVII в.

© Издательство «Наука», 1979 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Вступление

Глава 1. Начало пути

Глава 2. Пора испытаний

Глава 3. Гонения на бояр

Глава 4. Учреждение патриаршества

Глава 5. Внешнеполитические успехи

Глава 6. Угличская драма

Глава 7. Правитель государства

Глава 8. «Заповедные» и «урочные» годы

Глава 9. Земский собор 1598 г.

Глава 10. Болезнь

Глава 11. Великий голод

Глава 12. Григорий Отрепьев

Глава 13. Крушение

Примечания

Литература

Список сокращений

Оцифровано с бумажного оригинала **Дмитриенко М.А.** (Алма-Ата) – grave14@yandex.ru

Для сайтов www.wasp.kz и www.pretich.narod.ru – любое использование данного материала должно нести ссылку на эти веб-ресурсы!

OCR и обработка полностью соответствуют оригиналу – если Вы обнаружите ошибки, пожалуйста, напишите мне по вышеуказанному адресу электронной почты!

Внимание! Сноски, ссылки и пояснения, размешенные в оригинале в конце книги, здесь для удобства внесены в соответствующие места текста – заключены в скобки и выделены курсивом.

Иллюстративный материал идентичен оригинальному, для лучшей наглядности добавлены (мною – *Д.М.*) иные иллюстрации – источники указаны в скобках и выделены цветом.

ВСТУПЛЕНИЕ

Личность Бориса Годунова, его неслыханное возвышение и трагический конец поразили воображение современников и привлекли внимание историков, писателей, поэтов, художников, музыкантов. В этом нет ничего удивительного. Жизненный путь Годунова на редкость необычен. Начав службу заурядным дворянином, Борис занял пост правителя при слабоумном царе, а затем стал властелином огромной державы.

В то время Россия вступила в полосу тяжких испытаний. Грандиозные стихийные бедствия на десятилетия подорвали ее производительные силы. Длительная война завершила дело. В стране воцарилась неопиcуемая разруха.

После завоевания Нарвы русские почти четверть века владели морским портом на Балтике. Проиграв Ливонскую войну, государство лишилось «наровского мореплавания», необходимого для развития торговли с Западной Европой. Военное поражение подорвало международные позиции России.

Внешние неудачи усугубил острый внутренний кризис. Истоки его коренились в отношениях двух главных сословий феодального общества - землевладельцев и крестьян. В конце XVI в. корыстные интересы дворянства восторжествовали. Пути крепостной неволи связали миллионное русское крестьянство.

Опричная буря расчистила поле деятельности для многих худородных дворян. Борис Годунов оказался в их числе. Первыми успехами он был всецело обязан опричнине. Затея Грозного расколола феодальное сословие на два соперничавших лагеря. Она оставила после себя много трудных проблем. Как правитель Годунов столкнулся с ними лицом к лицу.

Жизни Бориса сопутствовало много драматических событий. В первые годы его правления в Угличе погиб царевич Дмитрий, последний отпрыск 300-летней московской династии. Таинственный двойник погибшего стал для Годунова и его семьи источником непоправимых бед. Неокрепшая династия была согнана с трона самозванцем.

Писатель и историк Н. М. Карамзин утверждал некогда, что Годунов мог бы заслужить славу одного из лучших правителей мира, если бы он родился на троне. В глазах Карамзина лишь законные самодержцы были носителями государственного порядка. Борис узурпировал власть, убив последнего члена царской династии, и потому само провидение обрекло его на гибель.

Суждения дворянского историографа о Годунове не отличались глубиной. А. С. Пушкин понимал историческое прошлое несравненно лучше. Истоки трагедии Годунова он усматривал в отношении народа к власти. Борис погиб потому, что от него отвернулся собственный народ. Крестьяне не простили ему отмены старинного Юрьева дня, ограждавшего их свободу.

Начиная с В. Н. Татищева немало историков считали Годунова творцом крепостного режима. В. О. Ключевский придерживался иного взгляда. «...Мнение об установлении крепостной неволи крестьян Борисом Годуновым, - писал он, - принадлежит к числу наших исторических сказок» (*Ключевский В. О. Соч., т. 3. М., 1957, с. 24*). Обвинения Годунова во многих кровавых преступлениях Ключевский отменил как клевету. Яркими красками нарисовал он портрет человека, наделенного умом и талантом, но всегда подозреваемого в двуличии, коварстве и бессердечии. Загадочная смесь добра и зла - таким виделся ему Борис.

С. Ф. Платонов посвятил Годунову книгу, не утратившую значения до наших дней. Он также не считал Бориса инициатором закрепощения крестьян. В своей политике, утверждал Платонов, Годунов выступал как поборник общегосударственной пользы, связавший свою судьбу с интересами среднего класса. Многочисленные обвинения против Бориса никем не доказаны. Но они запятнали правителя в глазах потомков. Прямой долг историков, писал Платонов, морально реабилитировать его.

Кем же в действительности был Борис Годунов? Какое значение для истории России имела его деятельность? Ответ на все эти вопросы могут дать лишь исторические источники. Попробуем же заново прочесть их. Постараемся тщательно взвесить все известные факты.

Глава 1

НАЧАЛО ПУТИ

Одни из героев трагедии А. С. Пушкина, боярин Василий Шуйский, выразил презрение к худородному Борису Годунову убийственной фразой: «вчерашний раб, татарин, зять Малюты...»

Легенды по поводу татарского происхождения Годуновых общеизвестны. Родоначальником семьи считался татарин Чет-мурза, будто бы приехавший на Русь при Иване Калите. О существовании его говорится в единственном источнике - «Сказании о Чете». Достоверность источника, однако, невелика. Составителями «Сказания» были монахи захолустного Ипатьевского монастыря в Костроме. Монастырь служил родовой усыпальницей Годуновых. Сочиняя родословную сказку о Чете, монахи стремились исторически обосновать княжеское происхождение династии Бориса, а заодно - извечную связь новой династии со своим монастырем. Направляясь из Сарая в Москву, утверждали ипатьевские книжники, ордынский князь Чет успел мимоходом заложить православную обитель в Костроме... «Сказание о Чете» полно исторических несообразностей и не заслуживает ни малейшего доверия (*Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 162-168*).

Предки Годунова не были ни татарами, ни рабами. Природные костромичи, они издавна служили боярами при московском дворе. Старшая ветвь рода, Сабуровы, процветала до времени Грозного, тогда как младшие ветки, Годуновы и Вельяминовы, захирели и пришли в упадок. Бывшие костромские бояре Годуновы со временем стали вяземскими помещиками. Вытесненные из узкого круга правящего боярства в разряд провинциальных дворян, они перестали получать придворные чины и ответственные воеводские назначения.

Борис Годунов родился незадолго до покорения Казани, в 1552 г. Его отец, Федор Иванович, был помещиком средней руки. Благодаря прозвищу «Кривой» мы знаем о физическом недостатке Федора Годунова. Судить о личных качествах этого человека не представляется возможным. Служебная карьера Федору явно не удалась. Незадолго до появления на свет Бориса московские власти составили списки «тысячи лучших слуг», включившие весь цвет тогдашнего дворянства. Ни Федор, ни его брат Дмитрий Иванович Годунов не удостоились этого звания.

Дмитрий и Федор сообща владели небольшой вотчиной в Костроме. В жизни Бориса это обстоятельство сыграло особую роль. После смерти отца его взял в свою семью дядя. Не только родственные чувства и ранняя кончина собственных детей побудили Дмитрия Ивановича принять особое участие в судьбе племянника. Важно было не допустить раздела последнего родового имения.

Невысокое служебное положение и худородство, можно сказать, спасли Годуновых в дни, когда разразилась опричная гроза. Государство оказалось поделенным на опричнину и земщину. Царь Иван объявил Вязьму своим опричным владением, его подручные произвели там «перебор людишек». В присутствии особой комиссии каждый вяземский дворянин должен был дать показания о своем происхождении, родстве жены и дружеских связях. Родство с боярами, столь высоко ценившееся прежде, могло теперь погубить карьеру служилого человека. В опричный корпус зачислялись незнатные дворяне, они и получали всевозможные привилегии. Прочих лишали их поместий и высылали из уезда. Судя по вяземским писцовым книгам, Дмитрий Годунов пережил все испытания и попал в опричный корпус в момент его формирования.

Царь стремился вырваться из старого окружения. Ему нужны были новые люди, и он распахнул перед ними двери дворца. Так скромный вяземский помещик стал придворным. Служебные успехи дяди пошли на пользу племяннику и племяннице. Борис, по свидетельству его собственной канцелярии, оказался при дворе подростком, а его сестра Ирина воспитывалась в царских палатах с семи лет. Ирина Годунова была ровесницей царевича Федора, родившегося в 1557 г. Сироты водворились в Кремлевском дворце с момента провозглашения опричнины.

Новую думу царя возглавили боярин Алексей Басманов и руководители главных опричных приказов - оружничий Афанасий Вяземский, постельничий Василий Наумов, ясельничий Петр Зайцев. Творцы опричнины доказывали необходимость сокрушить своевольную аристократию методами неограниченного насилия. Они провели свою программу в жизнь. Множество княжеских семей оказались, в изгнании, на восточной окраине государства, в первые же месяцы опричнины. Антикняжескую направленность опричнина утратила через год. Иван IV вынужден был признать крушение своей политики и распорядился вернуть из ссылки большинство опальной знати.

Дмитрий Годунов не принадлежал к племени учредителей опричнины. Свой первый думный чин он получил благодаря случайному обстоятельству - внезапной смерти постельничего Наумова. Годунов занял вакантный пост главы Постельного приказа в то время, когда первые страницы опричной истории были уже заполнены.

Теперь ободренные уступками царя бояре требовали полной отмены опричнины. Верхи феодального сословия выражали недовольство. Трон зашатался. Иван тщетно искал примирения с земщиной. И тут испуганные вожди опричнины впервые прибегли к массовым казням. Волна террора вынесла на поверхность таких авантюристов, как Малюта Скуратов и Василий Грязной. Дела об измене множились изо дня в день. В страхе перед боярской крамолой Иван то помышлял об уходе в монастырь, то готовился бежать вместе с семьей в Англию. Но между тем не забывал и о Пыточном дворе. Вместе со Скуратовым подолгу не покидал его стен. По временам опричная братия искала успокоения в постах и молитвах. Примеряясь к будущей монашеской жизни, Иван исполнял роль игумена опричного братства. Оружничий служил келарем. Постельничему Годунову отводилась более скромная роль, но и он без сомнения надевал черный монашеский куколь (головной убор). Малюта Скуратов занимал одну из низших ступеней в монашеской иерархии: он числился пономарем и лихо звонил в колокол. Но слава о его «подвигах» облетела всю страну.

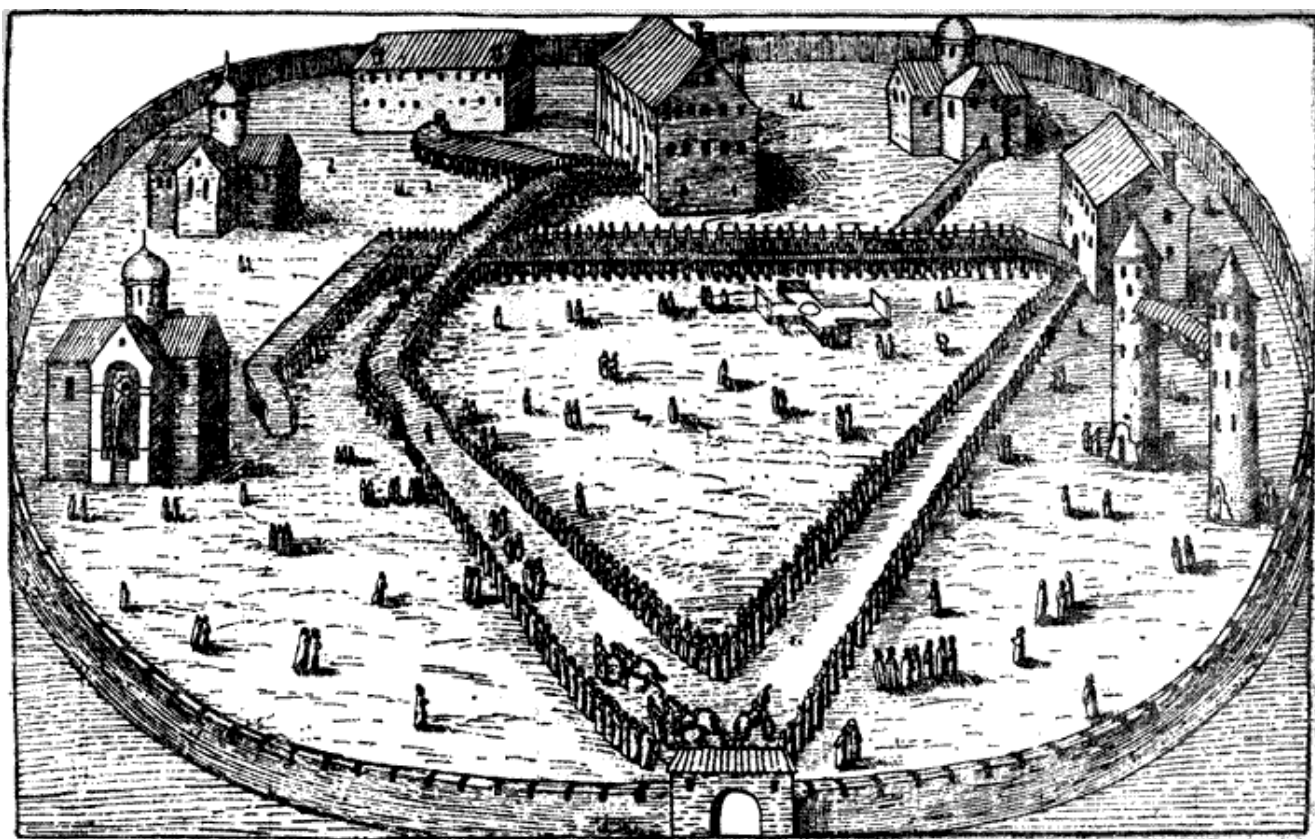
Скуратов инспирировал чудовищный новгородский процесс, окончательно расчистивший ему путь к власти. Последними жертвами опричнины стали ее собственные творцы. Погибли боярин Басманов, оружничий Вяземский, ясельничий Зайцев. Среди высших дворцовых чинов уцелел один постельничий Годунов. Как посчастливилось ему избежать общей участи? Ссылка на личные взаимоотношения со Скуратовым не прояснит вопроса, ибо сами эти отношения развивались в рамках определенных учреждений. Союз Скуратова и Годунова возник под крышей Постельного приказа.

Как особое учреждение Постельный приказ сложился при Алексее Адашеве, реформировавшем весь аппарат государственного управления. В то время его главой был Игнатий Вешняков, ближайший друг и сподвижник Адашева. С давних пор постельничие ведали «царской постелью», т. е. царским гардеробом. Им подчинялись многочисленные дворцовые мастерские, в которых трудились портные, скорняки, колпачники, «чеботники» и другие искусные мастера. Постельный приказ пекся не только о бытовых, но и о духовных нуждах царской семьи. Его штаты включали несколько десятков голосистых певчих, составлявших придворную капеллу.

Ко времени введения опричнины Постельное ведомство чрезвычайно разрослось. За его высшими служителями числилось более 5 тыс. четвертей поместной земли. Через руки постельничего проходили крупные денежные суммы. На одно лишь жалованье служителям и мастерам приказ тратил до тысячи рублей в год.

Постельничим мог быть лишь расторопный и вездесущий человек, способный обставить жизнь царской семьи с неслыханной роскошью. Дмитрий Годунов вполне подходил для такой роли. Царь Иван дорожил домашними удобствами и не мог обойтись без его услуг. Постельный приказ заботился о быте и одновременно о повседневной безопасности первой семьи государства. В годы опричнины эта последняя функция приобрела особое значение (Скрынников Р. Г. *Россия после опричнины*. Л., 1975, с. 11). Согласно «штатному расписанию» 1573 г., постельничему подчинялись постельные, комнатные, столовые и водочные сторожа, дворцовые истопники и прочая прислуга. В дворцовую стражу принимали лишь самых надежных и проверенных людей. Постельный приказ отвечал за охрану царских покоев в ночное время. С вечера постельничий лично обходил внутренние дворцовые караулы, после чего укладывался с царем «в одном покою вместе» (*Исторический архив*, т. IV. М.-Л., 1949, с. 30-37; ср.: Котошихин Г. *О России в царствование Алексея Михайловича*. СПб., 1906, с. 294).

В обычное время начальник внутренней дворцовой стражи был незаметной фигурой. В обстановке заговоров и казней он естественно вошел в круг близких советников царя. Можно ли удивляться тому, что Малюта Скуратов искал дружбы и покровительства влиятельного постельничего? Руководствуясь политическим расчетом, Скуратов выдал дочь за племянника Дмитрия Годунова. Так Борис оказался зятем всемогущего шефа опричников.

Александровская слобода. Гравюра XVI в.

Царь во всем полагался на советы своих новых любимцев. По их наущению он казнил бояр, по их подсказке устраивал свою семейную жизнь. В 1571 г. в Александровскую слободу свезли полторы тысячи невест. Грозный готовился к очередному браку. Заодно он решил женить наследника-сына и некоторых из своих опричных придворных. Третьей женой Ивана стала Марфа Собакина. Выбор казался необъяснимым. На смотринах не было недостатка в красоте и здоровье, между тем как Собакина сохла на глазах. Новобрачную едва ли не из-под венца снесли на кладбище.

Кому же понадобился столь несчастливый брак? Ответ на этот вопрос подсказывают свадебные росписи. Свахами Марфы Собакиной были жена Малюты и его дочь Мария Годунова. Скуратов и его зять подвизались в роли друзей царской невесты.

Скуратовы и Годуновы старались любой ценой породниться с царской семьей. С Марфой им не повезло, зато удалось женить наследника на Евдокии Сабуровой. Сабуровы и Годуновы принадлежали к одному роду.

В. О. Ключевский писал некогда, что Борис Годунов не запятнал себя службой в опричнине и не уронил себя в глазах общества. Но это не совсем верно. На самом деле Борис надел опричный кафтан, едва достигнув совершеннолетия. На службе в ведомстве дяди он вскоре же получил свой первый придворный чин. В качестве стряпчего Борис исполнял при дворе камергерские обязанности. В росписи придворных чинов об этих

обязанностях говорилось следующее: «Как государь разбирается и убирается, повинны [стряпчие] с постельничим платейцо у государя принимать и подавать». В ночное время стряпчие «дежурили» на Постельном крыльце Кремлевского дворца.

Будучи на опричной службе, Борис Годунов стал свидетелем многих бурных событий. Судилища и казни на глазах юного стряпчего перемежались разгульными пирами и монашескими бдениями.

Тревожное опричное время мало благоприятствовало образованию Бориса. Младшие современники считали его вовсе неграмотным. Знаменитый дьяк Иван Тимофеев писал, что Борис от рождения и до смерти не проходил по «стеze буквенного учения» и «первый таков царь не книгочий нам бысть» (*временник Ивана Тимофеева. М.- Л., 1951, с. 56*). Иноземцы с полной категоричностью заявляли, что Борис не умел ни читать, ни писать (*Чтения в Обществе истории и древностей истории, 1911, кн. 3, с. 28*).

Однако современники допустили ошибку. Борис воспитывался в семье, не чуждой просвещению. На склоне лет Дмитрий Иванович охотно дарил монастырям книги из собственной библиотеки. Благодетель-дядя своевременно позаботился о том, чтобы обучить грамоте не только племянника Бориса, но и племянницу Ирину. Примерно в 20 лет Борис удостоверял подписью документ о пожертвовании родовой вотчины в костромской Ипатьевский монастырь (*Там же, 1897, кн. 1, с. 6-7*). Молодой опричник писал аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Взойдя на трон, Борис навсегда отложил перо. Не стоит думать, что он разучился писать. Новый государь не желал нарушать вековую традицию, воспрещавшую коронованным особам пользоваться пером и чернилами.

Как бы то ни было, но в юности Борис получил лишь начатки толкования. Современники не могли простить ему плохого знания Священного писания. Церковные книги оставались неотъемлемой составной частью любой программы обучения на Руси. Так что по меркам XVI в. Годунов был малообразованным человеком.

Придворная интрига вела Годуновых от успеха к успеху, но они не испытывали уверенности. Кругом летели головы, и дядя с племянником, которым суждено было прожить долгую жизнь, предусмотрительно проявили заботу об устройении души, пожертвовав деньги и землю в родовой монастырь. Родство с царем, на которое Годуновы возлагали большие надежды, не принесло ожидаемых выгод. Евдокия Сабурова прожила с наследником менее года, после чего свекор отослал ее в монастырь. Нить, связывавшая Сабуровых и Годуновых с царской семьей, оборвалась. Несколько месяцев спустя шведская пуля настигла Малюту Скуратова под стенами небольшой крепости в Ливонии. Борис лишился тестя, чья поддержка могла бы обеспечить ему стремительную карьеру.

С отменой опричнины и смертью Малюты жизнь двора претерпела большие перемены. Годуновы готовились к худшему, но им и на этот раз удалось удержаться на поверхности. Они проявляли редкую настойчивость в достижении раз поставленной цели. Не сумев сохранить родства с царевичем Иваном, они решили утвердиться при дворе его младшего брата - царевича Федора. Вступая в пятый брак, царь Иван объявил, что намерен женить младшего сына. Дмитрий Годунов поспешил взять дело в свои руки и сосватал царевичу свою племянницу Ирину Годунову. В облике Федора явственно проглядывала печать вырождения. Его хилое тело венчала непропорционально маленькая голова. Это был умственно неполноценный человек, казавшийся на редкость нежизнеспособным. Но все эти пороки не имели большого значения в глазах постельничего и его племянника.

Опричная армия была частично распущена, частично реорганизована. Преемником опричнины стал «двор». «Дворовую» думу возглавили боярин Василий Умной-Колычев и окольничий князь Борис Тулупов. В состав «дворового» корпуса вошли избранные опричники, прошедшие многократные чистки. В связи с переходом на «дворовую» службу Дмитрий Годунов получил повышение. Царь пожаловал ему думный чин окольничего.

Новое правительство пыталось умиротворить государство, потрясенное опричным террором. Но оно не успело выполнить свою задачу и распалось под влиянием внутренних разногласий. Бояре Колычевы оказались втянутыми в острый местнический конфликт с Годуновыми и Сабуровыми. Дмитрий Годунов затеял тяжбу с Василием Умным-Колычевым, а Богдан Сабуров добился того, что боярин Федор Умной-Колычев был выдан ему головой. Годуновы не успокоились, пока не уничтожили своих противников. Одержимый подозрениями царь Иван приказал казнить своих самых доверенных советников - Василия Умнова и Бориса Тулупова. Первое послеопричное правительство пало.

Переворот принес Борису Годунову прямые выгоды. За некое «бесчестье» он получил вотчину казенного Тулупова. Мы никогда не узнаем, какому оскорблению подвергся Годунов. Но его обидчик полностью оплатил счет, угодив на кол. Со временем Борис постарался избавиться от несправедливо нажитого имения. Едва Грозный умер, как он, с благословения Федора, передал тулуповскую вотчину в монастырь. Годунов наказал монахам молиться за погубленных бояр братьев Колычевых, Бориса Тулупова и его мать (княгиня Анна Тулупова погибла вместе с сыном) (*Центральный государственный архив древних актов, ф. 181, № 141, л. 91*). Борис сделал благочестивое дело, но не было ли в его жесте признания своей вины? В характере Бориса не было ни жестокости, ни склонности к кровопролитию, но он уже начал свое восхождение к вершинам власти...

исполнити до́ла о́ного мѣ́жѣ
ла́нїа . и со́вѣстѣ сестро́го
свое́го вѣ́стоу и́холоу ки́юцѣи
цею и́целїкоу ки́и́нею а́лѣ́ксѣ́дромъ
фе́доромъ все́а́рхїи .

Борис Годунов и его сестра Ирина. Миниатюра из «Жития митрополита Алексея»

Царь Иван, разгромив мнимый заговор в «дворовой» думе, занялся организацией новой опричнины, получившей наименование «удела». Он фиктивно передал власть в государстве крещеному татарскому хану Симеону Бекбулатовичу, объявленному «великим князем всея Руси», а себе оставил титул «удельного» князя Московского. Не желая брать на службу старое опричное дворянство, Иван включил в «удел» города Псков, Ростов и Ржеву. Эти земли никогда не были опричными. Местные дворяне, служившие до того в земщине, вошли в «удельную» армию. С помощью новых преторианцев «удельный» владыка разгромил второй новгородский заговор. Жертвами царской подозрительности стали на этот раз бывший сподвижник опричных властей в Новгороде архиепископ Леонид, игумен опричного Симонова монастыря, старые опричные бояре Бутурлины и Борисовы. Казни в «уделе» довершили дело, начатое Малютой Скуратовым. Погибли почти все уцелевшие члены старого опричного руководства. Лишь Дмитрий Годунов и некоторые думные дворяне благополучно пережили новую чистку. «Удельную» думу Грозного возглавили Афанасий Нагой, не служивший в опричнине, и Богдан Вельский, игравший в опричнине скромную роль. Отмена «удела» не повлекла за собой нового «перебора людишек». До последних дней жизни Грозного ключевые посты в правительстве занимали бывшие правители «удела» Польские, Нагие да Годуновы.

«Двор» так и не был распущен, но кровавые казни в Москве прекратились. После гибели царевича Ивана Грозный пожертвовал монастырям колоссальные суммы на помин души нарубленных им людей. «Прощение» опальных стало гарантией того, что опалы и гонения на бояр не повторятся. Другой гарантией стал царский указ, грозивший холопам жестокими карами на ложные доносы. Смерть ждала всякого, кто попытался бы необоснованно обвинить бояр в государственной измене.

Под конец жизни царь почти вовсе перестал пополнять обе думы боярами. Исключение было сделано для одних Годуновых. Бывший вяземский помещик Дмитрий Годунов удостоился боярского чина. Его многолетняя служба в составе опричнины, «двора» и «удела» получила высшую оценку. За 30-летним Борисом Годуновым не числилось никаких государственных заслуг, но и его царь возвел в боярское достоинство. Даже родня Бориса, Степан Годунов, стал окольным.

Успехи Годуновых выглядели исключительными, но будущее по-прежнему внушало им немало тревог. В годы опричнины царь Иван объявил наследником старшего сына Ивана и отказал ему по завещанию большую часть государства. Но он не желал обделить младшего сына Федора и распорядился дать ему удельное княжество, по размерам превосходившее многие европейские государства и включавшее древние города Суздаль, Ярославль и Кострому со многими волостями и селами. Удельные князья были крамольниками по самому своему положению. Московская история почти не знала случаев их ненасильственной смерти, особенно при смене лиц на троне. Царя тревожила мысль о возможном соперничестве сыновей, но он надеялся, что благоразумие и ловкость Годуновых помогут предотвратить распри в царской семье после образования удельного княжества Федора.

Царь постоянно возлагал на Годуновых заботу о младшем сыне. Отправляясь в военные походы, он оставлял Федора в безопасном месте под их присмотром. Положение Бориса было весьма почетным, но оно ограничивало поле его деятельности стенами дворца. Когда одни его сверстники служили в приказных и дипломатических ведомствах, а другие обороняли крепости от врагов, Борис усердно постигал тайны дворцовых интриг.

В конце Ливонской войны в царской семье произошли события, круто изменившие судьбу Годуновых. В ноябре 1581 г. царь поссорился со старшим сыном и в припадке гнева избил его заодно с беременной женой, у которой случился выкидыш. От страшного нервного потрясения и побоев царевич Иван слег и вскоре умер.

Смерть старшего брата открыла перед Федором путь к трону. Окружению Федора эта смерть была исключительно выгодна. Случись все позже, молва непременно обвинила бы Бориса и в этой трагической случайности. Но Годунов не успел еще навлечь на себя ненависть бояр, и на первый раз клевета миновала его. Более того, поздние легенды выставили поведение Бориса в выгодном для него свете. Царский любимец будто бы пытался заступиться за наследника перед отцом, за что был жестоко избит и тяжело заболел.

Источник, сохранивший эту легенду, не отличается достоверностью. Однако факт остается фактом. Трагедия в царской семье испортила отношения между Грозным и его любимцем. На то были свои причины. Пока царевич Иван был жив, отца не слишком волновали семейные дела Федора. В течение многих лет у Федора не было детей. Бездетность будущего удельного князя отвечала высшим государственным интересам. Когда Федор стал наследником престола, положение изменилось. Сохранение его брака с Ириной Годуновой неизбежно обрекало династию на исчезновение. «Бесплодие» Ирины давало царю удобный предлог для развода сына. Борис Годунов всеми силами противился этому. Развод грозил разрушить всю его карьеру. Строптивость любимца вызвала гнев Ивана.

Надломленный горем, царь не осмелился поступить с младшим сыном так же круто, как со старшим. А уговоры не помогали. Царевич и слышать не желал о разлуке с женой. Годунова далеко превосходила мужа по уму и была гораздо практичнее его. За многие годы замужества она приобрела над Федором большую власть. Но Иван все же нашел способ выразить отрицательное отношение к браку Федора с Годуновой. Не питая иллюзий насчет способности Федора к управлению, Грозный поступил так, как поступали московские князья, оставляя трон малолетним наследникам. Он вверил сына и его семью попечению думных людей, имена которых назвал в своем завещании. Считают обычно, что во главе опекунского совета царь поставил Бориса Годунова. Критический разбор источников обнаруживает ошибочность этого мнения.

Через несколько месяцев после кончины Грозного его лейб-медик послал в Польшу сообщение о том, что царь назначил четырех регентов (Никиту Романова-Юрьева, Ивана Мстиславского и др.). Очевидец московских событий англичанин Горсей в одном случае упомянул о четырех боярах, в другом о пятерых. Горсей деятельно интриговал в пользу Бориса, и это нередко побуждало его фальсифицировать, известные ему факты. По утверждению Горсея, главным правителем Иван IV сделал Бориса Годунова, а в помощники ему определил Ивана Мстиславского, Ивана Шуйского, Никиту Романова и Богдана Бельского. Но кто-то из названных лиц в действительности не фигурировал в царском завещании. Осведомленный московский писатель, автор «Иного сказания», упоминает в качестве правителей Шуйского, Мстиславского и Романова. Принадлежность их к регентскому совету в самом деле не вызывает сомнения. Следовательно, из списка регентов надо исключить либо Бельского, либо Годунова. Разрешить сомнения помогает записка австрийского посла Николая Варкоча. Австрийский двор поручил ему любым способом ознакомиться с завещанием Грозного. Посол сумел получить требуемые сведения. «Покойный великий князь Иван Васильевич, - писал Варкоч, - перед своей кончиной составил духовное завещание, в котором он назначил некоторых господ своими душеприказчиками и исполнителями своей воли. Но в означенном завещании он ни словом не упомянул Бориса Федоровича Годунова, родного брата нынешней великой княгини, и не назначил ему никакой должности, что того очень задело в душе» (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien), Russland I, Fasz. 3, fol. 62-64*).

Обстоятельства властно принудили Грозного ввести в регентский совет представителей знати, с которой он тщательно боролся всю жизнь. Из четырех регентов двое - удельный князь Иван Мстиславский и боярин князь Иван Шуйский - принадлежали к самым аристократическим фамилиям России. Мстиславский был человеком бесцветным. Зато Шуйский был личностью незаурядной, а о его военных заслугах знала вся страна. Героическая оборона Пскова спасла Россию от вражеского нашествия и полного разгрома в конце Ливонской войны. Шуйский

был героем псковской обороны. Регент Никита Романов-Юрьев доводился дядей царю Федору и также представлял верхи правящего боярства. И только один Бельский был худородным деятелем опричной формации. Такие любимцы Грозного, как Нагой и Годуновы, остались не у дел. Первый казался опасен своими тайными помыслами о приобретении короны для внучатого племянника царевича Дмитрия. Годуновы несомненно воспрепятствовали бы разводу Федора с бездетной Ириной.

Завещание Грозного нанесло смертельный удар честолюбивым замыслам Годуновых. В качестве ближайших родственников Федора они готовились теперь забрать бразды правления в свои руки. Чтобы достичь власти, оставалось сделать один шаг. Именно в этот момент на их пути возникла непреодолимая преграда, воздвигнутая волей царя Ивана, - регентский совет. При жизни Грозного его воля оказывала на события решающее влияние. Но с его смертью все переменялось.

Глава 2

ПОРА ИСПЫТАНИЙ

В марте 1584 г. царь Иван IV скончался. Опасаясь волнений, правительство пыталось скрыть правду от народа и объявило, будто есть еще надежда на выздоровление государя. Тем временем регент Богдан Бельский и руководители «дворовой» думы приказали запереть на засов все ворота Кремля, расставить стрельцов на стенах и приготовить пушки к стрельбе.

Несмотря на старания властей, весть о смерти царя все-таки распространилась по городу и вызвала волнение в народе. Страх перед назревающим восстанием побудил бояр поспешить с решением вопроса о преемнике Грозного. Глубокой ночью они принесли присягу наследнику - царевичу Федору.

Известный исследователь Смуты С. Ф. Платонов полагал, что вспыхнувшая после смерти Ивана IV борьба свелась к придворным ссорам, к столкновениям между царской родней из-за дворцового влияния. Следуя фактам, можно заключить, что борьба сконцентрировалась вокруг значительно более важного вопроса, нежели дворцовое влияние. Таким вопросом был вопрос о политическом наследии Грозного.

Двойник опричины - «двор», служивший опорой репрессивного режима, несмотря на многочисленные реорганизации, продолжал существовать. Земщина требовала немедленного его роспуска и возврата к доопричным методам управления, но, поскольку стражу в Кремле несла «дворовая» охрана, Богдану Бельскому удавалось до поры до времени контролировать положение. Однако он сразу же столкнулся с неповиновением знати, которая попыталась пустить в ход местнический таран, чтобы положить конец засилью «дворовых» людей.

Земский казначей Петр Головин попробовал «пересидеть» самого Бельского. Местническое положение любого дворянина определялось прежде всего знатностью его фамилии и служебным продвижением предков, а лишь затем личными способностями. Бельский происходил из «неродословной» семьи и не мог тягаться со знатным казначеем. На стороне Головина выступили опекуны Мстиславский, Романов и все земские бояре. За Бельского вступились лишь Годуновы да худородные дядки Щелкаловы. Препирательства едва не привели к кровопролитию. Собравшиеся во дворце земские дворяне набросились на Бельского с таким остервенением, что тот вынужден был укрыться в царских покоях.

Выступление земской оппозиции побудило Бельского прибегнуть к крайним мерам в отчаянной попытке силой подавить назревавшую в земщине крамолу. Вызвав в Кремль стрельцеские сотни из состава «двора», регент тайно обещал им «великое жалованье» и привилегии, какими они пользовались при Грозном, убеждал не бояться бояр и слушаться только его приказов. Склонив на свою сторону стрельцов, Бельский велел затворить Кремль и попытался уговорить Федора, чтобы тот сохранил «двор» и опричину (*Scriptores rerum polonicarum, t. VIII. Cracoviae, 1885, p. 174*).

Между тем бояре-опекуны, разъехавшиеся на обед, узнали о происшедшем. Никита Романов и Иван Мстиславский поспешили в Кремль с большой толпой вооруженных дворян и холопов. Стрельцы отказались открыть ворота опекунам, но затем впустили их через калитку одних, без свиты. Боярская дворня попыталась проложить дорогу силой. На шум отовсюду стал сбегаться народ. Стрельцы схватились за оружие.

В случае успеха Бельский мог ликвидировать регентский совет и править от имени Федора единолично, опираясь на военную силу. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но Бельский и его приверженцы не учли одного важного фактора. Таким фактором был народ. Стычка у кремлевских ворот послужила толчком к восстанию. «Народ всколебался весь без числа со всяким оружием» (*Материалы по истории СССР (XV-XVII вв.), вып. 2. М.-Л., 1995, с. 87*). Захватив пушки, стоявшие на Красной площади, восставшие повернули их в сторону Фроловских ворот. Стрельцы попытались рассеять толпу и дали несколько залпов. Во время перестрелки было убито около 20 и ранено почти 100 человек. События приобрели дурной оборот, и царь высылал на площадь бояр для переговоров. Народ столь решительно требовал выдачи на расправу Бельского, олицетворявшего ненавистный всем жесткий правительственный курс, что царю Федору и его окружению пришлось пожертвовать правителем. Земские бояре объявили народу о ссылке Бельского, после чего волнения в столице постепенно улеглись. Отставка временщика радикально изменила обстановку.

Народное выступление покончило с попыткой возврата к опричнине и привело к падению «дворового» руководства. Три недели спустя в Кремле открылся собор, и земщина впервые получила возможность высказать свое мнение по поводу происходящего. Участники собора знали, что Федор был фактически не способен к

самостоятельному правлению. Тем не менее они одобрили его кандидатуру и, таким образом, заявили о поддержке боярского правительства, пришедшего к власти после ссылки Бельского. Любопытно, что современники восприняли решение собора как избрание Федора на царство.

31 мая 1584 г. столица торжественно отпраздновала коронацию нового царя. После службы в семейном Благовещенском соборе Федор и его свита отправились в Архангельский собор, оттуда в Успенский. Дорогу от дворца к соборам устилали дорогие ткани. Вдоль пути следования процессии сплошной стеной стояли дворяне в «золотых платьях».

Федора короновали по чину венчания византийских императоров. Долгая церемония утомила его. Не дождавшись окончания коронации, он передал шапку Мономаха боярину князю Мстиславскому, а тяжелое золотое яблоко («державу») - Борису Годунову. Этот ничтожный эпизод потряс присутствовавших.

Федор Иванович мало чем походил на отца. По словам очевидцев, последний государь из династии Калиты отличался болезненностью, слабым телосложением, походка у него была нетвердая, на лице, поражавшем своей бледностью, постоянно бродила улыбка. Царь «прост и слабоумен... - отмстил английский посол Флетчер, - мало способен к делам политическим и до крайности суеверен» (*Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906, с. 152-153*). По отзыву папского нунция Поссевино, умственное ничтожество Федора граничило с идиотизмом, почти с безумием. Наследник Грозного был не способен управлять государством. Его никогда не готовили к этой роли. Даже исполнение внешних ритуалов и придворных церемоний казалось ему непосильным.

Дела тяготили Федора, и он искал спасений в религии, каждый день подолгу молился, нередко сам трезвонил на колокольне, раз в неделю отправлялся на богомолье в ближние монастыри. Русские писатели Смутного времени, идеализировавшие последнего законного самодержца, придавали Федору, по меткому замечанию В. О. Ключевского, привычный и любимый облик: в их глазах он был блаженным на престоле. Некоторые восторженные апологеты Федора приписывали ему пророческий дар, хотя и не очень заметный для плохо осведомленных людей.

Русские авторы, охотно отмечавшие удивительное благочестие царя, избегали говорить о его пристрастии к диким забавам и кровавым потехам. Федор упивался зрелищем кулачного, и в особенности медвежьего, боя. На его глинях вооруженный рогатиной охотник отбивался как мог от медведя в круге, обнесенном стеной, из которого некуда было бежать. Потеха редко обходилась без крови.

Среди знати Федор не пользовался популярностью. Его не боялись и не уважали. Русские на своем языке называют его дураком, говорил о Федоре шведский король.

События, происшедшие в Москве после смерти Грозного, показали, что опричнина лишь ослабила влияние боярской аристократии, но не сломила ее могущества. При безвольном и ничтожном преемнике Грозного звать вновь подняла голову. Как только с политического горизонта исчезла зловещая фигура Бельского, бояре окончательно перестали скрывать свои подлинные чувства по поводу смерти царя Ивана. Наблюдатель тонкий и вдумчивый, дьяк Иван Тимофеев очень точно передал атмосферу, воцарившуюся в Кремле в начале правления Федора. «Бояре, - писал он, - долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...» (*Временник Ивана Тимофеева, с. 178*).

К концу жизни Грозного в его думе осталось не слишком много бояр. Их основательно потеснили неродовитые любимцы царя. При Федоре знать ринулась туда толпой.

Численность боярской курии почти сразу удвоилась. Зато курия думных дворян оказалась фактически разогнанной. Афанасий Нагой и Богдан Вельский отправились в ссылку, Михаил Безнин - в монастырь, Василий Юзин и Баим Воейков лишились думных чинов.

Московские события едва не увлекли в пропасть и Годуновых. Восставший народ требовал их удаления из столицы. Борису пришлось познать унижение. Однако он не только уцелел, но и использовал новую ситуацию, чтобы преодолеть еще один крутой подъем на пути к власти. В дни коронации Федор возвел шурина в чин конюшего.

Некогда царь Иван упразднил этот чин, казнив последнего конюшего. Боярские правители восстановили должность, которую издавна занимали представители нескольких знатнейших фамилий. Вопрос о назначении нового конюшего вызвал острую борьбу в верхах. Борису недоставало знатности, чтобы занять высокий пост. Но в конечном счете чином конюшего распоряжались те, кто реально возглавлял правительство. Назначение на пост конюшего, проведенное вопреки ясно выраженной воле Грозного, ввело Годунова в круг правителей государства.

Успех Бориса нельзя объяснить одним лишь родством с царской семьей. В неустойчивой обстановке первых дней царствования влияние Федора на дела управления было ничтожным. 32-летнему Борису помогла прежде всего его политическая изворотливость. Годунов поспешил отвернуться от покровителя, сподвижника и свояка Бельского, как только понял, что дело того проиграно. Более важное значение имело для него покровительство земских бояр.

Ко времени коронации наибольшую силу обрел круг лиц, осуществлявших при Грозном управление земщиной. Во главе его стояли дядя царя, регент Никита Романов, и дьяк Андрей Щелкалов. Английский посол Иероним Боус называл их самыми влиятельными в Москве людьми. Однако власть боярского правительства казалась непрочной. Достигший преклонного возраста Романов тяжело болел, и никто не сомневался в его близкой кончине.

Писатели Смутного времени утверждали, будто Романов, пораженный недугом, сам искал дружбы Годунова и вверил ему своих совсем еще молодых сыновей. Очевидец тех событий троцкий монах Авраамий Палицын свидетельствовал, что Годунов обещал регенту «соблюсти» его семью (*Сказания Авраамия Палицына. М.- Л., 1955, с. 104*). Автор «Сказания о Филарете Романове», использовавший семейные предания Романовых, авторитетно подтвердил его слова. Согласно «Сказанию», Борис проявлял любовь к детям Романова и дал страшную клятву, что всегда будет почитать их за братьев (*Дополнение к Актам историческим, т. II. СПб., 1846, с. 194*). Современники повествовали об этом эпизоде в излишне сентиментальных выражениях. В действительности союз Романовых и Годуновых был вызван к жизни трезвым политическим расчетом. Знатностью Романовы далеко превосходили Годуновых, но в глазах Рюриковичей Шуйских и гедиминовичей Мстиславских они выглядели все же достаточно худородными. Аристократическая реакция грозила покончить с высоким положением этой семьи. Неудивительно, что Романову пришлось искать поддержки у «дворовых» бояр Годуновых. Родня Федора должна была объединиться перед лицом общей опасности. Капитан Яков Маржарет, служивший при Борисе телохранителем, определенно утверждал, что боярина Годунова избрали в правительство после того, как разнеслась молва о намерении низложить слабоумного Федора (*Сказания современников о Дмитрии Самозванце, т. III. СПб., 1832, с. 256*).

Заботы нового правительственного кружка сосредоточились на том, чтобы закрепить за Федором власть и привлечь на его сторону земскую знать. Одной из самых важных мер в этом направлении явилась общая амнистия по случаю коронации Федора. В результате многих князей и бояр знатного рода, находившихся в опале при прежнем царе, даже тех, которые просидели в тюрьмах 20 лет, т. е. оказались за решеткой при учреждении опричнины, освободили и вернули им обратно поместья. Все заключенные получили прощение.

Земская Боярская дума добилась известных гарантий по поводу произвольных опал и казней. Вновь изданные распоряжения воспрещали судьям подвергать дворян наказанию без достаточного доказательства вины даже при наличии самых тяжких преступлений, которые могли повлечь за собой смертную казнь.

По словам очевидцев, новые власти сместили администрацию, назначенную Грозным. «По всему государству, - писал Джером Горсей, - были сменены неправосудные чиновники, судьи, воеводы и наместники и на их должности назначены были более честные люди, которым поведено под страхом строгого наказания прекратить лихоимство и взяточничество, существовавшее при прежнем царе, и отправлять правосудие без лицепрятия, а дабы это могло быть исполнено, им увеличили их поместья и годовые оклады» (*Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1907, кн. 2, с. 52-53*). Трудно сказать, насколько эффективными оказались правительственные прокламации относительно взяток и злоупотреблений приказных судей. Несомненно, однако, что бояре и судьи добились для себя немалых выгод. Чтобы они лучше исполняли должностные обязанности, им увеличили поместья и жалованье.

Джером Горсей описал нововведения по свежим следам. Но в его рассказах не все заслуживает доверия. Записка Горсея, посвященная коронации Федора, носит откровенно апологетический характер. Будучи доверенным лицом Бориса Годунова, Горсей пытался отнестись новшества всецело за счет мудрости царицы Ирины и ее брата. Между тем многие признаки указывали на то, что влияние Годуновых на дела еще носило ограниченный характер. Осуществление же нового курса в значительной мере было связано с деятельностью земского боярского правительства. Повсеместно проведенная смена администрации имела отчетливую цель - оттеснение от руководства бывших опричников и «дворовых» чиновников.

Новое правительство с первых же шагов столкнулось с немалыми финансовыми затруднениями. По традиции царь, взойдя на престол, раздал крупные суммы денег дворянству по случаю своей коронации. Немалый ущерб нанесло казне хозяйничанье опекунов. Но причины возникших трудностей коренились все же не в этом. Вместе с разоренной страной боярское правительство получило в наследство от Грозного полностью расстроенные финансы. Приступив к упорядочению финансовой системы, оно должно было считаться с реальным положением дел.

Важнейшим фактором формирования политики стали народные движения. Некоторые исследователи (например, П. П. Смирнов) полагали, что возбудителями их были бояре, боровшиеся за власть, другие (С. В. Бахрушин) - движущей силой восстаний считали городские низы, поднявшиеся на антифеодальную борьбу.

Факты заставляют признать, что наряду с городскими низами и купечеством против правительства с оружием в руках выступали дворяне. Именно они подали сигнал к восстанию, вспыхнувшему сразу после смерти Грозного. Молодой сын боярский, повествует летописец, проскакал тогда по столичным улицам, вопя во весь голос «в народе, что бояр Годуновы побивают». Когда сбегавшаяся отовсюду толпа осадила Кремль, рассказывает другой летописец, «дети боярские многие на конех из луков на город стреляли». В мятеже участвовали «ратные московские люди», пришедшие «с великою силою и со оружием к городу». Среди мятежников оказались не только рядовые служилые люди, но и знатные земские дворяне из провинции. В ходе расследования выяснилось, что «заводчиками» мятежа были «большие» рязанские дворяне Ляпуновы (из этой семьи вышли знаменитые деятели Смуты) и Кикины, а также «иных городов дети боярские».

После выступления посада и вооруженных дворян противиться боярское правительство уже не могло. 20 июля 1584 г. дума утвердила закон об отмене податных привилегий крупных землевладельцев, так называемых тарханов. Князья церкви и крупные землевладельцы лишались льгот и должны были платить подати наравне со всеми землевладельцами. Правительство старалось таким путем ослабить экономический кризис и завоевать симпатии разоренного мелкого дворянства. Издавая закон об отмене податных привилегий светской и духовной знати, власти особо подчеркивали, что вводят эту меру на неопределенное время «для воинского чину оскудения»,

«покаместа земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением». Политика более равномерного обложения отвечала интересам оскудевшего «воинского чина». Но наибольшие выгоды из этой политики извлекло все же не дворянство, их извлекла казна.

Покушение на боярские привилегии вызвало негодование знати. Борьба в думе приобрела драматический характер. Ненадолго до обсуждения там вопроса о тарханах польский посол писал из Москвы, что разногласиям и постоянным междоусобиям у московитов нет конца: «...Вот и сегодня я слышал, что между ними возникли большие споры, которые едва ли не вылились во взаимное убийство и пролитие крови» (*Historia Russiae monumenta, t. II. СПб., 1841, с. 2-3*). Власти ждали нового мятежа. Опасность усилилась с наступлением весны 1584 г., когда в Москве участились пожары. По словам очевидцев, царскую столицу наводнили разбойники, повинные в поджогах. Летом московские власти в страхе перед народом фактически перевели город на осадное положение. В Кремле вооруженными патрулями командовал князь Иван Туренин, родня Годуновых. На окраинах распоряжался воевода Иван Крюк-Колычев, приверженец Шуйских.

Царь Иван не слишком удачно выбрал опекунов для сына. При жизни он умел добиться от них послушания. Устранение Бельского не погасило распри внутри опекунского совета. Польские послы писали из Москвы, что московские правители очень часто препираются в присутствии Федора без всякого уважения к нему. Разногласия внутри боярского правительства вспыхнули с новой силой после того, как оно лишилось самого авторитетного из своих руководителей. Никиту Романова хватил удар, надолго приковавший его к постели. Партия Мстиславского и Шуйского смогла значительно усилить свои позиции.

Соперничавшие группировки не сталкивались ни по внутренним, ни по внешним вопросам. Объектом их острого политического соперничества стало центральное финансовое ведомство - Казенный приказ.

Обычно царской казной ведали два лица, контролировавшие друг друга. Опираясь на поддержку бояр, главный казначей Петр Головин добился того, что вторым казначеем был назначен его родственник Владимир Головин. Более века Головины из поколения в поколение служили главными финансистами при московских государях. Но никогда они не распоряжались государственной казной так бесконтрольно, как при Федоре. Казенный приказ оказался вотчиной сторонников Мстиславского и Шуйского.

Благодаря своим личным качествам Петр Головин стал одним из подлинных вождей Боярской думы. Человек большой храбрости, он не побоялся бросить вызов Богдану Бельскому и добился отставки могущественного временщика. Боярское руководство оценило его заслуги. При коронации Федора он нес перед царем шапку Мономаха. Располагая поддержкой регентов Мстиславского и Шуйского, главный казначей открыто добивался изгнания бывших опричников из правительства. С Годуновым он обращался дерзко и неуважительно. Семья Головиных обладала большими местническими преимуществами перед родом Годуновых. Выиграв местнический спор с Бельским, знатный казначей лишь ждал случая, чтобы посчитаться с его свояком. Интрига боярской партии встревожила Бориса, и он решил нанести упреждающий удар. По его настоянию дума постановила провести ревизию казны. Проверка наличности обнаружила столь большие хищения, что боярский суд вынужден был приговорить Головина к смерти.

Борис имел возможность физически уничтожить своего врага, но он понимал, что кровавая расправа не принесет ему популярности. В конце концов Годунов удовольствовался церемонией казни. Осужденного возвели на Лобное место и передали в руки палача, который сорвал с жертвы одежду и занес топор над головой. Казнь была отменена в самый последний момент. Головину объявили помилование и сослали в Казанский край. Стеречь опального поручили Ивану Воейкову, бывшему опричнику и любимцу Бориса. (Когда в тюрьме казначей умер, распространились слухи, будто его тайно умертвили по приказу правителя.)

Второго казначея, Владимира Головина, изгнали со службы, лишили чинов и имущества и отправили в ссылку. Брат Петра, Михаил Головин, бежал в Польшу. Годунов добился того, что главою Казенного приказа стал бывший опричник Деменша Черемисинов.

Суд над Головиными ослабил боярскую партию, чем немедленно воспользовались сторонники партии Романова. Раздор между Никитой Романовым и Мстиславским привлек общее внимание. Став преемником заболевшего Романова, Годунов повел борьбу с Мстиславским с удвоенной энергией. Столкновение завершилось отставкой самого знатного из членов регентского совета.

В былые времена Грозный неоднократно принуждал главу земщины Мстиславского к публичным покаяниям. Мстиславский признал себя виновным в том, что татары сожгли дотла русскую столицу, а царские полки потерпели поражение в войне с Баторием. При Федоре на голову Мстиславского посыпались новые обвинения. В Москве был пущен слух, будто регент хотел заманить Годунова к себе в дом и убить во время пира. Борис получил удобный повод затеять грандиозный процесс. Но он постарался избежать ненужного шума и убедил престарелого регента добровольно уйти на покой.

Нам удалось найти монастырскую запись - красноречивое свидетельство пострижения старшего опекуна. «Июля в 23 день (1585 г. - Р.С.) приезжал в Соловецкий монастырь помолиться князь Иван Федорович Мстиславский и дал на корм на два стола 20 рублей» (*Центральный государственный архив древних актов, ф. Соловецкого монастыря, № 211, оп. 1, № 3, л. 8-8 об.*).

Из Соловков боярин уехал на Белоозеро, в Кириллов монастырь, и там постригся под именем старца Ионы. Как видно, регента доставили к месту заточения совсем не так, как доставляли других опальных «изменников». Ему позволили по дороге совершить паломничество в Соловецкий монастырь. Согласие Мстиславского на добровольное изгнание избавило от опалы членов его семьи. Сын регента унаследовал от отца удельное княжество и пост главы Боярской думы.

Отставке Мстиславского предшествовала сложная закулисная борьба, в которой едва ли не решающую роль сыграл главный дьяк думы Андрей Щелкалов. Писатель Смутного времени Иван Тимофеев называл Щелкалова наставником Бориса, научившим его одолевать благородных. Тимофеев служил под началом Щелкалова и знал больше других. Глава приказной бюрократии в самом деле помог Годунову выдержать столкновение с Мстиславским.

Современники характеризовали Щелкалова как человека исключительно умного и пронырливого. Дьяк обладал удивительной работоспособностью. Не зная покоя ни днем, ни ночью, он работал как мул. Щелкаловы были выходцами из посадской среды. Дед Андрея торговал скотом. Его называли конским барышником. Отец Щелкалова начал карьеру как поп, а закончил ее в должности дьяка. После 20-летней службы в приказах Андрей Щелкалов стал одним из ведущих деятелей земщины. Борис искал его дружбы и в порыве благодарности даже называл безродного дьяка отцом. Большого унижения себе он не мог придумать. У Годунова были причины заискивать перед руководителем земщины.

В начале 1585 г. переводчик Посольского приказа Яков Заборовский, будучи в Польше, передал полякам исключительно важную информацию о положении в Москве. По его словам, русские окончательно «договорились между собой, и из них только двое держат в своих руках управление всей страной и царством Московским: одного из них зовут Борисом Федоровичем Годуновым... а другой - временный правитель или нечто вроде этого - Андрей Щелкалов»; он (переводчик) думает, что «положение Щелкалова более прочное, чем у зятя князя».

Земщина не простила Годунову его опричного прошлого. Чем выше он возносился, тем острее чувствовал непрочность своего положения. Многие считали Бориса не более чем временщиком. Между тем Федор обладал слабым здоровьем, и ему предрекали короткую жизнь. Он смертельно заболел и едва не умер в первый же год царствования. Борис прекрасно понимал, что кончина Федора привела бы к быстрому крушению его карьеры, и лихорадочно искал выхода.

В начале 1585 г. Годунов направил нескольких доверенных лиц в Вену. Переговоры с венским двором были окружены строжайшей тайной. Но поляки вскоре же проведали о них. Переводчик Заборовский, непосредственно участвовавший в переговорах, снабдил их точной информацией. Его разоблачения носили сенсационный характер.

Не рассчитывая на то, что Ирина Годунова сохранит трон после смерти мужа, Борис тайно предложил Вене обсудить вопрос о заключении брака между нею и австрийским принцем и о последующем возведении принца на московский трон (*Scriptores rerum polonicarum, t. XVIII, p. 422*). Правитель не видел иных способов удержать власть. Но затеянное им сватовство завершилось неслыханным скандалом. Царь Федор выздоровел, а переговоры получили огласку. Польский посол заявил Боярской думе решительный протест по поводу венских переговоров. Инициаторы интриги выступили с неловкими оправданиями. «И мы то ставим в великое удивленье, што такие слова злодейские (о сватовстве к «цесареву брату».- Р.С.) нехто затеял злодеи и изменник», - заявили они (*Центральный государственный архив древних актов, ф. 79 (сношения России с Польшей), кн. 16, л. 141*). Оправдания никого не смогли обмануть. Федор был оскорблен до глубины души. Безоблачные до того отношения между родственниками омрачились. В дальнейшем кроткий царь не раз прибегал к палке, чтобы проучить шурина.

Боярская партия использовала промах Годунова, чтобы добиться реванша. Положение Бориса казалось безнадежным. Сам он готовился к худшему. Борис не оставил записок, которые позволили бы судить о его внутренних переживаниях. Но, как и многие другие люди того времени, он поверял свои тревоги не дневнику, а монахам. Обращения к церкви подкреплялись внушительными денежными затратами. В росписях монастырских доходов людские переживания получали денежное выражение. Порою прозаические цифры оказывались ценнее красноречивых записей дневника. 30 ноября 1585 г. Троице-Сергиев монастырь получил от Годунова фантастическую сумму - тысячу рублей. Даже коронованные особы прибегали к таким пожертвованиям лишь в редких и исключительных случаях. Вклад денег в монастырь служил верным способом обеспечить будущее семьи. Опала влекла за собой конфискацию имущества. Но это правило не распространялось на имущество и деньги, вложенные в монастырь. Как видно, Борис заботился о том, чтобы обеспечить своей семье приличное содержание в случае опалы.

За месяц до обращения в монастырь Годунов направил в Лондон своего агента Джерома Горсея с тайной миссией. Англичанин помчался к границе с такой поспешностью, будто за ним гнались, и в пути забил насмерть двух русских ямщиков. В Лондоне не поверили своим ушам, когда Горсей изложил королевскому совету просьбу Годунова. Борис просил в случае беды предоставить ему и его семье убежище в Англии. Разъяснения эмиссара рассеяли все сомнения в серьезности его намерений. Горсей уведомил королеву, что сокровища Годунова уже в Соловецком монастыре. Оттуда при первом удобном случае их легко переправить в Лондон. Королева Елизавета не скрывала своего удивления и долго расспрашивала Горсея о причинах, по которым Годунов намеревался вывезти из России свои богатства.

В Лондоне Горсей должен был выполнить еще одно поручение деликатного свойства. Он обратился к лучшим английским медикам за рекомендациями относительно царицы Ирины, которая часто, но неудачно бывала беременна. С наступлением весенней навигации английский корабль доставил в Россию опытную акушерку. Но дело получило преждевременную огласку и принесло много неприятностей Борису. Ему пришлось прибегнуть к хитрости, чтобы не допустить обсуждения щекотливого вопроса в Боярской думе.

В своем письме Федору королева Елизавета сообщала, что посылает к русскому двору искусную, опытную повивальную бабку и доктора, который будет руководить действиями бабки и принесет пользу здоровью царицы. Однако в Москву был допущен один только доктор. Повивальную бабку задержали в Вологде, всякие упоминания о ней были тщательно удалены из королевской грамоты при переводе на русский язык. Представленный членам

Боярской думы перевод гласил, что из Лондона прибыл доктор, который «своим разумом в дохторстве лутче и иных баб».

Годуновы надеялись, что рождение наследника разом упрочит будущее династии, и следовательно их собственное положение при дворе. Но обращение к «иноверцам» и «еретикам» привело в неистовство противников Бориса, ревностно заботившихся о благочестии и не допускавших мысли о том, что «еретическая дохторица» (повивальная бабка) может облегчить появление на свет православного царевича.

В Москве назревали грозные события, и Борис вынужден был смириться. «Дохторица» жила в Вологде целый год, да так ни с чем и уехала на родину. Рождение наследника не входило в расчеты оппозиции. Царская семья оказалась игрушкой в руках могущественных бояр и духовенства, объединившихся в попытке уничтожить Годунова.

Борис познал могущество и бессилие. Ему не удалось сохранить в тайне обращение к лондонскому и венскому дворам. С весны 1586 г. по Москве поползли зловещие слухи, будто Годуновы хотят возвести на трон австрийского католика и при живом муже сватают за него царицу Ирину, а в случае неудачи готовы бежать к английским протестантам. Все эти толки дали новую пищу для боярской агитации против Бориса. Положение в столице осложнилось после того, как в конце апреля умер Никита Романов-Юрьев. Последовавшее затем народное возмущение едва не погубило Годуновых.

Современники, пережившие Смуту, с восторгом вспоминали о тихом и безмятежном царствовании Федора. Но они многое забыли. Принято называть «бунташным» время царя Алексея Михайловича. На самом деле «бунташный» век начался сразу после смерти Грозного. При «тишайшем» Федоре народные волнения повторялись с поразительной периодичностью и силой.

В 1586 г. царские дипломаты выступили за рубежом с категорическим опровержением слухов о том, что московские правители «в Кремли-городе, в осаде сидели». «Того не бывало, заявили послы, - то нехто сказывал негораздо, бездельник. От ково, от мужиков в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведетца для всякого береженья» (*Там же, кн. 17, л. 143*). Дипломаты говорили неправду. Летописи и монастырские записи не оставляют сомнений на этот счет. Расходные книги Чудова монастыря засвидетельствовали факт осады Кремля с полной неопровержимостью. В середине мая 1586 г. монастырь закупал боеприпасы «для осадного времени». Как видно, монастырские слуги в дни осады охраняли кремлевские стены вместе со стрельцами.

Летописи позволяют заключить, что внезапно вспыхнувшее возмущение застало правителей врасплох. Народ - «московских людей множество» - ворвался в Кремль и запрудил площадь перед Грановитой палатой. Толпа требовала выдачи Бориса, олицетворявшего теперь в ее глазах гнет и несправедливость. Москвичи, повествует летописец, хотели побить камнями «без милости» всех Годуновых разом. Борис бессилен был защитить себя и своих близких.

Но разбушевавшаяся народная стихия ошеломила власть имущих. Бояре старались любой ценой успокоить чернь и удалить ее из Кремля. Ради достижения этой цели им пришлось помириться между собой. Роль мирового посредника взял на себя митрополит Дионисий. Шуйские не смогли использовать благоприятный момент для расправы со своими противниками.

От имени всех бояр регент Иван Шуйский заверил народ в том, что «им на Бориса нет гнева», что они «помирились и впредь враждовать не хотят меж себя». Несколько торговых «мужиков» попытались перечить боярину, но момент был упущен, и настроение толпы переменялось. Как только народ покинул Кремль, бояре немедленно затворили все ворота, расставили стрельцов на стенах и окружили многочисленной стражей государев двор. Началось известное по дипломатическим документам «сидение» в Кремле в осаде.

Судьба Годуновых, казалось, висела на волоске. Борис все больше утверждался в намерении искать спасения за рубежом. Лагерь его сторонников таял на глазах. Причина неудачи Бориса не была тайной. Под давлением земщины Борис распустил «дворовую» охрану и тем самым лишился важного инструмента по поддержанию порядка. Он не мог эффективно контролировать положение в столице.

Московские волнения принесли наибольшие политические выгоды боярам Шуйским. При любом безвластии эта семья неизменно оказывалась на поверхности. Так случилось после смерти Василия III и Ивана IV, а в дальнейшем после гибели Годунова и Лжедмитрия. Шуйские олицетворяли могущество русской аристократии. Они были сильны также своими связями в дворянской среде. Их традиционно поддерживало столичное население, и в особенности богатое московское купечество. Группировку Шуйских возглавлял Иван Петрович Шуйский, пользовавшийся большой популярностью. Помимо регента, в Боярской думе сидели бояре Андрей, Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские, а также боярин Василий Федорович Скопин-Шуйский.

Мир между Шуйскими и Годуновыми оказался недолговечным. Знать спешила использовать ничем не прикрытое поражение Бориса, чтобы окончательно избавиться от него. Шуйские инспирировали новое выступление земщины против Годуновых. Как русские, так и иностранные источники совершенно различного происхождения одинаково свидетельствуют о том, что оппозиция пыталась навязать развод царю Федору и тем нанести смертельный удар влиянию Бориса. Земцы явились во дворец и подали Федору прошение, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин» (*Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы. М., 1869, с. 187*). Прощение равнозначно было соборному приговору: его подписали регент князь Иван Шуйский и другие члены Боярской

думы, митрополит Дионисий, епископы и вожди посада - гости и торговые люди. Чины требовали пострижения Ирины Годуновой, а следования Бориса. Выступление земщины носило внушительный характер.

В молодости Федора угнетал страх перед отцовскими побоями. Но даже своему равному деспоту отцу не удалось принудить безвольного сына к разводу. Еще меньше шансов на успех имели бояре и митрополит, предпринявшие попытку вмешаться в его семейную жизнь.

13 октября 1586 г. митрополит Дионисий был лишен сана, пострижен в монахи и сослан в Хутынский монастырь в Новгороде. Его «собеседника» крутицкого архиепископа Варлаама Пушкина заточили в новгородский Антониев монастырь. Опальные церковники получили возможность продолжать свои «беседы» в тиши и уединении.

Семейные дела царя Федора не были единственным пунктом разногласий между сторонниками Годунова и боярской партией. Постоянные споры вызывали дела внешнеполитические. Знать выступала за более тесное сближение с Речью Посполитой. Литовский канцлер Сапега в письмах из Москвы писал, что знатные бояре - сторонники короля Батория. Переводчик Посольского приказа Заборовский в 1585 г. подтвердил эту информацию и дополнил ее важными подробностями. Он тайно уведомил Батория о том, что польскую партию в Москве возглавляют Шуйские, которые «очень преданы королю и все надежды возлагают на то, что своими владениями, как бы «отцы в ореоле», соседствуют с королевскими владениями» (*Scriptores rerum polonicarum, t. XVIII, p. 424*). Осведомленность чиновника московского дипломатического ведомства не подлежит сомнению.

Об истоках польских симпатий Шуйских можно догадаться. Московской знати импонировали политические порядки Речи Посполитой, ограничивавшие королевскую власть в пользу магнатов. Бояре не прочь были распространить подобные порядки на Руси и таким путем ограничить самодержавную власть царя.

Король Стефан Баторий знал о раздорах между ведущими боярами и о народных возмущениях в Москве. В его переписке с иезуитом Поссевино можно встретить утверждения насчет того, что бояре и почти весь народ московский, не желая терпеть деспотизм Годунова, ждут лишь польской помощи. Знатные московские эмигранты советовали королю не терять времени. Один из них, Михаил Головин, заявил Баторию: «Где [король] не придет, тут все ево будет; ни кто... против его руки не подымет» из-за розни великой в боярах: «для розни и нестроения служить и битися ни кто не хочет» (*Центральный государственный архив древних актов, ф. 79, кн. 15, л. 629 об*).

В конце 1586 г. в Польше начал работу сейм, который должен был обсудить и конкретизировать планы вторжения в Россию.

На пороге войны с Речью Посполитой Борис Годунов бросил вождям боярской оппозиции прямое обвинение в изменнических связях с врагами. Как стало известно в Литве, глубокой осенью 1580 г. он заявил в думе о том, что Андрей Шуйский ездил под видом охоты на границу и встречался там с литовскими панями. По слухам, боярину удалось оправдаться. Но разбирательство в думе будто бы закончилось тем, что Годунов и Шуйский подрались и ранили друг друга.

По свидетельству осведомленных современников, недовольные организовали заговор против Бориса. Австрийский посол Варкоч узнал о нем из уст самого Годунова. В отчете о беседе Варкоч писал: «Душеприказчики (царя Ивана.- П.С.) приобрели себе много тайных сообщников, особенно из горожан и купцов, для того чтобы внезапно напасть на Бориса и всех тех, кто стоит им поперек дороги, убрать их, а в дальнейшем править по своей воле» (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien), Russland I, Fasz. 3, fol. 63*). Цитирую документ по фотоконии, полученной из венского архива.)

Много лет Годуновы подвизались на поприще политического сыска. У них повсюду были глаза и уши. Правитель своевременно узнал о планах заговорщиков. Но он не в состоянии был помешать их действиям и, по словам Горсея, довольствовался тем, что окружил себя многочисленной охраной.

В последних числах декабря 1586 г. в пограничную литовскую крепость Витебск поступили сведения о крупных беспорядках в русской столице. Местный воевода направил своему правительству два письма с информацией об этих событиях. В первом письме он писал, что зачинщиком беспорядков был Андрей Шуйский, которому удалось договориться со Щелкаловым. Во втором письме имя Щелкалова не фигурировало. Согласно последней версии, во время нападения Шуйского на двор Годунова погибли сам Борис и другой большой боярин, а вместе с ними полегло до 800 человек (*Archiwum glowny akt dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwillow, dz. 5. N 11223*). Приношу глубокую благодарность Б. Н. Флоре, ознакомившему меня с текстом писем С. Паца, Л. Сапегу и А. Бараковского).

Литовцы сочувствовали Шуйским и давно ждали известий об их успехе. Потому они легко поверили тому, что Годунов погиб, а Щелкалов примкнул к мятежникам. Слухи такого рода окапались недостоверными. И все же донесения литовских разведчиков не были сплошным вымыслом. Одновременно с донесением из Витебска литовское правительство получило информацию о московских происшествиях из первых рук. Через своих представителей за рубежом Посольский приказ официально уведомил литовцев о ссылке боярина Андрея Шуйского в деревню и казни московских «торговых мужиков», которые «поворовали были, не в свое дело вступились». Как видно, в Москве произошел мятеж или была предпринята попытка мятежа с участием посадских людей. Разгромить двор Годуновых не удалось. Борис подготовился к отпору и противопоставил мятежникам внушительную силу.

Оправившись от пережитого страха, Годунов, чтобы запугать «чернь», приказал обезглавить у стен Кремля шестерых купцов. Многие посадские люди отправились в ссылку в Сибирь.

Санкции против Шуйских отличались удивительной мягкостью и резко контрастировали с мерами против вождей посада. Согласно официальным разъяснениям, князю Андрею не была объявлена опала, хотя он и принужден был покинуть столицу. Регента Ивана Шуйского отослали в его отдаленную вотчину город Кинешму.

В отсутствие Шуйских власти приступили к расследованию причин и обстоятельств заговора. Розыск велся с применением обычных в то время средств. Участников заговора брали на Пыточный двор и допрашивали с пристрастием. Некоторые из арестованных дворян, убедившись, что дело их проиграно, поспешили сменить знамена. Федор Милюков, служивший в свите Шуйских, подал донос. Следствие продолжалось много месяцев и дало в руки правительства важные улики, после чего за рубежом было сделано новое заявление по поводу дела Шуйских. «...Князь Ондрей Шуйской с братьею,- гласила официальная версия, - учали перед государем измену делать неправду и на всякое лихо умышлять с торговыми мужики на всякое лихо, а князь Иван Петрович, им потакаяючи, к ним же пристал, и неправды многие показал перед государем» (*Центральный государственный архив древних актов, ф. 79, кн. 18, л. 123 об*). Русские дипломаты не стали разъяснять полякам, в чем именно состояла измена Шуйских и их приверженцев - «мужиков». Однако в Москве власти открыто объявили о том, что заговорщики поддерживали тесные связи с польским правительством. Австрийский посол Варкоч писал в своем донесении из Москвы в 1589 г.: «Душеприказчики (царя Ивана.- *Р.С.*) хотели (как ныне заявляет Борис) тайно сговориться с Польшей и включить Россию в ее состав; вообще имеются основательные подозрения, что все это вовсе не выдумки» (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien), Russland I, Fasz. 3, fol. 63*).

Московские беспорядки побудили Годунова к решительным действиям против боярской оппозиции. Страна оказалась на пороге новых политических потрясений. Весь горизонт, от края до края, затянули грозовые тучи. Однако удар грома последовал с запозданием.

Глава 3

ГОНЕНИЯ НА БОЯР

Поражение России в Ливонской войне надолго подорвало ее внешнеполитические позиции. Навязанная ей система мирных соглашений не гарантировала длительного и прочного мира. После смерти Ивана Баторий отказался подтвердить Ям-Запольское перемирие. Экспансионистские круги Швеции также лелеяли планы новых завоеваний в России. Но раздор из-за Ливонских земель мешал противникам Русского государства объединить свои усилия.

Военное ослабление России привело к тому, что крымцы возобновили набеги на Русь. Воеводы громили степняков в 1584 и 1586 гг. Мелкие стычки стали перерастать в более широкий вооруженный конфликт. В 1587 г. крымский хан послал в поход своих сыновей с 40 тыс. всадников. Царские войска своевременно выступили навстречу им и вынудили их повернуть вспять.

Кровавые междоусобицы в Бахчисарае дали русским повод к вмешательству в татарские дела. Сын свергнутого крымского хана, Мурат-Гирей, явился в Москву и был принят на царскую службу. Московское руководство упорно помышляло о водворении в Крыму московского вассала. Подготавливая почву для осуществления этих планов, русские препроводили Мурат-Гирея в Астрахань и сосредоточили там военные силы. По личному распоряжению Годунова в Астрахани была спешно сооружена мощная каменная крепость, одна из лучших в государстве. Русские воеводы выстроили острог на Тереке и крепость на переволоке между Доном и Волгой. В честь Ирины Годуновой новый город на Волге получил наименование Царицын. Военные приготовления на Нижней Волге и Северном Кавказе не оставляли сомнений в том, что Москва ждала военного столкновения с Османской империей и готовилась отразить врага.

Конфликт между Россией и Крымом благоприятствовал завоевательным планам ее западных соседей. Баторий приступил к практической подготовке новой восточной кампании. Однако в разгар затеянных военных приготовлений, в конце 1586 г., он умер.

В период польского бескорольевья русская дипломатия предложила избрать на трон Речи Посполитой царя Федора и объединить усилия двух государств в целях разгрома турок и татар. В ходе избирательной кампании победу одержали шведский и австрийский кандидаты на престол. Борьба претендентов принесла успех наследнику шведского престола Сигизмунду III Вазе. Война с Россией стала одним из главных пунктов внешнеполитической программы нового польского короля. Коалиция двух ее сильнейших противников, выигравших Ливонскую войну, возродилась благодаря личной унии двух государств.

Московское правительство попыталось противопоставить польско-шведской коалиции союз с австрийскими Габсбургами. Годунов направил в Вену своего эмиссара Луку Паули. Вслед за тем в Москву прибыл австрийский посол Варкоч. Правитель пригласил его к себе в хоромы. Церемония как две капли воды походила на царскую аудиенцию. Во дворе от ворот до ворот стояла стража. Борисовы дворяне «в платье золотном и в чепях золотных» ждали посла в зале. Австриец поцеловал руку Годунову, после чего вручил личное послание императора.

Годунов попытался убедить Варкоча в необходимости русско-австрийского военного союза и предложил частично покрыть военные расходы империи. В методах личной дипломатии Бориса обнаружились характерные особенности. Предложенные венскому двору субсидии были столь велики, что напоминали поминки по крымскому хану.

Переговоры с австрийцами дали внешней политике Русского государства новую ориентацию. В Западной Европе назревало решительное столкновение между протестантской Англией и католическими Габсбургами.

Накануне испанского вторжения Лондон, искавший сближения с Москвой, направил в Россию посла Джильса Флетчера. Годунов придавал большое значение торговле с Англией и в 1587 г. подтвердил права англичан на беспопышную торговлю в России, чем вызвал негодование московского купечества. Однако уже в 1588 г. он пересмотрел свою проанглийскую политику. Миссия Флетчера 1588-1589 гг. завершилась полным провалом. Московское правительство отклонило домогательства Англии.

Деятельность Годунова оказала заметное влияние на внешнеполитический курс страны. Боярская дума признала этот факт и в 1589 г. вынесла постановление, санкционировавшее личные сношения Бориса с австрийскими и испанскими Габсбургами, Англией и другими государствами Западной Европы. Борис недолго упивался своими дипломатическими успехами. В Москве с запозданием узнали о том, что Австрия уже в марте 1589 г. подписала мирный договор с Речью Посполитой и взяла на себя обязательство не предоставлять никакой помощи России. Планы создания австро-русской коалиции оказались несостоятельными. Политика «личной дипломатии» потерпела неудачу. Россия лишилась потенциального союзника в лице Англии и не смогла преодолеть состояние международной изоляции.

Летом 1589 г. над страной нависла угроза вражеского нашествия. Шведский король Юхан III сосредоточил в Ревеле почти всю свою сухопутную армию, насчитывавшую до 10 тыс. солдат, и флот из 40 кораблей. Туда же прибыл польский король Сигизмунд III. Союзники намеревались продемонстрировать русским свое военное превосходство и вынудить их к территориальным уступкам. Предполагалось вызвать царя Федора на границу и во время свидания вырвать у него согласие на передачу Швеции и Речи Посполитой главных пограничных крепостей - Смоленска, Новгорода, Пскова - и других русских земель. Фактически Юхан III и его сын готовились расчленить Русское государство.

Россия не располагала достаточными ресурсами, чтобы выдержать войну с вражеской коалицией. Финансы ее были подорваны, численность дворянского ополчения резко сократилась. В начале Ливонской войны командование могло отправить в поход более 18 тыс. дворян, в конце войны - не более 10 тыс. Значительная часть земель, принадлежавших помещикам, оказалась заброшенной. Старопахотные земли зарастали лесом. Прошло пять лет со времени заключения мира, но лишь небольшая часть опустевшей пашни была возрождена к жизни. Губительные последствия аграрной катастрофы испытали на себе и крестьяне, и самые мелкие феодальные землевладельцы. Сократился фонд поместных земель. Процесс экономической стабилизации был приостановлен стихийными бедствиями, обрушившимися на страну в 1587-1588 гг. Неблагоприятные климатические условия погубили урожай. Цены на хлеб многократно повышались в Москве и Новгороде, Владимире и Холмогорах. Крестьяне искали спасения на плодородном Юге. Правительственные чиновники доносили о многочисленных случаях дворянского «оскудения». Разорившиеся служилые люди и члены их семей бросали пустые поместья, шли в кабалу к боярам, изредка садились на крестьянскую пашню, чаще питались подаянием. Недовольство низшего дворянства стало источником политического кризиса.

В связи с голодом 1588 г. осложнилось положение в столице. Толпы нищих и бродяг заполнили городские улицы. Народ винил в своих бедах Бориса Годунова, по-прежнему олицетворявшего несправедную власть. Его бранили и втихомолку и открыто. Английский посол Флетчер видел в 1588-1589 гг., как московская толпа жадно внимала пророчествам юродивого, поносившего Бориса. «В настоящее время, - писал Флетчер в своих записках, - есть один в Москве, который ходит голый по улицам и восстанавливает всех против правительства, особенно же Годуновых, которых почитают притеснителями всего государства» (*Флетчер Д. Указ. соч., с. 123*). К 1589 г. голод в стране кончился, но положение в Москве оставалось тревожным. С наступлением весны правительство, опасаясь уличных беспорядков, отдало приказ о размещении в городе усиленных военных нарядов (*Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Эрмитажа., д. 390, л. 733*).

В 1588-1589 гг. Москву будоражили слухи, крайне неблагоприятные для Бориса Годунова. Эти слухи были подхвачены и раздуты за рубежом.

В конце 1588 г. ватиканский посол в Кракове направил в Рим две сенсационные депеши. Первая гласила, что «москаль» в ссоре велел наказывать шурина палками, но Борис выхватил нож и нанес царю две раны, от чего тот опасно занемог. Вторая депеша содержала вовсе недостоверный слух, будто Федор убит своими придворными (Годуновыми?).

Московские новости получили отражение в официальной переписке литовского канцлера Сапеги. Источником информации для него послужил рассказ шляхтича, который нес пограничную службу и беседовал через границу с русской стражей. Московиты сообщили знакомому литвину следующее: «Княгиня московская родила дочку. Но Годуновы, будучи недовольны, тайком взяли новорожденного сына у жены стрельца и положили на место дочери царицы. Один со стороны Годуновых, знавший об этом, выдал их в том как младшему князю Дмитрию, брату нынешнего московского государя, так и другим боярам. Потом это сообщили самому государю. За эти провинности своей жены государь приказал постричь ее в монахини. Боясь, что и с ними поступят так же, Годуновы, вероятно, как говорит [русская] стража, покололи самого государя» (*Biblioteka Polskiej akademii nauk w Korniku, N 1539/13*).

Прошло два месяца, и литовский подканцлер А. Бараковский направил польскому послу в Риме письмо с новыми захватывающими подробностями насчет московского скандала. Суть их сводилась к следующему. Когда царь Федор уехал из Москвы на богомолье в монастырь, царица забеременела от кого-то другого, за что Федор хотел ее постричь в монахини. Брат царицы Борис Годунов из-за сестры поспорил с Федором. В споре царь ударил шурина посохом, а тот несколько раз пырнул Федора ножом. Здоровье царя плохое. Некоторые утверждают, будто

великая княгиня хотела отравить мужа, опасаясь, что ее постригут в черницы (*Biblioteka Polskiej akademii nauk w Krakowie, Rkp. Jag. bibl., N 1136. Названные депеши были впервые разысканы в польском архиве Б. Н. Флорей*).

Источником литовской информации были скорее всего клеветнические слухи, обильно распространявшиеся в Москве. Боярам не удалось избавиться от царицы Ирины Годуновой с помощью петиций на имя Федора. Тогда они попытались скомпрометировать ее с помощью злостных слухов. Благочестивую царицу обвинили разом в супружеской неверности, попытке подменить царского ребенка и намерении отравить мужа.

Клеветнические слухи подрывали престиж Годуновых. И прежде не обладавший популярностью Борис стал мишенью всевозможных нападок. Даже доброжелатели правителя не питали иллюзий насчет его будущего. Австрийский посол Варкоч писал в 1589 г.: «Случись что с великим князем, против Бориса снова поднимут голову его противники... а если он и тогда захочет строить из себя господина, то вряд ли ему это удастся».

Честолюбие Годунова восстановило против него ближайших союзников. Главный посольский дьяк Андрей Щелкалов был раздражен его бесцеремонным вмешательством в дела дипломатического ведомства. В 1587 г. королева Елизавета опрометчиво адресовала свое письмо разом обоим правителям - Годунову и Щелкалову. Борис тотчас же выразил неудовольствие и велел передать в Лондон, что непригоже «смешивать» его с дьяком, ибо в том есть «немалая поруха его княжескому достоинству и чести» (*Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875, с. 286*). Андрей Щелкалов сохранял известную популярность в земщине и не желал признать превосходство Годунова. Беседуя с английским послом Флетчером в 1588 г., он заявил, что Борису «всякие дела государственные, о которых делах государство держитца, по... царскому приказу все приказаны». Щелкалов недвусмысленно намекал на то, что Борис является таким же приказным человеком, как и он сам.

Соперничество соправителей приобрело открытые формы и вылилось в кратковременную опалу Щелкалова в 1588 г. Спустя год австрийский посол Варкоч во время своего пребывания в Москве констатировал, что «Андрей Щелкалов больше не в чести, Борис Федорович совсем не благоволит к нему, за дьяком следят и не очень ему доверяют» (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien), Russland I, Fasz. 3, fol. 63*).

В обстановке внутреннего и внешнего кризиса боярская оппозиция вновь подняла голову. В доверительной беседе с Горсеем Борис жаловался на заговор Нагих и присоединившихся к ним Шуйских (*Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1907, кн. 2, с. 61*). Бывшие опричники Нагие и великородные князья Шуйские принадлежали к противоположным полюсам политической жизни. Но и тех и других переполняла вражда к правителю. Наметившаяся изоляция побудила Годунова прибегнуть к насильственному подавлению оппозиции. Репрессии были признаком крайней слабости правительства. По меткому замечанию В. О. Ключевского, московские летописцы верно понимали затруднительное положение Бориса при царе Федоре: оно побуждало бить, чтобы не быть побитым.

Первой жертвой годуновских репрессий стал регент Иван Петрович Шуйский. Преданный правителю дворянин князь Иван Туренин захватил боярина в его вотчине и увез под сильной охраной на Белоозеро. В Кирилло-Белозерском монастыре боярина насильственно постригли в монахи. Монастырь стал местом одновременного заточения двух душеприказчиков Грозного.

Старец Иов Шуйский недолго жил в глухой северной обители. В конце 1588 г. по всей стране прошла молва о его смерти. Английский посол Джильс Флетчер, Джером Горсей, летописцы московские и псковские упомянули о том, что «великий боярин» был убит по приказу Бориса. Но кто может сказать, записали ли они достоверные сведения или клеветнические слухи? Рассеять сомнения помогают подлинные документы, найденные нами в фондах Кирилло-Белозерского монастыря.

На страницах монастырских вкладных книг кирилловские монахи записали, что 12 ноября 1588 г. в их обитель прибыл пристав князь Туренин, а 28 ноября этот пристав внес большое денежное пожертвование на помин души князя Ивана Шуйского. «А корм на преставление его [князя Шуйского], - отметили старцы, - ноября в 16 день» (*Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 78/1317, л. 69- 69 об*). Очевидно, Туренин не мог пожертвовать деньги на опального без прямого царского повеления. Чтобы снестись с Москвой, ему нужен был самое малое месяц. Следовательно, распоряжение из столицы он не мог получить раньше середины декабря. Как же случилось, что Туренин «упокоил» душу опального в ноябре, на 12-й день после его кончины? Неизбежно предположение, что правитель поручил Туренину не только привезти Шуйского на Белоозеро, но и убить его.

Бывшего опекуна задушили дымом, иначе говоря, отравили угарным газом. Самый способ казни свидетельствовал о том, что Борис старался убрать соперника без лишнего шума и без огласки. В тех же целях он затеял маскарад пострижения. Казнь Шуйского можно назвать поистине «благочестивым» убийством. Московские государи перед кончиной всегда надевали иноческое платье. Не всем это удавалось. Грозный сподобился пострижения уже после того, как испустил дух. По понятиям людей того времени, «ангельский образ» облегчал потустороннюю жизнь.

Сколь бы критической ни казалась ситуация, убийство Шуйского было продиктовано не трезвым политическим расчетом, а чувством страха. Пострижение регента покончило с его светской карьерой, ибо в мир он мог вернуться лишь расстригой. По словам Горсея, все оплакивали знаменитого воеводу. Репутация Годунова была загублена окончательно. Отныне любую смерть, любую беду молва мгновенно приписывала его злой воле.

Младшие Шуйские, разосланные по своим деревням, подверглись гонениям вслед за регентом. Их взяли под стражу и отправили в тюрьму. Андрея заточили в Буй-городе, Василия - в Галиче, двух братьев оставили в Шуе-селе. В дворовых списках конца 1588 г. имеются пометы о посылке приставов (Замыцкого, Окинфова, Вырубова) к арестованным Шуйским.

Признанный глава антигодуновского заговора Андрей Шуйский внушал правителю наибольшие опасения, что и решило в конце концов его судьбу. Согласно семейным преданиям Шуйских, князя Андрея умертвили в тюрьме в июне 1589 г.

Немало знатных дворян подверглись гонениям заодно с Шуйскими. В монастырь попал видный боярин Федор Шереметев, «что с князем Иваном Петровичем Шуйским государю царю Федору изменял» (*Барсуков А. П. Род Шереметевых, т. II. СПб., 1882, с. 8-9*). Шереметев побывал в польском плену и присягал там на верность Баторию. Известный воевода и ближний сподвижник регента Иван Крюк-Колычев попал в нижегородскую каменную тюрьму. Пострадало также и немало дворян. По преданию, в связи с делом Шуйских попал в монастырь ростовский сын боярский Аверкий (Авраамий) Палицын, знаменитый впоследствии писатель Смутного времени.

Преследования Шуйских и их приверженцев не покончили с оппозицией. Центром антигодуновской агитации оставался Углич - резиденция младшего сына Грозного. Раздор между московским и удельным дворами нарастал с каждым днем. Одним из последствий его был небольшой, но многозначительный эпизод, связанный с завещанием Грозного.

Не опубликованные до сих пор документы Венского архива приоткрывают краешек завесы, окутавшей историю царского завещания. Первый из этих документов - донесение из Москвы Луки Паули. Этот австрийский подданный, долго живший в Москве, был послан Борисом в Вену и заинтриговал имперских чиновников рассказами о царском завещании, якобы касавшемся австрийского дома. Габсбурги отправили в Россию посла Варкоча, поручив ему во что бы то ни стало ознакомиться с завещанием. Ценой больших усилий Варкочу удалось получить необходимую информацию. Борис Годунов, писал он из Москвы, подавил раскрытый им боярский заговор, строго покарал повинных в крамоле душеприказчиков Грозного, а царское завещание, как говорят, разорвал. Паули дополнил отчет посла драматическими подробностями. Он сообщил о скоростижной смерти дьяка Саввы Фролова, переписчика завещания Грозного, которого, как можно было подозревать, отравили, чтобы царское завещание не стало известно (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien), Russland I, Kart. 4, fol. 97*).

Трудно оценить достоверность австрийских данных. Налицо лишь внешнее совпадение фактов. Свидетель кончины Грозного Горсей подтверждает, что Грозный продиктовал духовную ближнему дьяку Савве Фролову. В апреле 1588 г. завещание, как слышал Паули, еще существовало в целости. Не позднее ноября следующего года австрийцы узнали о его уничтожении. Как раз в это время карьера дьяка Фролова оборвалась и его имя навсегда исчезло из документов.

Уничтожение царского завещания, по тогдашним меркам, было делом неслыханным. Если это сделал Борис, то что толкнуло его на такой шаг? Может быть, опасность для него таили в себе те распоряжения Грозного, которые касались полномочий регентов и определяли права Дмитрия, младшего брата Федора?

В случае смерти бездетного Федора царевич Дмитрий оставался единственным членом царствующего дома. Нагие понимали, что малолетний царевич может сесть на царство в любой момент, и по-своему готовились к этому, старательно поддерживая в нем неприязнь к советникам царя Федора. В характере Дмитрия, страдавшего эпилепсией, рано проявилась унаследованная от отца жестокость. Зимой мальчик лепил снежные фигуры и называл их именами ближних бояр. Окончив работу, он принимался лихо рубить им головы, приговаривая: «Это Мстиславский, это Годунов». В Москве детские «глумления» царевича вызвали недовольство и страх. Взаимные подозрения достигли предела. Угличский двор распространял повсюду слухи, будто родственники Федора, рассчитывавшие заполучить трон в случае его бездетной смерти, пытались «окормить» Дмитрия зельем. Слухи эти записал в 1588-1589 гг. английский посол Флетчер. Они оказались столь живучи, что попали на страницы поздних русских летописей XVII в.

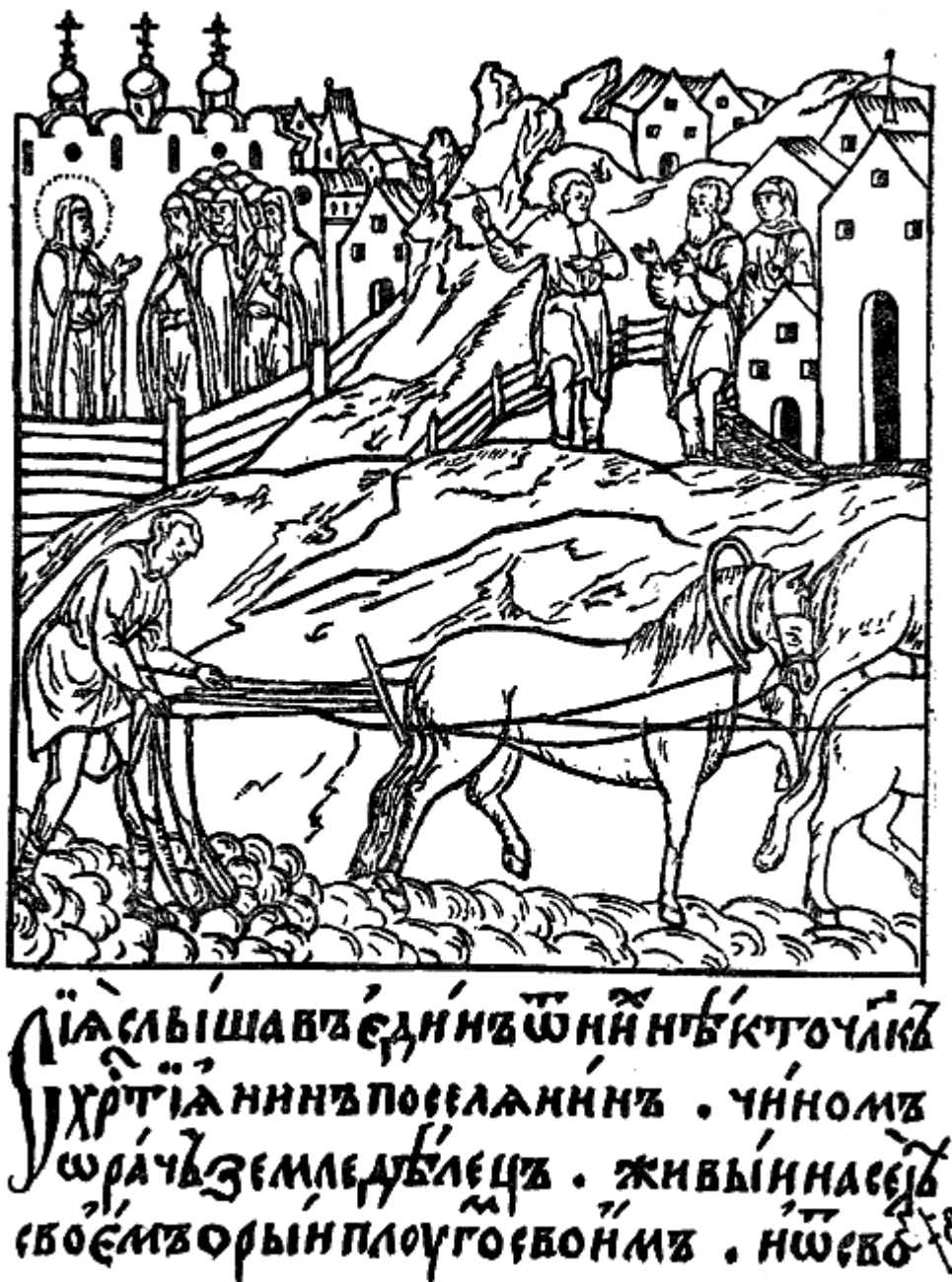
Московский двор не остался в долгу. Ранее 1589 г. власти разослали по всем церквям приказ, воспрещавший упоминать на богослужениях имя Дмитрия па том основании, что он зачат в шестом браке, а следовательно является незаконнорожденным. Такой приказ, утверждал английский посол, отдал священникам сам царь вследствие происков Бориса Годунова. Церковные правила строго воспрещали православным вступать в брак более трех раз. При жизни Грозного никто не смел усомниться в законности его последнего брака. После его кончины все изменилось. Родне Дмитрия оставалось надеяться на царское завещание. Отцовское благословение само по себе утверждало взгляд на царевича как на законного наследника престола. Уничтожение завещания лишило претензии угличского князя юридической базы.

Неизвестно, в самом ли деле Нагие устраивали заговоры с Шуйскими, как то утверждал Годунов. Во всяком случае и те и другие подверглись преследованиям почти одновременно. Не позднее 1588 г. власти арестовали и заточили в монастырь Петра Нагого, сына любимца Грозного Афанасия Нагого. Считалось, что самого Афанасия Нагого убили сразу после смерти Ивана IV. На самом деле в «дворовом» списке царя Федора можно обнаружить сведения о том, что в 1588 г. его держали под арестом в Ярославле. Приставом у него был дворянин Жеребцов, доверенное лицо Бориса.

Политика Годунова не пользовалась достаточной популярностью. Она постоянно наталкивалась на глухое сопротивление в среде удельной и боярской знати. Неудивительно, что власти добивались ослабления политического могущества аристократии. В конце 80-х годов казна конфисковала удельные владения ливонской королевны Марии Старицкой, троюродной сестры царицы Марии Нагой. Королевну вынудили принять пострижение и удалиться с малолетней дочерью в монастырь. Царицу Марию Нагую ограничили в правах, а находившееся в ее владении Угличское удельное княжество подчинили контролю московской приказной администрации, направив туда дьяка Михаила Битяговского. У царя Симеона Бекбулатовича отняли титул великого князя Тверского и отобрали тверской удел. Князья Воротынские сохранили свои владения, но им не

разрешено было жить в Москве. Помимо удельной знати, гонениям подверглись князья Голицыны и Куракины, нетитулованная старомосковская знать Шереметевы и Бутурлины. «Великих» Морозовых, Яковлевых, Колычевых правитель многие годы не допускал в Боярскую думу.

Раздор Бориса с боярами, недовольство «скудеющих» дворян и городские восстания вызвали к жизни политику, некоторыми чертами напоминавшую опричнину. Современники живо почувствовали опасность. Один из них подробно описал опричные меры Ивана IV против знати и тут же отметил, что подобные средства употребляют ныне Годуновы ради того, чтобы истребить и унижить знатнейшее дворянство. Деятельность Бориса в самом деле приобрела отчетливый антибоярский характер. Но столкновение со знатью все же не привело к повторению опричнины. Воспитанник Грозного смог одолеть бояр без новой опричнины, потому что имел возможность воспользоваться ее плодами. Еще больше он обязан был своим торжеством успехам политической централизации, достигнутой к концу XVI столетия. Без поддержки окрепшего приказного аппарата управления Годунову едва ли удалось бы справиться с всплеском аристократической реакции.

Крестьянская пехота. Миниатюра из «Жития Сергия»

Показания современников насчет возрождения опричных порядков при Борисе следует признать ошибочными. Своеобразие политического курса Годунова состояло в том, что он отказался от услуг преторианцев - привилегированного охранного корпуса (из рядов которого сам вышел) - и пытался найти более прочную опору во всей массе дворянства.

Автор обширного сочинения о России Джильс Флетчер писал, что русское правительство облагает невыносимыми налогами все сословия, а дворяне и духовенство мирятся с этим, перекладывая бремя податей на плечи простолюдинов. Английский правовед, как видно, глубоко проник в тайны налоговой системы Московии. Свой рассказ Флетчер завершал словами о том, что «купцы и мужики (так называется простой народ) с недавнего времени обременены большими и невыносимыми налогами» и что притеснителями всего государства почитают в Москве Годуновых (*Флетчер Д. Указ. соч., с. 127*).

Слова Флетчера находятся в вопиющем противоречии с разъяснениями Посольского приказа насчет податной политики Годунова. В то самое время, когда Лондон опубликовал записки своего московского посла, русские дипломаты в Польше выступили с заявлением о том, что Борис не только даровал народу правосудие, но и освободил его от разорительных налогов и повинностей. По всей стране, «что ни есть земель всего государства, - заявляли послы за рубежом, - [Борис] все сохи в тарханех учинил во льготе, даней никаких не емлют, ни посох ни х какому делу» (*Центральный государственный архив древних актов, ф. 79, кн. 22, л. 29*).

В период с 1583 по 1588 г. податной оклад номинально вырос в полтора раза. Низшие сословия никаких особых льгот не получили. Очевидно, приказные руководители имели в виду мероприятия Годунова, затронувшие исключительно высшие сословия.

В отличие от крупных привилегированных землевладельцев, мелкие помещики не пользовались финансовыми льготами и должны были платить в казну подати со всех принадлежавших им поместных земель. Такой порядок не был обременителен для дворянства, пока удельный вес барской запашки в поместье был ничтожен. «Великое разорение» привело к тому, что мелкое поместье обезлюдело и значительную часть дохода рядовой служилый человек стал получать с приусадебной пашни. Но барская пашня плохо кормила, пока ее облагали податями наравне с крестьянской. Взыскание налогов с усадебной пашни вконец разоряло служилую мелкоту. Дворяне роптали. И правительство осознало, что без серьезных уступок низшему дворянству оно не достигнет прочной стабилизации. Заявления Посольского приказа имели под собой фактическую основу. Служилые люди в самом деле получили от Годунова финансовые льготы. Казна стала «обелять» (освобождать) от податей усадебную запашку помещиков, несших военную службу. Неизвестно, когда эта мера приобрела общегосударственное значение, но то, что она широко практиковалась уже в начале 90-х годов, с очевидностью доказывают платежные книги Бежецкой пятины. (Бежецкая пятина примыкала к Новгороду с юго-востока.)

Налоговая политика Годунова носила отчетливый сословный характер. Мелкопоместные дворяне рассматривали предоставленные им льготы как очень значительные. Необлагаемая барская пашня гарантировала им пропитание и спасала от нищенской суммы при неблагоприятной ситуации. Но было бы неверно думать, что новая налоговая политика ориентировалась исключительно на низшее дворянство. Казна освобождала от податей тем большие участки барской пашни, чем большим поместьем владел дворянин. Таким образом, реформа податной системы принесла среднему дворянству еще большие выгоды, чем мелкому.

Некогда Пересветов поучал царя Ивана, что он должен относиться к «воинникам», как отец к детям: «что царская щедрость до воинников, то его и мудрость». При Федоре служилое сословие было уверено в этом так же, как и при Иване. Оно все настойчивее заявляло о своих нуждах. Правящие верхи не сразу откликнулись на их требования.

Боярское правительство начало с уничтожения тарханских привилегий крупных землевладельцев. На словах эта мера продиктована была заботой о «скудеющем» дворянстве. На деле она вела к обогащению главным образом казны. Выбившись наверх, Борис постарался забыть о своем скромном происхождении и не сразу пришел к продворянской ориентации. Поворот в его внутренней политике был ускорен раздорами с боярской аристократией и упадком дворянской ополчения. «Обеление» дворянских земель и подготовительные шаги к закреплению крестьян показали, что формирование нового курса в основных чертах завершилось. Податная реформа имела исключительно важные социальные последствия. Она впервые провела четкую грань между высшими, привилегированными, сословиями феодальных землевладельцев и низшим, податным, сословием зависимых крестьян.

Глава 4

УЧРЕЖДЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА

Антифеодальные восстания, распри между боярами и полная недееспособность царя Федора ослабили самодержавную систему управления. Раздор между светской и духовной властями и низложение митрополита Дионисия усугубили кризис. Монастыри не желали мириться с наступлением на их податные привилегии. Оказавшись в затруднительном положении, правительство стремилось сгладить противоречия и избежать новых столкновений с руководителями церкви. Борису Годунову удалось возвести на митрополию кафедру своего ставленника Иова. Но новый митрополит не пользовался авторитетом и популярностью. Бояре и духовенство не простили ему опричного прошлого.

«История» святейшего патриарха рассказывает, что первый духовный чин Иов получил в Старице «благоразсмотрением» благочестивого царя Ивана. Можно установить, что произошло это в разгар казней, когда Иван сделал Старицу своей опричной резиденцией и произвел там «перебор людишек». Место игумена старицкого Успенского монастыря оказалось вакантным, и Иов занял его. Будучи человеком посредственных способностей, опричный игумен не смог сделать быструю карьеру, несмотря на то что находился постоянно на виду у Грозного. Лишь в 1581 г. он получил коломенское епископство и, казалось бы, достиг предела своих возможностей. Однако с

приходом к власти Годунова все переменялось. Иов стал архиепископом, а через несколько месяцев митрополитом. В отличие от «мудрого грамматика» Дионисия новый руководитель церкви не блистал образованием и умом. Заменой талантов ему служила преданность Борису. А кроме того, Иов мог выразительно и без запинки читать наизусть длиннейшие молитвы, «аки труба дивная, всех веселя и улаждая» (*Русская историческая библиотека, т. XIII. СПб., 1909, с. 928*).

Борис готов был употребить любые средства, чтобы упрочить престиж Иова. Без авторитетного руководства церковь не могла вернуть себе то влияние, которым пользовалась в былые времена. Между тем обстановка острого социального кризиса требовала возрождения сильной церковной организации. В такой ситуации светская власть выступила с инициативой учреждения в России патриаршества.

Безвозвратно минуло время, когда вселенская православная церковь, возглавляемая царьградским патриархом, рассматривала русскую митрополию как второстепенную, периферийную, епархию. Падение Византийской империи привело к перераспределению ролей. Некогда могущественная византийская церковь пришла под власть турок-завоевателей в полный упадок, в то время как русская церковь достигла высшего расцвета. В Московском царстве митрополиты располагали несравненно большими возможностями и богатствами, чем константинопольский патриарх под властью иноверцев. Положение младших патриархов в Александрии и Антиохии было вовсе бедственным. В XVI в. восточные патриархи все чаще обращались в Москву за вспомоществованием. Число просителей росло из года в год.

Новая реальность получила отражение в сочинениях русских книжников, сформулировавших доктрину «Москва - третий Рим». Гибель второго Рима (Византии), утверждали они, превратила Московское царство («третий Рим») в главный оплот православия. Со временем идеологи сильной церкви дополнили эту доктрину новыми рассуждениями: если Россия, стала средоточием всемирного православия, ее церковь должно возглавлять лицо, имеющее высший духовный сан, подле православного самодержца должен стоять патриарх, как было в Константинополе.

Столпы православной церкви Востока нисколько не сочувствовали русским проектам, но не хотели открыто отклонить их. Торг из-за патриаршего сана сулил большие выгоды. При царе Федоре в Москву приехал антиохийский патриарх Иоаким с обычной просьбой о субсидии. Его приняли с большим почетом, но, прежде чем вести разговоры о деньгах, предложили обсудить вопрос об учреждении в России патриаршей кафедры. Иоаким весьма неохотно обещал передать пожелания москвитов вселенскому собору. После отъезда Иоакима в Москву прибыл гонец константинопольского патриарха Феолита. Греки явно не желали вести с москвитами письменные переговоры по делу о патриаршестве. В своей грамоте Феолит писал преимущественно о финансовых затруднениях. Но на словах его гонец передал, что вселенские патриархи собираются решить московское дело в ближайшее время.

Сношения с Константинополем вступили в новую фазу после того, как Феолит был низложен турками, а его место занял Иеремия. Новый глава вселенской церкви отправился в Москву собственной персоной. В Москве не знали о смене церковного руководства и заподозрили было Иеремию в самозванстве. Греки без особого труда рассеяли подозрения и 21 июля 1588 г. были приняты в Кремле. Иеремию представили царю, затем отвели в особую палату для беседы с глазу на глаз с Борисом Годуновым и Андреем Щелкаловым. Беседа выявила крайне неприятные факты. Русские ждали, что патриарх привез с собой постановление вселенского собора. Оказалось же, что дело не сдвинулось с мертвой точки.

Московские переговоры затянулись более чем на полгода. Ход их получил в источниках неодинаковое освещение. Наибольшие отступления от истины допустили московские церковные писатели. Они утверждали, будто на патриарх привез в Россию благоприятное решение вселенского собора (*Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Одесса, 1912, с. 140*). Официальный отчет, составленный Посольским приказом, излагал историю переговоров с большими купюрами. С византийской стороны в переговорах участвовали помощники патриарха - митрополит Иерофей и архиепископ Арсений. Они выдвинули свои версии московских переговоров, не совпадавших между собой.

Архиепископ элассонский Арсений задался целью прославить, патриарха Иеремию, и заодно воспеть щедрость царя. Московские впечатления он изложил в стихах, поскольку все виденное, по его словам, не поддавалось описанию в прозе (*Вестник Европы, 1820, № 19, с. 22-23*). Каковы же были истоки его вдохновения? Об этом можно догадываться.

Когда патриарх Иеремия удостоился аудиенции в Кремле, царь щедро одарил всех его спутников, за исключением одного Арсения. Такая немилость объяснялась тем, что последний уже был однажды в Москве и получил большую сумму на помин души царя Ивана, но распорядился деньгами не так, как следует. Порядочные поминки архиепископ мог справить лишь в своей епархии, а между тем, покинув Русь, он остался в неприязнительной Литовской земле (*Шпаков А. Я. Указ. соч., с. 109*).

Неудивительно, что при втором появлении в Москве Арсения встретили холодно, даже враждебно. В ходе открывшихся переговоров византиец сумел вернуть себе расположение москвитов. На прощальной аудиенции царь сказал ему: «Твердо надеюсь, что я никогда не оставлю тебя без помощи: многие города с их областями я тебе поручу, и ты будешь управлять ими в качестве епископа» (*Вестник Европы, 1820, № 19, с. 74*). Неожиданная милость царя объяснялась, видимо, тем, что Арсений оказал ему важные услуги. Он помог русским довести до благополучного конца переговоры об учреждении патриаршества, а затем выехал в Константинополь, где Иеремии предстояло не очень приятное объяснение со вселенским собором. Сочинение Арсения помогло патриарху выйти из затруднительного положения.

Арсений выступил как апологет Иеремии, митрополит Иерофей - как критик. Иерофей включил отчет о московских переговорах в текст составленного им Хронографа. Его краткая, лишенная литературных красот заметка отличалась большей достоверностью, нежели стихотворные сочинения Арсения (*Терновский Ф. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к Древней Руси. Киев, 1875*).

По словам Иерофея, подлинной причиной путешествия патриарха Иеремии в Москву были долги константинопольского патриаршества. Переговоры по поводу субсидий сразу зашли в тупик, поскольку русские власти потребовали предварительно решить вопрос об учреждении у них патриаршества.

Появление Иеремии в Москве поставило московское правительство перед выбором. Оно могло либо отпустить патриарха без субсидий и тем самым утратить все возможности, связанные с первым посещением Руси главой вселенской церкви; либо одарить патриарха богатой милостыней (но история Иоакима показала, что полагаться на словесные обещания византийцев нельзя); либо, наконец, задержать Иеремию и заставить его уступить. В Москве избрали последний путь. На то были особые причины.

Когда патриарх Иереμία и его спутники, митрополит Иерофей и архиепископ Арсений, по дороге в Москву проезжали через польские земли, канцлер Я. Замойский пригласил их к себе в Замостье и попытался прозондировать почву относительно перенесения патриаршего престола из Константинополя в Киев, находившийся тогда в пределах Речи Посполитой. После беседы с Иеремией канцлер записал: «Мне показалось, что он всему этому не чужд» (*Шмурло Е. Россия и Италия, т. 2, вып. 1. СПб., 1908, с. 167*). Благодаря услужливости Арсения о беседе с канцлером узнали в Москве. Сообщение встревожило русское правительство и побудило его к энергичным действиям. Решив задержать византийцев на длительное время, московские власти первым делом постарались надежно изолировать их от внешнего мира. Приставы и стража никого не пускали к Иеремии. Да и самому ему запретили покидать двор. Даже на базар патриаршие люди ходили со стражниками.

Греков держали как пленников, но при этом обращались с ними самым почтительным образом и предоставили им всевозможные блага. Патриарху отвели просторные хоромы, убранные по-царски и пригодные для постоянных богослужений. Из дворца ему доставляли изысканную еду и обильное питье - три кружки хмельного меда: боярского, вишневого и малинового, ведро паточного меда и полведро квасу. Между тем властители Кремля более не вызывали к себе византийцев и словно окончательно забыли про них.

Сколь бы тяжким ни казалось московское гостеприимство, Иереμία по-своему ценил его. Испытав превратности судьбы, столкнувшись с предательством епископов, произволом иноверцев-завоевателей, изгнанный из собственной резиденции и ограбленный, престарелый патриарх не прочь был даже сменить Константинополь на Москву.

Однажды Иереμία, беседуя с ближайшими советниками, заявил, что не хочет учреждать в Москве патриаршество, «а если бы и хотел, то сам остаться [здесь] патриархом». Записавший его слова митрополит Иерофей замечает, что в окружении Иеремии были «люди недобрые и нечестные, и все, что слышали, они передавали толмачам, и те доносили самому царю» (*Терновский Ф. Указ. соч., с. 72*).

Говоря о нечестных советниках, Иерофей имел в виду архиепископа Арсения, выступившего горячим сторонником московского проекта.

Как только властям стало известно о пожелании патриарха, они прибегли к хитрой уловке. Иеремии постарались внушить, что его ждет в Москве блестящее будущее. «Владыко, если бы ты захотел и остался здесь, мы бы имели тебя своим патриархом». Но подобные заявления исходили не от царя и бояр, а лишь от приставов, стороживших патриарха. Иереμία попал в расставленную ему ловушку и, не ожидая официального приглашения, сказал приставам: «Остаюсь!».

Тайная дипломатия Годунова, казалось, дала свои плоды, и вопрос немедленно был перенесен в Боярскую думу. Объявив о согласии Иеремии, царь Федор выдвинул ряд условий. «Будет похочет быти в нашем государстве цареградский патриарх Иереμία, - читал дьяк царскую речь, - и ему быти патриархом в начальном месте во Володимире, а на Москве бы митрополиту по-прежнему; а не похочет... быти в Володимире, ино на Москве учинити патриарха из московского собору» (*Шпаков А. Я. Указ. соч., с. 117-118*).

Условия продумал, разумеется, не слабоумный Федор, а правитель Годунов. Смысл его проекта сводился к следующему. Иеремии позволялось основать свою резиденцию в захолустном Владимире с тем, чтобы фактически главой московской церкви остался митрополит Иов. Очевидно, Борис не собирался жертвовать своим приятелем. Он сам известил Иеремию о решении Боярской думы. Архиепископ Арсений описал его посещение как очевидец.

У великого боярина, замечает грек, был смущенный вид, когда он «не без страха, но почтительно и в порядке» приступил к изложению существа дела. Борис так ловко повел беседу, что патриарх, весьма тронутый приятными словами, почти согласился на все его предложения. Но члены свиты Иеремии обратили внимание патриарха на то, что ему придется жить во Владимире, а не в Москве. «А Владимир хуже Кукуза!» (*Армянский городок Кукуз считался местом заточения Иоанна Златоуста.*) *Терновский Ф. Указ. соч., с. 72*).

В конце концов патриарх заявил, что согласен основать свою резиденцию только в Москве, «занеже патриархи бывают при государе всегда, а то что за патриаршество, что жити не при государе, тому стать никак невозможно» (*Шпаков А. Я. Указ. соч., с. 120*). Выслушав окончательное мнение Иеремии, Борис сказал, что в московские патриархи должен быть поставлен кто-нибудь из русских. Но константинопольский патриарх отклонил и эту просьбу, сославшись на то, что волен распоряжаться только своей кафедрой. «Не будет законным, - сказал он, - поставить другого, если мне самому не быть на двух кафедрах». По словам очевидцев, правитель покинул патриаршее подворье чрезвычайно опечаленным.

Проиграв дипломатическую игру, москвиты решили воздействовать на греков иными способами. Годунов предпочел на время покинуть сцену. «Черную работу» взялись исполнить братья Андрей и Василий Щелкаловы. Дьяки попытались купить согласие патриарха щедрыми посулами. Они обещали ему дорогие подарки, богатое

содержание, города и области в управление (?). В то же время Иеремии дали понять, что его не отпустят из Москвы, пока он не уступит. Под конец с греками заговорили языком диктата. Когда митрополит Иерофей отказался подписать грамоту «о поставлении» Иова, Андрей Щелкалов пригрозил утопить его в реке.

Борис не мог допустить срыва переговоров, получивших широкую огласку, и старался закончить их как можно скорее. Боярская дума вторично собралась в царских палатах и окончательно отклонила просьбу Иеремии о «поставлении его патриархом на Москве». Решено было еще раз «посоветовать» с Иеремией о возведении в сан патриарха Иова. Бояре распорядились взять у Иеремии «чин» поставления патриархов и учредить новые митрополичьи, архиепископские и епископские кафедры еще до того, как дума получила формальное согласие патриарха.

13 января 1589 г. Годунов и Щелкалов уведомили Иеремию обо всех предпринятых ими шагах. Беседа длилась долго. Как повествует официальный отчет, «патриарх Иеремия говорил о том и советовал много с боярином с Борисом Федоровичем». В результате патриарх уступил по всем пунктам, выставив единственное условие: чтобы его самого «государь благочестивый царь пожаловал отпустил». Греки капитулировали ради того, чтобы вырваться из московского плена. «В конце концов, - повествует Иерофей, - хотя и не по доброй воле, Иеремия рукоположил патриарха России».

Архиепископ Арсений пишет, будто в переговорах с Иеремией с самого начала участвовало московское духовенство. Источники опровергают эту благочестивую легенду. Власть созвали священный собор после завершения трудных переговоров. Борис Годунов не считал нужным советоваться с «государевыми богомольцами» по поводу выбора кандидата на патриарший престол.

Иеремия представил властям подробное описание церемониала поставления патриарха. В соответствии с обычаем, царю и священному собору предстояло выбрать «втай» трех кандидатов в патриархи. После этого царь должен был утвердить на высокий пост одного из них.

Такой порядок выборов главы церкви показался москвитам неудобным. По настоянию Иеремии они все же согласились провести «тайные» выборы, но на деле вся процедура свелась к чистой формальности. Власть расписали сценарий избирательного собора до мельчайших деталей, включая «тайну» выборов. В соответствии со сценарием Иеремии полагалось провести «тайное» совещание с московскими епископами, после чего «избрати трех... митрополита Иова всеа России, архиепископа Александра новгородского, архиепископа ростовского Варлаама». «Потом, - говорилось в наказе, - благочестивый царь Федор изберет из тех трех одного Иова митрополита... в патриархи» (*Там же, с. 156*). Иеремия беспрекословно выполнил все предписания Годунова относительно «тайны» выборов и 26 января 1589 г. возвел Иова на московский патриарший престол.

Греки надеялись, что теперь-то их отпустят на родину. Но им велели ехать на молитву в Троице-Сергиев монастырь. По возвращении они настоятельно просили отпустить их в Царьград. Правитель отклонил просьбу под тем предлогом, что ехать весной неудобно: плохи дороги. Новая задержка греков была вызвана тем, что в Москве взяли за составление «соборного» постановления об учреждении патриаршества. Собор, будто бы выработавший этот документ, в полном составе едва ли когда-нибудь заседал. В числе участников собора грамота называла Иеремию и Иерофея. Но, по свидетельству Иерофея, грекам на подворье принесли готовую грамоту, которую они не могли понять из-за отсутствия перевода. Угрозы заставили Иерофея подписать грамоту, но он тут же посоветовал патриарху тайно наложить на грамоту заклятье.

Пробыв в Москве без малого год, патриарх 19 мая получил наконец разрешение выехать на родину. Правитель не пожалел казны, чтобы одарить освобожденных пленников. Не скрывая восхищения, Арсений писал, что великий царь и царица обогатили их всех. Что касается субсидий на строительство новой резиденции патриарха в Константинополе (за этим Иеремия и приезжал на Русь), то выдачу ее откладывали до последнего момента. Только после отъезда Иеремии Годунов «помянул» царю о забытом ходатайстве, после чего вдогонку грекам послали тысячу рублей на новую патриаршую церковь.

По случаю учреждения патриаршества в Москве устроили грандиозный праздник. Во время крестного хода новопоставленный патриарх выехал верхом на осле из Фроловских ворот и объехал Кремль. Осла вел Борис Годунов, Процессию сопровождала толпа.

После восшествия Иова на патриарший стол власти составили так называемую утвержденную грамоту о его избрании. Она заключала в себе указание на историческую роль Русского государства как оплота вселенской православной церкви. «Ветхий Рим, - значилось в грамоте, - падеся аполинариевой ересью... второй же Рим, иже есть Константинополь... от безбожных турок обладаем, твое же, о благочестивый царь, великое российское царствие - третий Рим - благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствие в твое едино собрана, и ты един под небесем, христианский царь, именуеши в всей вселенной, ко всех христианех...» (*Собрание государственных грамот и договоров, ч. II. М., 1819, с. 93*).

В течение многих лет русские книжники излагали теорию «Москва - третий Рим» в сочинениях неофициального толка. Претендовавший на неограниченную власть Иван IV не принял ее из-за тенденций к возвеличению церковного авторитета. После Грозного успехи централизации окончательно определили подчиненное место церкви в системе Русского государства. Союз между митрополитом Дионисием и боярской оппозицией оказался кратковременным эпизодом, завершившимся низложением главного духовного пастыря. Иов окончательно подчинил церковь целям светской власти. При нем теория «Москва - третий Рим» впервые получила отражение в авторитетных правительственных документах и, таким образом, превратилась в официальную доктрину. Метаморфоза совершилась не без участия ближайшего окружения правителя. Дядя Бориса Дмитрий Годунов разослал монастырям церковные книги, снабженные записью об их изготовлении «в богохранимом и преименитом и в царствующем граде Москве - в третьем Риме, благочестием цветущу».

Какое значение имела теория «Москва - третий Рим» в тот момент, когда она приобрела официальное признание?

Можно ли считать, будто Москва при Годунове выступила с претензиями на роль центра новой мировой империи, преемницы древнего Рима и Византии? Такое толкование было бы совершенно неверным. В итоге Ливонской войны Россия пережила сокрушительное военное поражение. После войны ее правительство выдвинуло на первый план задачу обороны границ и возвращения русских территорий, утраченных после военной катастрофы.

Можно было бы предположить, что доктрина «Москва - третий Рим» выражала претензии русской церкви на руководство всемирной православной церковью. Но и такое предположение было бы неосновательным.

Доктрина «Москва - третий Рим» при всей ее претенциозности выражала преимущественно стремление ликвидировать неполноправное положение Москвы по отношению к другим центрам православия. Учреждение патриаршества укрепило престиж русской церкви и отразило новое соотношение сил внутри вселенской православной иерархии.

Современники расценивали реформу церкви как первый крупный успех Бориса Годунова. «... Устроение ее (церкви.- *Р.С.*), - писал дьяк Тимофеев, - бысть начало гордыни его». Учреждение патриаршества действительно стало важной вехой в карьере Бориса. Политика возвышения национальной церкви удовлетворила тщеславие подданных и доставила Годунову некоторую популярность. Раздача вновь учрежденных церковных постов склонила на его сторону высших иерархов церкви. Первый успех был особенно дорог Борису. Полоса тягостных тревог, унижительного бессилия и сокрушительных неудач, казалось, уходила в прошлое.

Глава 5

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ

Правительство Годунова продолжило внешнеполитический курс Грозного в балтийском вопросе. Но оно воздерживалось от активных действий в Прибалтике, пока существовала опасность союза Польши и Швеции. Как только эта опасность утратила реальный характер (из-за войны с татарами и турками Речь Посполитая уклонилась от участия в антирусской коалиции), Россия немедленно нанесла Швеции удар. Она намеревалась вернуть себе захваченные шведами русские земли, а главное, возродить «нарвское мореплавание». Русское командование использовало для наступления все имевшиеся в его распоряжении силы. Кроткий царь Федор самолично повел в поход свои рати. Руководившая мужем царица Ирина сопровождала его от Москвы до Новгорода.

В январе 1590 г. русские полки заняли Ям, блокировали Копорье и продвинулись к Нарве. Близ Нарвы воевода князь Дмитрий Хворостинин разгромил выступившие навстречу шведские отряды. Руководство осадой вражеской крепости взял в свои руки Борис Годунов. Недоброжелатели тотчас заподозрили его в предательстве. Царь, утверждали они, только потому не смог отнять Нарву у «немцев», что «Борис им норовил». На самом деле распоряжения Годунова под стенами Нарвы объяснялись не его симпатиями к неприятелю, а полным отсутствием боевого опыта. По словам очевидцев, Борис приказал сконцентрировать огонь на крепостных стенах, чтобы пробить в них бреши, «а по башням и по отводным боем бити не давал» (*Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, с. 264*). Башенная артиллерия противника не была своевременно подавлена и нанесла штурмующим огромные потери. За неумелое руководство осадный корпус заплатил под стенами Нарвы дорогую цену.

19 февраля русские предприняли генеральный штурм. Располагая громадным численным перевесом, они атаковали крепость разом в семи пунктах. Колонна, устремившаяся в главный пролом, насчитывала более 5 тыс. воинов, включая тысячу казаков и почти 2 тыс. стрельцов. Но шведам удалось отразить их натиск. Обе стороны понесли большой урон. Русское командование готовилось ввести в бой свежие силы. Шведы же не могли восполнить свои потери. Крепостной гарнизон был обескровлен. Нарвское командование утратило веру в благополучный исход борьбы и, не дожидаясь повторного штурма, запросило мира.

Положение шведов было таково, что стремительный натиск мог решить судьбу крепости в считанные часы. Но Борис, оказавшись во власти военной стихии с ее неизменным спутником - риском, не чувствовал уверенности. Он предпочел путь переговоров, надеясь склонить шведов к капитуляции. Шведское командование пыталось затянуть переговоры. Если бы это удалось, русские оказались бы в трудном положении. Зима была на исходе. Лед на реке Нарове стал портиться: поверх льда появились талые воды. Река могла разъединить силы армии, располагавшейся по ее берегам. Борис вскоре убедился, что никакое красноречие не заставит шведов сдать крепость. В такой ситуации он велел своим представителям вновь «съехатца (со шведами. - *Р.С.*) и покачати их (поугаваривать. - *Р.С.*) про Ругодив», после чего заключить перемирие на условиях противника (*Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966, с. 427*). Осторожность, сделавшая Годунова неуязвимым на поприще политических интриг, не оправдала себя в дни войны. Победа ускользнула из неловких рук.

По условиям перемирия, заключенного под стенами Нарвы, шведы очистили захваченные ими ранее русские крепости Ивангород и Копорье. Россия вернула себе морское побережье между реками Наровой и Невой. Но ей не удалось овладеть портом Нарвой и восстановить «нарвское мореплавание». Таким образом, основная цель наступления не была достигнута.

Шведский король Юхан III не желал признать свое поражение в войне с Россией и готовился к реваншу. Не сумев заручиться поддержкой Речи Посполитой, он заключил союз с Крымским ханством. Швеция провела крупнейшую со времени Ливонской войны мобилизацию и к 1591 г. сосредоточила на русской границе до 18 тыс. солдат. Крымское ханство, располагавшее поддержкой Османской империи, бросило в наступление более крупные

силы до 100 тыс. всадников. Помимо крымцев и Малой ногайской орды, за ханом Казы-Гиреем следовали отряды из турецких крепостей Очаков и Белгород, янычары и турецкая артиллерия.

Целью вражеского вторжения стала Москва. В случае успеха Крым и Турция получили бы возможность значительно расширить сферу экспансии в Восточной Европе.

Русское командование, получив сведения о численности неприятельской армии, отказалось от намерения остановить ее на Оке и отвело полки с пограничных укреплений к столице. Ранним утром 4 июля 1591 г. татары по серпуховской дороге вышли к Москве и заняли Котлы. Русские полки расположились под Даниловым монастырем в подвижном укреплении - «гуляй-городе». Днем произошел бой, а ночью татары отступили.

Причины поражения татар получили неодинаковое освещение в источниках. «Государев разряд 1598 года» передает официальную версию событий. Когда хан с ордой подступил к «гуляй-городу», русские воеводы, сойдясь с ним, «бились весь день с утра и до вечера» (*Там же*, с. 443). С наступлением ночи Борис Годунов якобы вывел из «гуляй-города» полки и артиллерию, подошел вплотную к станам хана Казы-Гирея и внезапно обстрелял, чем и принудил татар к бегству.

Эта версия, однако, не совпадает с показаниями очевидцев. Знаменитый дьяк Иван Тимофеев, служивший в то время в Пушкарском приказе и, вероятно, участвовавший в отражении врага, утверждает, что никакой ночной атаки Годунова не было. Татар посреди ночи вспугнула сильная артиллерийская канонада. То же говорят и московские летописи.

Имеется и еще один источник, который позволяет воссоздать картину с наибольшей полнотой и достоверностью. Этот источник - ранние записи Разрядного приказа, не прошедшие редактирования в царской канцелярии. Из них следует, что дневной бой ничем не напоминал генерального сражения. Хан не спешил пустить в ход главные силы. Он направил к «государеву обозу» сыновей, сам же «на прямое дело не пошел и полков своих не объявил» (*Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Эрмитажн., д. 390, л. 768*). Воеводы выслали из «гуляй-города» конные сотни, чтобы «травиться» с татарами. День минул в ожесточенных стычках. Вечером хан отступил к Коломенскому. Там крымцы разбили лагерь по обе стороны Москвы-реки. Царские же воеводы «стояли в обозе готовы, а из обозу в то время вон не выходили». Едва ли у них были основания покидать укрепления посреди ночи. Управлять полками и перевозить артиллерию в темноте трудно, практически невозможно.

Далеко за полночь в «гуляй-городе» внезапно поднялся «великий всполох». Спавшие подле орудий пушкары по тревоге заняли свои места и открыли огонь. Вслед за легкими орудиями начали палить тяжелые пушки, установленные на стенах Москвы (*Материалы по истории СССР (XV-XVII вв.), вып. 2, с. 93*). Клубы дыма окутали город, ужасающий грохот сотрясал землю, вспышки выстрелов осветили всю округу. Чтобы уточнить обстановку, воеводы спешно выслали к Коломенскому дворянские сотни.

Грозная канонада и появление русских неподалеку от ханской ставки вызвали смятение в татарском лагере. Никто не мог определить численность приближающегося неприятеля. В памяти у крымцев еще не изгладились воспоминания о жуткой сече под Москвой в 1572 г. Страх перед ночным нападением погнал их прочь из лагеря. Прекратить ночную панику хану не удалось. Татары в полном беспорядке бежали из Коломенского к Оке. Воеводы могли использовать их задержку на приокских бродах и организовать энергичное преследование, но ограничились лишь тем, что послали вдогонку несколько дворянских «голов» с сотнями. «Головы» разгромили татарские арьергарды и взяли в плен, по одним данным, 400, по другим (официальным) - тысячу человек. Немало крымцев утонуло в Оке при переправе. На дно ушел возок, в котором хан усакал из своей ставки. Пути отступления орды были усеяны брошенной «рухлядью». Хан вернулся в Бахчисарай ночью в телеге с подвязанной рукой. Он не участвовал в стычках с русскими, а значит, получил рану то ли во время ночной суматохи, то ли во время поспешного бегства.

Как и при осаде Нарвы, Борис Годунов не проявил в войне с татарами ни решительности, ни энергии. Тем не менее вся слава после победы досталась ему. Столица и двор чествовали его как героя. На пиру в Кремле царь Федор снял с себя золотую гривну (цепь) и надел на шею шурина. Среди других наград Годунов получил золотой сосуд, захваченный в ставке Мамай после Куликовской битвы, шубу с царского плеча и земельные владения. Борис жаждал славы великого военачальника. Но шум похвал и награды никого не ввели в заблуждение. В обычных для того времени витиеватых выражениях современники писали о том, что Годунов «во бранех же неискусен бысть», «оруженосию же неискусен бысть» (*Русская историческая библиотека, т. XIII, с. 1283*).

Поражение татар под Москвой обрекло на неудачу шведское наступление на Новгород и Псков. Многочисленная армия фельдмаршала Флеминга подступила к стенам небольшой крепости Гдов в окрестностях Пскова, но так и не смогла овладеть ею. Отдельные шведские отряды вышли к Новгороду. Неприятель подверг страшному разорению порубежные районы. Этим и ограничились все успехи королевской рати.

Столкновения на русско-шведской границе продолжались еще в течение года, после чего военные действия уступили место мирным переговорам. В мае 1595 г. русские послы подписали в Тявзине «вечный мир» со Швецией. Шведы обязались вернуть России крепость Корела, важнейший форпост обороны за Невой и последнюю русскую территорию, удержанную ими после Ливонской войны. Владея устьями Невы и Наровы, русские располагали выходами к морю. Но они не могли основать здесь свои морские гавани. Шведский флот сохранял господство на Балтике. Шведские представители добились того, что мирный договор подтвердил принцип морской блокады русского побережья в районе Ивангорода. План превращения Ивангорода в морские ворота России потерпел неудачу.

Тявзинский мир нанес ущерб экономическим интересам страны, нуждавшейся в расширении торговли с Западной Европой. Московская дипломатия пошла на уступки Швеции из-за неверной оценки ситуации,

сложившейся в Восточной Прибалтике. Уния между Швецией и Речью Посполитой оказалась менее прочной, чем полагали в Москве (*Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI - начале XVII в. М., 1973, с. 61-62*). Когда Борис убедился в этом, он отказался ратифицировать Тявзинский договор. Однако это ничего уже не меняло: балтийский вопрос остался нерешенным.

Борис Годунов. XVII в.

С. Ф. Платонов превозносил внешнеполитический курс Годунова. «Руководитель московской политики Борис, - писал он, - мог хвалиться тем, что заставил соседей принять возрождение политической силы Москвы после понесенных ею поражений» (*Платонов С. Ф. Борис Годунов. Пг., 1921, с. 54*). В самом деле, при Годунове Россия добилась частичного пересмотра итогов проигранной Ливонской войны. Исконно русские земли, утраченные при поражении, были возвращены России. Но страна не получила выхода на Балтийское море, жизненно важного для ее экономического развития.

Восточная политика Годунова ознаменовалась большими успехами. Россия отразила нападение татар и укрепила безопасность своих южных рубежей. В короткое время выстроены были новые пограничные крепости: Воронеж (1585), Ливны (1586), Елец (1592), Белгород, Оскол и Курск (1596). Оборонительная линия оказалась отодвинутой на юг в «дикое поле».

В правление Бориса Годунова государство впервые смогло выделить более крупные силы для систематического завоевания Сибири. Знаменитый поход Ермака послужил лишь начальным моментом великой сибирской эпопеи

(Казаки предприняли поход за Урал в самый неподходящий для того момент. Россия потерпела поражение от Речи Посполитой. Ее армии продолжали борьбу против шведов в Прибалтике и против восставших народов Поволжья в Казанском крае. При первых известиях о походе Ермака Иван IV направил Строгановым грозный приказ немедленно вернуть «атаманов-воров» и впредь не чинить «задора» с сибирским султаном. Успех Ермака побудил московские власти направить в Сибирь 500 стрельцов. Однако этих сил оказалось недостаточно для победы. Ермак с сотней казаков попал в засаду и погиб. От голода и болезней стрелецкий отряд понес большие потери. Остатки его вынуждены были вернуться на Русь). Стрелецкие отряды, посланные за Урал в 1584-1585 гг., не сумели закрепиться там. Между тем сибирский хан Кучум потерпел поражение от одного из своих соперников Сеид-хана и уступил ему столицу ханства Кашлык (Искер). В 1587 г. русские выстроили неподалеку от Кашлыка город Тобольск. Сеид-хан попал в плен, старая татарская столица запустела. Чтобы окончательно утвердиться за Уралом, царские воеводы выстроили на Оби множество острожков. В глухих таежных местах поднялись укрепленные городки Березов, Обдорск, Сургут, Нарым, Тара. Перед русскими открылись пути в глубины неведомого материка. Присоединение Сибири имело важнейшее значение для исторических судеб России.

Глава 6

УГЛИЧСКАЯ ДРАМА

Со времен Н. М. Карамзина обвинение Годунова в убийстве Дмитрия стало своего рода традицией. «Злодейское убийство» незримо присутствует в главных сценах пушкинской трагедии о Борисе Годунове. Именно Карамзин натолкнул Пушкина на мысль изобразить в характере царя Бориса «дикую смесь: набожности и преступных страстей». Под влиянием этих слов А. С. Пушкин, по его собственному признанию, увидел в Борисе его поэтическую сторону. Разумного и твердого правителя не страшит бессмысленная и злобная клевета, но его гнетет раскаяние. 13 лет кряду ему все снится убитое дитя. Муки совести невыносимы:

...Как молотком ступит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...

В самом ли деле эпизод смерти Дмитрия сыграл в жизни Годунова ту роль, какую ему приписывали? Рассмотрим факты, чтобы ответить на этот вопрос.

Младший сын Грозного, царевич Дмитрий, погиб в Угличе и полдень 15 мая 1591 г. Повести и сказания Смутного времени заполнены живописными подробностями его убийства. Но среди их авторов не было ни одного очевидца угличских событий. В лучшем случае они видели мощи царевича, выставленные в Москве через 15 лет после его гибели.

В то время церковь объявила Дмитрия святым. Новому царю, Василию Шуйскому, руководившему заговором против Лжедмитрия, надо было во что бы то ни стало обличить его как самозванца и доказать, что истинный Дмитрий давно погиб в Угличе. Сразу после гибели Лжедмитрия бояре объявили народу, что «царевич Дмитрий умре подлинно и погребен на Угличе». Грамота написана была с ведома и по приказу Шуйского, который не считал еще необходимым пересматривать версию о гибели Дмитрия, составленную его собственной комиссией. Не прошло, однако, и двух недель, как власти начали писать об «убийстве» царевича Годуновым (*Собрание государственных грамот и договоров, ч. II, с. 300, 311. Почему официальная версия претерпела столь быструю перемену? За ложью скрывался политический расчет. Народ расправился с Лжедмитрием, но волнения в столице не улеглись. Москву будоражили всевозможные слухи, неблагоприятные для нового царя Василия Шуйского. Повсюду толковали, будто над телом венчанного царя Дмитрия творились чудеса. Подле трупа появлялись из земли огни. Труп бросили в яму и засыпали землей, но вдруг он оказался на другом кладбище. Чтобы пресечь зловредные толки, Василий велел вырыть тело самозванца, сжечь его и развеять пепел по ветру. Но все это не помогло. Тогда царь Василий решил отделаться от «чудес» самозванца с помощью «чудес» истинного Дмитрия. По его приказу труп Дмитрия был вырыт из земли и перевезен в Москву для общего обозрения. С начала июня 1606 г. церковь стала сеять повсюду слухи о чудесах, исходивших от тела «благоверного царевича». При всем желании угодить царю церковь не могла канонизировать Дмитрия-самоубийцу. По церковным законам самоубийство, даже нечаянное, считалось тяжким грехом. Шуйский-следователь выдвинул версию о самоубийстве Дмитрия. Шуйский-царь должен был с нею покончить). Духовенство потратило массу усилий на то, чтобы изобразить Дмитрия невинно убиенным мучеником. Толки о его самоубийстве официальная пропаганда стала рассматривать как еретические.*

Святой не мог быть нечаянным самоубийцей, по этой причине творцы мифа утверждали, что в смертный час он играл не ножичком, а орешками. В материалах комиссии Шуйского не было ни слова об орешках. Но это не помешало Шуйскому-царю объявить народу следующее: «Сказывают, что коли он (царевич.- Р.С.) играл, тешился орехами и ел, и в ту пору его убили и орехи кровью полились, и того для тыя орехи ему в горсти положили и тые орехи целы» (*Там же, с. 311-312*).

Когда мощи Дмитрия перевезли в Москву и выставили на обозрение в церкви, все могли видеть, что в гробу действительно лежали орешки. Нашлись свидетели, успевшие разглядеть на них кровь.

Можно ли доверять таким показаниям? Как поверить в сохранность орешков, пролежавших в земле на разлагающемся трупе в течение 15 лет? Как поверить, что свидетель, на мгновение протиснувшийся к гробу, увидел следы крови на почерневших орехах, которые по всем законам природы давно должны были обратиться в прах? Одно из двух. Либо пугал свидетель, писавший через 15 лет после обозрения мощей, либо в гробу действительно лежали ярко размалеванные орехи, и эта улика, грубо сфабрикованная теми, кто открыл мощи, ввела очевидца в заблуждение.

Царевич Дмитрий. XVII в.

Первые жития нового святого сообщали, что на Дмитрия напали зловещие юноши, один извлек нож и перерезал ему гортань. Эта краткая версия оказалась неудовлетворительной с точки зрения церковной пропаганды. Появился более эмоциональный рассказ, изобилующий драматическими, но полностью вымышленными подробностями. По новой версии, один из зловещих юношей увидел на царевиче ожерелье, попросил показать его и, когда тот доверчиво подставил шею, кольнул ее ножом, но не захватил гортани. Тогда два других злодея «заклаше» ребенка «аки агнца».

Идоицы першася соколо стоварышъ.
сказалихъ и вѣсть поръца црѣе сомы
лицѣ рина дати стѣны и кѣмъ коновѣ
сѣе соколо кова кѣмъ.

И княвася сѣи дръвѣи изъ кресъ стравышъ
лицѣи чѣи першася соколо вѣ стоварышъ дѣ
оуи вѣ кѣмъ и сѣи вѣло уо дѣ кѣмъ
хѣи лѣи вѣи тѣи сѣи вѣи поръца црѣе
бѣи и

Идоицы першася соколо стоварышъ
баси и црѣе вѣи стѣи стѣи оуи
тѣи рѣи сѣи рѣи дѣи кѣмъ и кѣмъ
стѣи и кѣмъ оуи кѣмъ оуи дѣи
хѣи хѣи лѣи кѣмъ и тѣи сѣи оуи
рѣи црѣе кѣмъ и кѣмъ и кѣмъ и кѣмъ

Угличское следственное дело. 1591 г.

Творцов легенды коробили прозаические подробности происшествия, и они старались приукрасить дело. С неподходящего места - заднего двора - они перенесли действие на Красное крыльцо, позже - на парадную дворцовую лестницу. Здесь и произошла душераздирающая сцена. Как ехидна злая, вскочил на лестницу дьяк Мишка Битяговский, ухватил царевича «сквозь лестницу за ноги», сын Мишки схватил «за честную его голову», Качалов перерезал горло (*Русская историческая библиотека, т. XIII, с. 767*).

Искать в житиях достоверные факты бесполезно. Несравненно большую ценность представляют следственные материалы, составленные через несколько дней после кончины царевича на месте происшествия. Однако давно возникли подозрения насчет того, что подлинник «угличского дела» подвергся фальсификации. Даже при беглом осмотре бросаются в глаза следы его поспешной обработки. Кто-то разрезал и переклеил листы «обыска» (следственного дела), придав им неверный порядок. Куда-то исчезло начало.

Реконструировать источник взялся его издатель В. К. Клейн. Он обратил внимание на ржавые пятна, покрывавшие страницы документа. При различной величине пятна имели сходную конфигурацию. Клейн предположил, что дело подверглось воздействию влаги еще в то время, когда хранилось в архиве в виде свернутого в «столбец» свитка. Более всего пострадали наружные листы, ближе к центру размер пятен сокращался, а внутри они вовсе исчезали, так как вода туда не проникла. Следя за размерами пятен, В. К. Клейн уложил разрезанные листы в нужном порядке, и тогда перед ним предстал связный и полный текст, в котором отсутствовали лишь первые листы. Логично было предположить, что эти листы, служившие оберткой свитка, размокли и отвалились сами собой. Известно, что в старину рукопись скатывали, и потому последние листы оказывались наружными - к ним подклеивали новые. Однако в угличском свитке подмочен не конец, а начало рукописи. Почему? Дело в том, что после завершения работы свиток всегда перематывали: ведь раньше люди читали, как и в наши дни, от начала к концу. В архиве документы хранились подготовленными для чтения. Сказанное и объясняет, отчего у угличского «столбца» отмокли не конечные, а начальные листы. При Петре I архивы перешли на новую систему хранения документов. Неудобные и громоздкие «столбцы» петровские архивариусы перекомпоновали в тетради. Им пришлось разрезать угличский свиток на отдельные листы, которые в дальнейшем оказались перепутанными. Так угличское дело приобрело нынешний вид.

Подписи свидетелей-угличан

Существует мнение, что сохранившиеся угличские материалы являются беловиком, составленным в Москве канцелярией Годунова, тогда как черновики допросов в Угличе не дошли до наших дней. Палеографическое исследование рукописи опровергает такое мнение. В угличском следственном деле можно обнаружить примерно шесть основных почерков писцов. А кроме того, в тексте документа имеется не менее 20 подписей свидетелей-угличан. Все подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности писавших. Как могли свидетели, не покидавшие Углича, подписать беловик, составленный в Москве?

Существует мнение, что Годунов направил в Углич преданных людей, которые заботились не о выяснении истины, а о том, чтобы заглушить молву о насильственной смерти угличского князя. Такое мнение не учитывает ряда важных обстоятельств. Следствием в Угличе руководил князь Шуйский, едва ли не самый умный и изворотливый противник Бориса. Один его брат, как мы помним, был убит повелением Годунова, другой погиб в монастыре. Сам Василий Шуйский провел несколько лет в ссылке, из которой вернулся незадолго до событий в Угличе. Инициатива назначения Шуйского принадлежала скорее всего Боярской думе. Исследователей смущало то, что Шуйский несколько раз менял свои показания. Сначала он клялся, будто смерть Дмитрия была случайной, затем стал говорить о его убийстве. Подобные изменения в показаниях заслуживали бы внимания, если бы Шуйский выступал свидетелем обвинения. Между тем Шуйский был следователем, притом он вел следствие не единолично. Церковное руководство направило для надзора за его деятельностью митрополита Гелласия. В состав комиссии Шуйского входили также окольничий Клешнин и думный дьяк Вылузгин. Клешнин поддерживал дружбу с Годуновым, но, кроме того, он был зятем «героя» угличской истории Михаила Нагого. Вылузгин

руководил Поместным приказом и среди приказных чиновников занимал одно из первых мест. В Угличе он имел в своем распоряжении штат подьячих. На них и лежала вся практическая организация следствия. Члены комиссии придерживались различной политической ориентации. Каждый из них зорко следил за действиями «товарища» и готов был использовать любую его оплошность.

Следственные материалы свидетельствовали о непричастности Бориса к смерти царевича. Именно поэтому историки отказывались верить в их истинность. Гибель Дмитрия была актом большого политического значения. Вопрос «кому выгодно?» служит лучшей проверкой любой политической акции. Непокколебимая уверенность в том, что устранение последнего отпрыска московской династии было выгодно одному Борису, начисто обесценивало угличский «обыск».

Есть основания утверждать, что угличский источник стал жертвой ретроспективной оценки событий.

К моменту смерти царевича не исчезла полностью возможность рождения законного наследника в семье Федора. Никто не мог точно предсказать, кому достанется трон. Из ближних родственников царя наибольшими шансами обладал не Годунов, ими обладали Романовы.

Ситуация, сопутствовавшая угличским событиям, носила критический для правительства характер. Над страной нависла непосредственная угроза вторжения шведских войск и татар. Власти готовились к борьбе не только с внешними, но и с внутренними врагами. За одну-две недели до смерти Дмитрия они разместили на улицах столицы усиленные военные наряды и осуществили другие полицейские меры на случай народных волнений. Достаточно было малейшего толчка, чтобы народ поднялся на восстание, которое для Годунова могло кончиться катастрофой.

В такой обстановке гибель Дмитрия явилась для Бориса событием нежелательным и, более того, крайне опасным. Факты опровергают привычное представление, будто устранение младшего сына Грозного было для Годунова политической необходимостью. Вместе с тем рушится предвзятая оценка характера и эффективности угличского «обыска».

Следственные материалы сохранили по крайней мере две версии гибели Дмитрия.

Версия убийства исходила от Нагих, родни погибшего. Михаил Нагой на протяжении всего следствия решительно настаивал на том, что Дмитрия зарезали сын дьяка Битяговского, его же племянник Никита Качалов и муж его племянницы Осип Волохов. Братья Михаила выступили с более осторожными показаниями. Возле тела царевича, сказал Григорий Нагой, собралось много людей и «почали говорить, неведомо кто, что будто зарезали царевича». Михаил и Григорий Нагие прибыли к месту происшествия с большим запозданием. Тем не менее они утверждали, что «царевич еще жив был и при них преставился».

Они явно путали. Андрей Нагой обедал с царицей во дворце, когда под окнами закричали, «что царевича не стало». Поспешно сбежав во двор, Андрей убедился, что «царевич лежит у кормилицы на руках мертв, а сказывают, что его зарезали, а он того не видел, хто его зарезал». Причина ошибки, допущенной Михаилом и Григорием, достаточно проста. Несколько человек, видевшие их вблизи, не сговариваясь показали, что Михаил прибыл во дворец «мертв пьян», «прискочил на двор пьян на коне». Григорий был «у трапезы» вместе с братом (*Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г., ч. II. М., 1913, л. 3, 7, 16, 40, 48*).

Протоколы допросов позволяют установить, зачем понадобилась Нагим версия убийства Дмитрия. С помощью этой версии они пытались оправдать расправу с государевым дьяком Битяговским.

В полдень 15 мая царица Мария стала обедать, а сына отпустила погулять и потешиться игрой с четырьмя сверстниками. Дети играли на небольшом заднем дворике - в углу между дворцом и крепостной стеной. За ними приглядывали мамка Василиса Волохова и две другие няньки. Обед только начался, как вдруг на дворе громко закричали. Царица поспешно сбежала вниз и с ужасом увидела, что ее единственный сын мертв. Обезумев от горя, Нагая принялась избивать Волохову. Мамка не уберегла царского сына, и царица готова была подвергнуть ее самому страшному наказанию. Колотя Василису по голове поленом, Мария громко кричала, что царевича зарезал сын мамки Осип (*Со временем молва заклемила «окаянную мамку» Василису как тайную сообщницу Годунова и подосланных им убийц. В действительности не Борис прислал Волохову в Углич. Василиса Волохова много лет служила «постельницей» при Грозном - ведала бельем в царской опочивальне. Она пользовалась полным доверием подозрительного царя. После смерти Ивана Василиса последовала за его вдовой. Будучи в Угличе, Волохова выдала дочь за Никиту Качалова, племянника ненавистного царице дьяка Михаила Битяговского. Царица не простила ей этого, тем более что прежде Василиса была близким ей человеком. Судьба Волоховых причудливо переплелась с судьбой Битяговских и Качалова. На этом родственном круге и замкнулась версия об убийстве царевича*).

Слова царицы равнозначны были смертному приговору.

Нагая велела бить в колокола и созывать народ. Немолчный гул набата поднял на ноги весь город. Возбужденная толпа загрохотала перед дворцом. Главный дьяк Углича Михаил Битяговский, слышав звон, прискакал в Кремль. Он помчался в верхние покои, «а чаял того, что царевич вверху», оттуда бросился в церковь и мимо тела царевича взбежал на колокольню. Дьяк ломился в звонницу и требовал, чтобы прекратили бить в колокола, но звонарь, по его словам, «ся запер и в колокольню его не пустил».

Появление Битяговского, по крайней мере в этот момент, спасло Волоховых. Как показали служители Дьячей избы, Никита Качалов заступился за Осипа Волохова, «учал говорить, чтоб его шурина не убили» (*Угличское следственное дело..., л. 40*). Дерзость Качалова стоила ему головы. Но его поведение было вполне объяснимым. Он вступился за шурина в тот момент, когда на площади еще бегал и распоряжался Битяговский. По привычке юный Качалов уповал на помощь всесильного дяди. Осип Волохов воспользовался минутой и укрылся на подворье Битяговских. Это было единственное место, где он мог спастись от гнева царицы.

Отношения государева дьяка Битяговского с Нагими были испорчены едва ли не с момента его приезда в Углич. Удельная семья утратила право распоряжаться доходами со своего княжества и стала получать деньги «на обиход» из царской казны. Назначенное правительством содержание казалось царице мизерным, а зависимость от дьяка - унижительной. Стряпчий царицы и другие лица сообщили комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал сверх государева указу денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», из чего проистекали ссоры и брань (*Там же, л. 17, 37*). Последняя стычка между ними произошла утром 15 мая (*Там же, л. 10, 45-46, 49-50*).

На княжом дворе дьяк сначала попытался прикрикнуть на толпу, а затем принялся увещевать Нагого, «чтобы он, Михайла, унял шум и дурна которого не зделал». С помощью Качалова Битяговские помешали расправе с Волоховым, что окончательно взбесило царицу и ее братьев. Решено было натравить на Битяговских толпу. Избитая в кровь и брошенная на площади Василиса Волохова видела, как царица указала на Битяговских и молвила «миру: то-де душегубцы царевича». Пьяный Михаил Нагой взялся было руководить расправой с дьяком, но на помощь Битяговским пришли их родственники и холопы. Несколько позже Михаил Нагой хвастался перед своими сообщниками, что это он велел убить дьяка и его сына, а Качалова «да Данила Третьякова да и людей их велел побити я же для того, что они у меня отнимали Михайла Битяговского [с] сыном» (*Там же, л. 48*).

Спасаясь от Нагого, дьяк и его сторонники заперлись в Дьячей избе. Малодушие окончательно погубило их. Толпа высекла двери, разгромила избу и расправилась с укрывшимися там людьми. Даже служивший царице дворянин должен был признать перед комиссией, что приказных побила всякая чернь «с Михайлова вельенья Нагова».

С площади люди ринулись на подворье Битяговских, разграбили его и «питье из погреба в бочках выпив, и бочки кололи». Жену дьяка, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» с детишками ко дворцу. Туда же привели Осипа Волохова, найденного в доме Битяговских.

В разгар общего смятения в Кремль явились два высших духовных лица - архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день оба служили обедню в одном монастыре. Заслышав набат, они послали слуг в город, и те, вернувшись, доложили, что «слышали от посадских людей и от посошных, что будто се царевича Дмитрея убили, а того не ведомо, хто его убил». Вслед за слугами в монастырь прибежал кутейщик и именем царицы велел старцам ехать во дворец. По свидетельству игумена, он застал царицу в церкви Спаса возле сына: «ажно царевич лежит во Спасе зарезан и царица сказала: зарезали-де царевича Микита Качалов да Михайлов сын Битяговского Данило да Осип Волохов» (*Там же, л. 20*).

Появление монахов на время приостановило самосуд. Толпа хотела взяться за дьячиху, но старцы, по их словам, «ухватили» Битяговскую с дочерьми «и отняли их и убить не дали».

Монахи видели в церкви Осипа Волохова. Он стоял неподалеку от тела царевича «за столпом», весь израненный. Василиса отчаянно боролась за жизнь сына. Она заклинала царицу «дати ей сыск праведной». Но Нагая была неумолима. Едва старцы покинули церковь, она выдала Осипа на расправу толпе, объявив: «то деи убоица царевича».

Версия о злодейском убийстве Дмитрия возникла, таким образом, во время самосуда. Нагие выдвинули ее как предлог для расправы с Битяговскими. Но обвинения против государева дьяка не выдерживали критики. Семья Битяговских не могла принять участие в преступлении. Вдова дьяка рассказала на допросе, что члены ее семьи обедали на своем дворе, когда позвонили в колокол. Гостем Битяговских был в тот день священник Богдан. Будучи духовником Григория Нагого, Богдан изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простодушно подтвердил перед комиссией Шуйского, что сидел за одним столом с дьяком и его сыном, когда ударили в набат. Таким образом, Битяговские имели стопроцентное алиби.

В день кровавого самосуда погибли 15 человек. Их трупы были брошены в ров у крепостной стены. К вечеру на третий день в Углич прибыли правительственные войска. Похмелье прошло, и Нагие поняли, что им придется держать ответ за убийство главного должностного лица, представлявшего в Угличе особу царя.

Накануне приезда комиссии Шуйского Михаил Нагой глубокой ночью собрал преданных людей и велел им раздобыть ножи. Городовой приказчик Раков пошел в Торговый ряд и взял два ножа у посадских людей. Григорий Нагой принес «ногайский» нож. На подворье Битяговского нашли «железную палицу». Когда оружие было собрано, подручные Нагого зарезали в чулане курицу, измазали «ножи и палицы кровью» и отнесли их в ров к обезображенным трупам. Непосредственный исполнитель этой акции Раков заявил комиссии: «Михайло мне Нагой приказал класти к Михайлу Битяговскому нож, сыну его нож, Миките Качалову нож, Осипу Волохову палицу» (*Там же, л. 49*).

Нагие заготовили подложные улики, чтобы сбить с толку следователей. Но обмануть комиссию им не удалось. Раков повинился перед Шуйским и поведал ему о ночной проделке Нагих. Михаил Нагой пытался заператься, но немедленно же был изобличен. На очной ставке с Раковым слуга Нагого, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. В отличие от Михаила Нагого, его брат Григорий не стал лгать и признался, что достал «ногайский» нож у себя дома из-под замка и участвовал в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей привел к окончательному крушению версии о преднамеренном убийстве Дмитрия.

Царевич погиб при ярком полуденном солнце, на глазах у многих людей. Комиссия без труда установила имена непосредственных очевидцев происшествия. Перед Шуйским выступили мамка Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Марья Колобова и четверо мальчиков, игравших с царевичем в тычку. Придавая исключительное значение показаниям мальчиков, следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос, чтобы добиться точного и ясного ответа. Сначала они спросили: «Хто в те поры за царевичем были?» Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они четыре человека да кормилица да постельница». Выслушав ответ, комиссия спросила в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли?» На этот вопрос «ребятки» ответили отрицательно. Мальчики кратко, но точно и живо описали то, что

случилось на их глазах: «играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь - падучей недуг - и набросился на нож» (Там же, л. 13).

Может быть, мальчики солгали в глаза царице? Может быть, они сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому, не убоившись гнева своей государыни? И то и другое предположение начисто опровергаются показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора - подклучники Ларионов, Иванов и Гнидин - показали следующее: когда царица села обедать, они стояли «вверху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом, сам и оттого и умер» (Там же, л. 28).

Петрушка Колобов был старшим из мальчиков, игравших с царевичем. Перед Шуйским он держал ответ за всех своих товарищей. Колобов лишь повторил перед следственной комиссией то, что сказал дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили Марья Колобова, мамка Волохова и кормилица Тучкова. Слова кормилицы отличались удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...» (Там же, с. 14). Кормилица пользовалась полным доверием царицы. Не ее, а Волохову «убивала» Нагая над мертвым сыном, хотя обе женщины были одинаково виноваты, что не уберегли ребенка.

Семь человек, стоявших подле царевича на дворе, видели своими глазами его гибель. Позже перед комиссией предстал восьмой очевидец. Но он нашелся не сразу.

Допрашивая приказного Протопопова, комиссия установила, что он впервые услышал о смерти Дмитрия во всех подробностях от ключника Тулубеева. Призванный к ответу, Тулубеев сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, которая окончательно прояснила дело.

В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел сквозь окно во внутренний дворик. Несчастье произошло у него на глазах. По словам Юдина, царевич играл во дворе в тычку и накололся на нож, «а он (Юдин.- Р.С.)... то видел» (Там же, л. 26).

Стряпчий поделился увиденным с приятелями. Но он знал, что царица толковала об убийстве, и счел благоразумным уклониться от дачи показаний перед следственной комиссией. В конце концов свидетеля обнаружили, правда, в силу случайных причин.

Показания главных угличских свидетелей совпадают по существу и достаточно индивидуальны по словесному выражению. Это говорит в пользу их достоверности. Иное впечатление производят показания второстепенных свидетелей, число которых переваливает за сотню. Их показания назойливо стереотипны. Это давно смущает исследователей. Если несколько лиц пользуются одними и теми же оборотами, тотчас возникает подозрение в лжесвидетельстве. Однако появление штампов в следственном деле все же можно объяснить. Допрос основных свидетелей позволил нарисовать достаточно полную картину происшествия. Показания тех, кто знал о смерти Дмитрия с чужих слов, не прибавили ничего нового. Перед комиссией предстали в основном дворовые люди, в массе некультурные и косноязычные, как чеховский «злоумышленник». Чтобы получить от них толковые ответы, надо было потратить массу времени. Но временем следователи как раз-то и не располагали, и потому комиссия фиксировала ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В тогдашней приказной практике такой прием часто использовался.

Версия нечаянной гибели царевича, опиравшаяся на показания главных свидетелей, заключала в себе два момента, каждый из которых может быть подвергнут всесторонней проверке.

Первый момент - болезнь Дмитрия, которую свидетели называли «черным недугом», «падучей», «немочью падучею». Судя по описаниям припадков и по их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали рассылщики, «и презже тово ... на нем (царевиче.- Р.С.) была ж та болезнь по месяцем безпрестанно». Сильный припадок случился с Дмитрием примерно за месяц до его кончины. Перед «великим днем», показала мамка Волохова, царевич в той болезни «объел руки Ондрееве дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». О том же говорила и вдова Битяговского: «многожды бывало, как ево (Дмитрия. - Р.С.) станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отьест» (Там же, л. 11, 15, 40, 46).

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник, на третий день царевичу «маленько стало полехче» и мать взяла его к обедне, потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ (показания мамки).

Буйство маленького эпилептика внушило такой страх его нянькам, что они не сразу подхватили его на руки, когда припадок случился в отсутствие царицы во дворе. Как иначе объяснить тот факт, что ребенка бросило оземь и «было его долго». Факт этот засвидетельствовали очевидцы. Мальчик корчился на земле, а возле него кружились няньки и мамки. Когда кормилица подняла его с земли, было слишком поздно.

Второй момент - царевич играл в ножички. Его забаву свидетели описали подробнейшим образом: царевич «играл через черту ножом», «тыкал ножом», «ходил по двору, тешился сваею (остроконечным ножом.- Р.С.) в кольцо». Игра в тычку состояла в следующем: игравшие поочередно бросали нож в очерченный на земле круг, нож обычно брали с острия, метнуть его надо было так ловко, чтобы нож описал в воздухе круг и воткнулся в землю.

Жильцы, стоявшие подле мальчика, сказали, что он «набросился на нож». Василиса Волохова описала происшедшее еще точнее: «бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло». Прочие очевидцы утверждали, что царевич покололся «бьючися» или «летячи» на землю. Никто не знал, в какой именно

момент царевич нанес себе рану - при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно: эпилептик ранил себя в горло.

Могла ли небольшая горловая рана принести к гибели ребенка? На такой вопрос медицина дает недвусмысленный ответ. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. Если мальчик проколол один из этих сосудов, смертельный исход был не только возможен, но неизбежен.

Почему взрослые не бросились к ребенку и не остановили кровотечение? Такой вопрос вовсе не учитывает возможностей медицины XVI столетия. Даже если бы во дворе угличского дворца оказался лучший европейский медик, и он не спас бы мальчика.

Иногда высказывают мысль, что смерть царевича все же не была нечаянной, так как в подходящий момент кто-то коварно вложил нож в его руку. Такое предположение беспочвенно, ибо оно не учитывает привычек и нравов чванливой феодальной знати, никогда не расстававшейся с оружием. Сабля и нож на бедре служили признаком благородного происхождения. Сыновья знатных фамилий привыкали владеть оружием с самых ранних лет. Маленький Дмитрий бойко орудовал сабелькой, а с помощью маленькой железной палицы забивал насмерть кур и гусей. Ножичек не однажды оказывался в его руке при эпилептических припадках. Где-то в марте месяце, показала Битяговская, «царевича изымал в комнате тот же недуг в он ...мать свою царицу тогда сваею поколол». Об этом припадке, во время которого Дмитрий «поколол сваею матерью свою царицу Марью», вспомнила и мамка Волохова.

Можно ли упрекнуть следственную комиссию за то, что она не смогла отыскать главную улику - злополучный ножичек, которым покололся Дмитрий? Вряд ли. Трудно усомниться в том, что Нагие, сфабриковав подложные улики, постарались уничтожить подлинную. Детская игрушка - ножичек царевича - очень мало напоминала орудие убийства, и Нагие подменили ее боевым оружием - «ногайским» ножом. Длинные окровавленные ножи, подброшенные в ров, окончательно должны были убедить следователей в том, что под окнами дворца орудовала шайка заправских убийц.

Следователи допрашивали главных свидетелей перед царицей, которая могла опротестовать любое ложное или путаное показание. Вместо того она обратилась к помощнику Шуйского - митрополиту Гелвасию со смиренной просьбой заступиться перед царем за «бедных червей» Михаила «с братею». «Как Михаила Битяговского с сыном и жилцов побили, - сказала царица «с великим прошением», - и то дело учинилось грешное, виноватое» *(Там же, л. 47. 22 мая митрополит Гелвасий отслужил службу и похоронил Дмитрия в церкви, куда его тело внесли после роковой прогулки. Комиссия не позволила переодеть мальчика - на нем оставили ту одежду, в которой он гулял перед смертью: рубашу с пояском, нижнюю белую рубашку, красные башмачки. По преданию, все восемь дней, пока тело царевича лежало в церкви, мать безотлучно сидела подле него)*. Мария Нагая больше не настаивала на том, что дьяк и жильцы были убийцами ее сына.

Помимо угличского «обыска» Шуйского, сведения о гибели Дмитрия содержатся в записках иностранцев. Правда, большинство иностранцев лишь повторили поздние слухи о кончине царевича. Но двое из них находились в России в дни угличской трагедии.

В венских архивах хранится донесение уже упоминавшегося Луки Паули венскому двору. Он писал: «Между тем случилось так, что брат великого князя князь Дмитрий... резиденция которого находилась в Угличе, погиб (лишился жизни)» *(Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien), Russland I, Fasz. 3, fol. 74- 78)*.

Осторожное свидетельство Паули может иметь двоякое толкование. Во всяком случае австриец избежал прямого заявления об убийстве угличского князя.

Английскому посланнику Джерому Горсею было известно о гибели Дмитрия куда больше, чем Паули и прочим иностранцам. В мае 1591 г. он находился неподалеку от Углича, в Ярославле. Здесь узнали об угличском происшествии раньше, чем в Москве. Полученную информацию Горсей изложил в письме лорду Берли, датированном 10 июня 1591 г. Английский дипломат конфиденциально сообщил в Лондон о том, что царевич Дмитрий был жестоко и изменнически убит 19 (?) мая и что ему перерезали горло в присутствии матери.

Чтобы оценить достоверность английской информации, надо установить ее источники. Сделать это помогают поздние записки Горсея, в которых ярославские впечатления автора получили более подробное отражение. На всю жизнь англичанин запомнил ночной эпизод, происшедший с ним в Ярославле в мае 1591 г. Глухой ночью кто-то громко постучал в его дом. Вооружившись пистолетами, Горсей выглянул на улицу и при свете луны узнал Афанасия Нагого. Давний его знакомый рассказал, что «царевич Дмитрий скончался, в шестом часу дьяки перерезали ему горло, слуга одного из них сознался под пыткой, что они посланы Борисом, царица отравлена и при смерти...». Очевидно, письмо Горсея от 10 июня 1591 г. лишь воспроизвело версию Нагих об убийстве Дмитрия.

Полагают, что показания угличан о нечаянной смерти младшего сына Грозного были получены посредством угроз и насилий. Факт жестоких преследований жителей Углича засвидетельствован многими источниками. Но эти гонения, как удастся установить, имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а несколько месяцев спустя. Комиссия не преследовала своих свидетелей. Исключение составил случай, точно зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Васильем» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха и обвинил его в краже вещей дьяка. Обвинения подтвердились, и конюха с его сыном взяли под стражу. Тем и кончились репрессии против угличан в дни следствия.

Нарисованная следствием картина гибели Дмитрия отличалась редкой полнотой и достоверностью. Расследование не оставило места для неясных вопросов. Но наступило Смутное время, имя «царственного младенца» принял дерзкий авантюрист, овладевший московским тронem, и смерть Дмитрия превратилась в загадку.

Гибель царевича толкнула Нагих на авантюру. Угличский двор намеревался использовать момент, чтобы нанести удар Годунову. Инициатива исходила от Афанасия Нагого. Гонцы царицы прибыли к нему в Ярославль в

ночь на 16 мая. Горсей имел возможность наблюдать последующие события как очевидец. Глубокой ночью, рассказывает он, удары набата подняли на ноги население Ярославля. Нагие объявили народу, что младший сын Грозного предательски зарезан подосланными убийцами. Они рассчитывали спровоцировать восстание, но это им не удалось.

Потерпев неудачу в Ярославле, Нагие предприняли отчаянную попытку поднять против Годуновых столицу.

В последних числах мая в Москве произошли крупные пожары. Тысячи москвичей остались без крова. Бедствие в любой момент грозило вылиться в бунт. Нагие постарались обратить негодование народа против Бориса. Они повсюду распространяли слухи о том, что Годуновы повинны не только в убийстве царского сына, но и в злодейском поджоге Москвы. Эти слухи распространились по всей России и проникли за рубеж. Царские дипломаты, отправленные в Литву, принуждены были выступить с официальным опровержением известий о том, что Москву «зажгли Годуновых люди».

Правительство провело спешное расследование причин московских пожаров и уже в конце мая обвинило Нагих в намерении сжечь Москву и спровоцировать беспорядки. Боярский суд произвел допрос нескольких десятков поджигателей - преимущественно боярских холопов. Главными виновниками пожара были объявлены некий московский банщик Левка с товарищами. На допросе они показали, что «прислал к ним Офонасей Нагой людей своих - Иванка Михайлова с товарищи, велел им закупать многих зажигальников, а зажигати им велел московский посад во многих местах... и по иным по многим городам Офонасей Нагой разослал людей своих, а велел им зажигальников закупать города и посады зажигать» (*Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН, т. IV. М., 1929, с. 70*).

Годуновы использовали московские события, чтобы навсегда избавиться от Нагих. 2 июня в Кремле собрались высшие духовные чины государства, и дьяк Щелкалов прочел им полный текст угличского «обыска». Как и во всех делах, касавшихся царской семьи, в угличском деле высшим судьей стала церковь. Устами патриарха Иова церковь выразила полное согласие с выводами комиссии о нечаянной смерти царевича, мимоходом упомянув, что «царевичю Дмитрию смерть учинилась божьим судом». Значительно больше внимания патриарх уделил «измене» Нагих, которые вкупе с угличскими мужиками побили «напрасно» государевых приказных людей, стоявших «за правду». «Измена» Нагих уже заслонила собой факт гибели Дмитрия. На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву.

Комиссия Шуйского представила собору отчет и прекратила свою деятельность. Следствие о поджоге Москвы и агитации Нагих вели другие люди, имена которых неизвестны. Составленные им материалы не были присоединены к угличскому «обыску» и до наших дней не сохранились.

Дипломатическая переписка Посольского приказа позволяет установить, что розыск об измене Нагих достиг апогея в июле 1591 г., а завершился в еще более позднее время. В середине июля русские послы заявили за рубежом, что в московских пожарах повинны «мужики воры и Нагих Офонасея з братью люди, то на Москве сыскано, да еще тому делу сыскному приговор не учинен». В 1592 г. Посольский приказ дал знать, что виновным вынесен приговор: «кто вор своровал, тех и казнили» (*Центральный государственный архив древних актов, ф. 79, кн. 21, л. 206-206 об.; кн. 22, л. 28*).

Таким образом, родственники Царевича Дмитрия подверглись преследованиям через много месяцев после его смерти. По приказу Федора мать Дмитрия насильно постригли и отослали «в место пусто» на Белоозеро. Афанасия Нагого и его братьев заточили в тюрьму. Многих их холопов казнили. Сотни жителей Углича отправились в ссылку в Сибирь.

Правитель не простил угличанам страха, пережитого им в майские дни. Разве что этим можно объяснить такой символический жест, как «казнь» большого колокола в Угличе: колоколу урезали «ухо» и в таком виде отослали в ссылку в Сибирь.

Глава 7

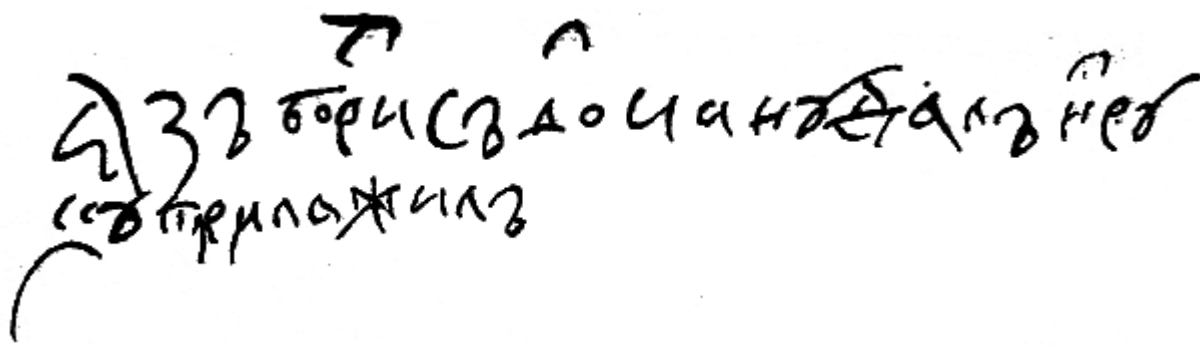
ПРАВИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВА

Оппозиция была разгромлена, удельное княжество в Угличе ликвидировано. Острый политический кризис остался позади. Годуновы использовали ситуацию, чтобы с помощью обдуманных мер упрочить свою власть.

Преданный своему многочисленному клану, Борис наводнил родней Боярскую думу. В руках членов его семьи оказались важнейшие приказные ведомства - Конюшенный приказ и Большой дворец. (В ведении дворца находились обширные владения царской фамилии.)

Годунову удалось упрочить свой престиж и умножить личное состояние. Многие земли достались ему от казны вместе с должностью конюшего. Несколько позже он получил в управление Важскую землю, по территории равную княжеству. Федор назначил шурину особую пенсию. Помимо оброков с вяземских и дорогобужских вотчин и с многочисленных поместий в разных уездах государства, Борис распоряжался доходами с конюшенных слобод под Москвой, всевозможными денежными поступлениями в столице (включая пошлины с московских бань), Рязани, Твери, Торжке, северских городах. Ни один удельный князь не располагал такими доходами, как Годунов. Сказочные богатства правителя ослепили современников. Согласно сведениям, опубликованным Горсеем в 1589 г., Годуновы получали 175 тыс. ежегодно и могли выставить в поле 100 тыс. вооруженных воинов. Более осторожный и трезвый наблюдатель Джильс Флетчер исчислял доход правителя 100 тыс. руб. Как бы преувеличены ни были эти цифры, факт остается фактом. В течение нескольких лет Борис, до того обладавший посредственным состоянием, превратился в неслыханно богатого человека.

Годунов присвоил себе множество пышных титулов. В феодальном обществе титулы служили выражением амбиций и точно определяли место титулованной особы в иерархической системе. Незнатные дворяне не смели претендовать на высшие ранги. Знать, естественно, противилась домогательствам Бориса. Столкнувшись с непреодолимыми препятствиями на родине, Годунов попытался добиться признания за рубежом. Жившие в Москве иноземцы помогли ему в этом. Горсей постарался внушить мысль о необыкновенном могуществе Годунова английскому двору. С этой целью он ознакомил королеву с грамотами Бориса, лично ему, Горсею, адресованными. В вольном переводе услужливого англичанина Годунов именовался «волей божьей правителем знаменитой державы всея России» или же «наместником всея России и царств Казанского и Астраханского, главным советником (канцлером)». Накануне решительного столкновения с Испанией Елизавета стремилась к союзу с Россией, поэтому ее обращение к правителю способно было удовлетворить самое пылкое честолюбие. Королева называла Бориса «пресветлым княже и любимым кузеном» (Толстой Ю. Указ. соч., с. 286, 287, 294, 327).

Автограф Бориса Годунова
(цветную фотографию смотрите в Приложении)

В Вене тайная дипломатия Бориса увенчалась таким же успехом, как и в Лондоне. Доверенный эмиссар Годунова Лука Паули помог ему вступить в личную переписку с Габсбургами и подсказал австрийцам титулатуру правителя. Братья императора адресовали свои письма «навышнему тайному думному всея Русские земли, навышнему моршалку тому светлейшему (!), нашему причетному любительному» (*Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1. СПб., 1854, с. 1228*).

Как бы ни величали Бориса иноземные государи, Посольский приказ строго придерживался его официального титула без малейших отклонений. Изгнание из Боярской думы открытых противников Годунова и крупные внешнеполитические успехи изменили ситуацию. По случаю поражения татар под стенами Москвы Борис был возведен в ранг царского слуги. Разъясняя значение этого звания за рубежом, дипломаты заявляли, что «то имя честнее всех бояр, а дается то имя от государя за многие службы» (*Анпилов Г. Н. Новые документы о России конца XVI - начала XVII в. М., 1967, с. 77-78*). В самом деле, титул слуги, связанный с традициями удельного времени, ценился выше, чем все прочие титулы. До Бориса его носили лишь очень немногие лица, принадлежавшие к высшей удельно-княжеской аристократии. Последними слугами в XVI в. были великородные Воротынские. Впервые со времени образования Русского государства один человек стал обладателем двух высших титулов - конюшего боярина и царского слуги. Но торжество Бориса не было полным, пока подле него оставался могущественный канцлер Андрей Щелкалов. Минуло время, когда канцлер имел более прочные позиции в правительстве, чем Годунов. И все же он по-прежнему направлял всю деятельность государственного приказного аппарата и руководил дипломатическим ведомством.

Через год после смерти Дмитрия у царя Федора родилась дочь Федосья. В качестве последней законной представительницы угасающей династии она располагала наибольшими правами на трон. Но обычаи страны были таковы, что женщина не имела нрава царствовать самостоятельно. Едва Федосье исполнился год, как московские власти принялись хлопотать об устройстве ее будущего брака, который помог бы царевне стать царицей.

В 1593 г. Щелкалов имел секретную беседу с австрийским послом Варкочем и через него передал австрийскому императору необычную просьбу: прислать в Москву одного из австрийских принцев в возрасте не старше 14-18 лет. Московиты предполагали обучить австрийца русскому языку, познакомить с обычаями и нравами страны, чтобы со временем он женился на московской царевне и занял вместе с ней трон.

С. Ф. Платонов полагал, будто участие в прогабсбургской интриге скомпрометировало дьяка в глазах Бориса и стоило ему карьеры. На самом деле в тайных переговорах с австрийцами Щелкалов выступил не против Годунова, а заодно с ним. Беседуя с послом, канцлер подчеркивал, что исполняет поручение Годунова, но старался создать впечатление, будто самым горячим сторонником австрийского претендента является не Борис, а он сам. Мимоходом Щелкалов заявил послу следующее: «Наши великие Государи на благо христианского мира начали возделывать вместе пашню; Борис Федорович, ты и я - страдники и сеятели. Ежели мы усердно будем возделывать землю, бог нам поможет, чтобы взошло и произрастало то, что мы посеяли. А мы, работники, пожнем с божьей помощью вместе плоды здесь, на земле, и там, в другой жизни» (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien), Russland I, Kart. 3, fol. 36*). Называя Бориса «страдником» и ровней себе и малознатному послу, Андрей Щелкалов выразил свое отношение к притязаниям соправителя.

Проект передачи московского трона царевне Федосье и одному из габсбургских принцев оказался одинаково приемлемым и для Годунова, и для Щелкалова. Первый рассчитывал играть при дворе племянницы такую же роль,

как и при дворе сестры. Второй полагал, что австрийский царь не сможет управлять незнакомой страной без его помощи.

Но Федосья умерла в двухлетнем возрасте. С ее кончиной проект династического компромисса рухнул, и Борис поспешил отделаться от слишком влиятельного дядя. Не позднее июня 1594 г. глава приказной бюрократии покинул все свои посты. Свидетель его отставки дьяк Иван Тимофеев повествует, что Борис, забыв клятву, «угрыз» Щелкалова зубами, «аки зверь», и тот скончался в «бесчестном житие» (*Временник Ивана Тимофеева*, с. 73). Последние годы жизни Андрей Щелкалов провел и приходе одной из столичных церквей. Опала на него носила персональный характер. Место главного дьяка и хранителя государственной печати сразу же занял родной брат Андрея - Василий.

Дворец Бориса Годунова в Кремле. Гравюра Пикара. XVII в.

Падение канцлера окончательно сконцентрировало все нити управления в руках Годунова, поспешившего присвоить себе новые чины. К 1595 г. официальный титул Бориса приобрел следующий вид: «царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин и дворовый воевода и содержатель великих государств - царства Казанского и Астраханского» (*Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией*, т. I. СПб., 1890, с. 296). В традиционной московской иерархии чин правителя отсутствовал из-за несовместимости с официальной доктриной самодержавной власти московских государей. Даже знаменитый Алексей Адашев, пользовавшийся громадным влиянием при молодом Грозном, никогда не помышлял о нем. Годунов мог торжествовать неслыханную победу. Ни один москвитин никогда не носил до него такого множества громких и звучных титулов. Смысл их был понятен всем. Годунов объявил себя единоличным правителем государства. Сам царь находился у него в полном послушании.

Родня царя Федора, Годуновы и Романовы, объединившись вокруг трона, преодолела династический кризис, сопутствовавший утверждению у власти недееспособного сына Грозного. Союз Романовых и Годуновых продержался в течение десятилетия. Старший сын Никиты Романова Федор с помощью Бориса сделал выдающуюся карьеру. Несмотря на молодость, он выслужил чин главного дворового воеводы и считался одним из трех главных руководителей ближней царской думы.

Братья царя Федора - Романовы были наиболее вероятными претендентами на трон. Десятилетнее согласие между Романовыми и Годуновыми служило лучшим доказательством того, что правитель до поры до времени не выступал с прямыми претензиями на корону. Раздор стал неизбежен, как только вопрос о престолонаследии приобрел практическое значение. Местнические дела, чутко реагирующие на приближение любой политической бури, дают возможность установить время, когда борьба за трон сделала вчерашних союзников врагами.

Примерно за год до смерти царя Федора Федор Никитич Романов получил назначение в полк правой руки в качестве второго воеводы. Несмотря на то что он занял не слишком высокий пост, со всех сторон немедленно посыпались местнические возражения. На боярина Федора Романова били челом люди, не обладавшие ни думными чинами, ни заслугами: Петр Шереметев, князь Василий Черкасский, князь Федор Ноготков-Оболенский. В присутствии царя Ноготков дерзко заявил, что ему «мочно быть больши» не только Федора Романова, но даже и его отца, знаменитого Никиты Романова, и дяди Данилы Романова. В сердцах кроткий царь Федор сделал Ноготкову резкий выговор. «Данила и Никита, - сказал он с обидой, - были матери нашей братья, мне дяди; и дядь моих давно не стало; и ты чево дядь моих мертвых бесчестишь?» Князь Ноготков угодил и московскую тюрьму «на пять ден», но своего добился. Несмотря на заступничество «самодержца», назначение Федора Романова было отменено, «потому что, - значилось в книгах Разрядного приказа, - государь то по разрядам сыскал, что князю Федору Ноготкову не доведетца менши быть боярина Федора Никитича Романова» (*Государственная библиотека им. В. И. Ленина, собр. Горск., № 16, л. 434*).

Сокрушительное поражение Романова показало, что правитель отнял у «великого государя» даже тень власти. В награду за дерзость Федор Ноготков был повышен на несколько рангов, а Федора Романова на его посту заменил Степан Годунов. Новые назначения сразу показали, кто был вдохновителем местнической интриги против Романовых. То были Годуновы.

Опекуны царя Федора, назначенные Грозным, исчезли с лица земли один за другим. В живых оставался один Богдан Бельский, прозябавший в деревенской ссылке. Борис не спешил с его возвращением на государеву службу. Когда же бывший любимец царя Ивана и глава первого правительства царя Федора объявился в столице, Годунов унизил его заурядным служебным назначением. В 1596 г. Разрядный приказ послал оружничего из столицы на южную границу «дозирать» засечную черту.

Богдан Бельский был близким родственником Годунова и его давним соратником по опричной службе. Борис мог бы пользоваться его дружбой. Но вышло иначе. Борьба вокруг трона разгоралась. Вчерашние покровители и друзья Годунова - Щелкалов, Романовы, Бельский - стали его врагами.

Глава 8

«ЗАПОВЕДНЫЕ» И «УРОЧНЫЕ» ГОДЫ

Образование единого государства в XV-XVI вв. создало более благоприятные условия для его экономического и культурного роста. Но, опираясь на возросшую мощь страны, феодальные землевладельцы ввели Юрьев день, стеснивший свободу крестьянских переходов.

В середине XVI в. крестьянин мог уйти от землевладельца в течение двух недель после 20 ноября, предварительно заплатив особую пошлину за выход - рубль пожилого - большую по тем временам сумму.

В конце XVI в. в жизни русских крестьян наступили драматические перемены. Они утратили ту ограниченную свободу, которую гарантировал им Юрьев день. На страну опустилась мгла крепостничества.

Как и при каких обстоятельствах сформировался крепостнический режим в конце XVI в.? Для русской истории этот вопрос имеет первостепенное значение. Феодальные архивы сохранили важнейшие крестьянские законы, изданные в правление Ивана Грозного, Бориса Годунова и первых Романовых. В длинной цепи недостает лишь одного, но зато самого важного звена - закона об отмене Юрьева дня, покончившего с крестьянской свободой.

Ученые ищут решения проблемы закрепощения уже более 200 лет. В ходе дискуссии были выдвинуты две основные концепции. Одна воплотилась в теории «указного» закрепощения крестьян, другая - в теории «безуказного» закрепощения.

Известный русский историк В. Н. Татищев считал, что крестьян закрепостил Годунов специальным законом 1592 г. После смерти злосчастного Бориса текст его закона был затерян, да так основательно, что никто не смог его разыскать.

Слабость «указной» теории заключалась в том, что она опиралась не на строго проверенные факты, а на догадки. Отметив это обстоятельство, В. О. Ключевский назвал исторической сказкой мнение об установлении крепостной неволи Годуновым. Не правительственные распоряжения, утверждал он, а реальные условия жизни, задолженность крестьян положили конец крестьянским переходам. Талант Ключевского доставил его концепции общее признание. Но это признание было поколеблено, когда в архивах обнаружили документы о «заповедных летах».

Известный французский источниковед Ш. Ланглуа заметил, что историкам по необходимости приходится пользоваться такими материалами, от которых с презрением отвернулся бы любой исследователь в области точных наук. Скудные источники, повествующие о «заповедных летах», служат, пожалуй, лучшей иллюстрацией этого замечания.

Под «заповедью» в Древней Руси подразумевали всякого рода запреты. Власти воспрещали торговать заповедным товаром, охотиться в заповедном лесу. Несколько найденных в архиве помещичьих грамот свидетельствовали о том, что в «заповедные лета» власти возвращали помещикам ушедших от них крестьян. Проанализировав эти грамоты, историки высказали предположение, что, возможно, именно указ о «заповеди» аннулировал Юрьев день. Такая догадка неизбежно привела к пересмотру всех возникших ранее концепций.

Новая теория закрепощения обрела стройность и законченность формы в исследованиях академика Б. Д. Грекова, обобщившего историю крестьянства в замечательном труде «Крестьяне на Руси». Вместе с академиком С. Б. Веселовским Б. Д. Греков всесторонне аргументировал мнение о том, что Иван IV воспретил крестьянские переходы за три года до своей смерти. С. Б. Веселовский считал, что при жизни Грозного его указ действовал лишь в отдельных небольших районах. По мнению Б. Д. Грекова, вся страна разом оказалась под пятой крепостного режима. Его взгляд стал преобладающим в науке.

Последующие годы принесли новые выдающиеся архивные находки. Советский ученый В. И. Корецкий впервые обнаружил не косвенные (как в документах о «заповедных летах»), а прямые указания на тот самый закон, который тщетно разыскивался в течение 200 лет. В правление царя Федора Ивановича монахи одного из новгородских монастырей обратились к нему с такими словами: «Ныне по твоему царскому указу крестьяном и бобылем выходу нет».

Итак, если искомый крепостной закон исходил от Федора, за которого фактически правил Годунов, как быть с гипотезой о «заповедном» указе Ивана IV? Пересмотр теории «заповедных лет» казался неизбежным. Но он не был осуществлен из-за новых архивных открытий. Найденная В. И. Корецким летописная заметка XVII в. не упоминала о «заповедных летах», однако из нее следовало, что Юрьев день был уничтожен не царем Федором, а

его отцом, «благочестивым государем» Иваном Васильевичем (Подробнее см. в кн.: Скрынников Р. Г. Указ. соч., с. 178-180).

Пока подлинный текст царского указа не разыскан, любые суждения о нем останутся не более чем гипотезами. Научное же значение каждой гипотезы будет зависеть от того, насколько она согласуется со всеми имеющимися фактами и источниками.

Полевые работы Миниатюра из «Жития Антония Сийского». XVI в.

Случается так, что источники находятся в очевидном противоречии между собой. Тогда историк ищет пути к наилучшему их истолкованию и объяснению. Его труд начинает напоминать кропотливый труд следователя. И тот и другой не должны верить на слово своим свидетелям. Легко сбиться с пути при излишней доверчивости. И тот и другой не должны быть излишне скептическими. Расследование может зайти в тупик. Учитывая все это, попробуем заново выслушать речи немногих уцелевших свидетелей введения в России крепостного права. Эти речи невяжны и противоречивы, но иных данных у нас нет.

Чем значительнее историческое явление, тем больше вероятность того, что оно отразится в источниках и в памяти современников. Утрата, быть может, самого значительного из указов Грозного удивительна сама по себе. Отсутствие каких бы то ни было ссылок на него в документах последних лет царствования Ивана совсем необъяснимо.

Первые упоминания о «заповедных летах» появляются в документах периода правления Годунова. Число их ограничено. Это грамоты нескольких помещиков, живших близ Новгорода в так называемой Деревской пятине.

Через пять лет после смерти Грозного трое помещиков обратились в суд с требованием вернуть беглых крестьян. Большая часть крестьян ушла от них при царе Федоре, несколько человек - еще в последние три года правления Ивана IV. Эти годы (как и последующие) названы в помещичьих исках «заповедными».

Что скрывалось за помещичьими претензиями, помимо алчности? На какие законы они ориентировались? В источнике нет материала для решения этих вопросов. Время пощадило лишь отдельные, наименее важные фрагменты из деревских судебных дел о крестьянах. Пропали и дворянские челобитные, и решения приказных судей. Остались одни «обыски» - письменные показания населения, затребованные судом для проверки исков. Добились ли деревские помещики возврата крестьян? Какими нормами руководствовался суд в решении их дел? Об этом можно лишь догадываться.

Прежде чем принимать претензии трех помещиков за доказательство чего бы то ни было, их следовало подвергнуть всесторонней проверке. Поиски необходимого для проверки материала оказались длительными, но в конце концов они увенчались успехом. Архивы сохранили описания деревских поместий, составленные в те самые годы, которые позже были названы «заповедными». Авторитетность этих описаний не подлежит сомнению. Писцовые книги XVI в. принадлежали к разряду основной юридической документации, подтверждавшей права помещиков на землю и крестьян.

Владельцем одного из трех поместий Деревской пятины был сын боярский Иван Непейцын. В 1588 г. он хлопотал о возвращении ему двух крестьян, братьев Гавриловых, сбежавших от него, по его словам, в «заповедные» - 1581-1582 гг., когда сам он находился «на государеве службе в Лялицах» (*Самоковсов Д. Я. Архивный материал, т. 2, ч. 2. М., 1909, с. 450*). Бой со шведами у деревни Лялицы произошел в феврале 1582 г. Очевидно, именно в это время Гавриловы и покинули помещичью деревню Крутцы. Через несколько месяцев в поместье прибыли государевы «большие» писцы. Они описали барскую усадьбу и пустые крестьянские дворы, но ни словом не обмолвились о беглых Гавриловых (*Центральный государственный архив древних актов, Поместный приказ, ф. 1209, кн. 959, л. 199*). Кажется, они сами не подозревали о том, что проводят описание в «заповедном» году. (Предположительно царь Иван издал закон против выходов незадолго до того, как писцы приступили к делу.) Явившись в поместье Непейцына, писцы обязаны были записать имена по крайней мере тех крестьян, которые покинули помещика буквально у них под носом, грубо нарушив только что изданный государев указ. Если писцы не сделали этого, значит, у них не было инструкций насчет «заповедных лет» в деревских поместьях.

Из двух противоречивых показаний предпочтение следует отдать более раннему и более авторитетному показанию писцовых книг. Запоздалые «речи» Непейцына, очевидно, отразили реальность более позднего времени. Использовать их для характеристики времени Ивана IV было бы опрометчиво.

Определяя географию «заповедных лет» при Грозном, С. Б. Веселовский указывал на Деревскую пятину и вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря как сферу действия ранней «заповеди».

Свидетельства об иосифо-волоколамских крестьянах бесспорно заслуживают внимания. Историки извлекли их из подлинных прихода-расходных книг монастыря за 70- 80-е годы XVI в. Самые ранние книги пестрят записями о выходах монастырских крестьян. К весне 1580 г. число «выходных» записей достигает максимума. С осени 1581 г. они навсегда исчезают со страниц документа. Речь идет не о претензиях монастыря, а о фактах реальной жизни. На основании их можно заключить, что с начала 80-х годов Юрьев день, не существовавший более для волоколамских крестьян. Можно ли приобщить эту новую улику к делу о «заповедных летах»? Если монахи знали о царском «заповедном» указе, почему они ни разу не упомянули о «заповедных летах» ни в приходных книгах, ни в прочей монастырской документации?

Чтобы оценить достоверность свидетельского показания, надо прежде всего выяснить степень осведомленности свидетеля. Бесполезно спрашивать его о том, чего он не знает. Монахи вели учет крестьянского населения с помощью писцовых книг, которые не сохранились до наших дней. В приходных книгах они фиксировали не крестьянские передвижения, а оборот денег в монастырской казне. По этой причине в их финансовых ведомостях фигурировали лишь те переходы, при которых крестьяне выплачивали монастырю предусмотренную законом рублевую пошлину - пожилое. Таким образом, исчезновение записей о переходах из приходных книг свидетельствовало не о прекращении крестьянских переходов, а лишь о прекращении денежных операций, связанных с выплатой пожилого.

Это заключение подтверждают другие документы. Попробуем заглянуть к соседям волоколамских крестьян - тверским крестьянам, жившим в вотчинах Симеона Бекбулатовича Тверского. Обеспокоенный повальным бегством крестьян, служилый хан в 1580 г. послал в свои вотчины писцов, чтобы выяснить причины бедствия. Описание обнаружило любопытные факты. Оказалось, что из 200 отсутствовавших крестьян лишь считанные единицы покинули свои деревни с уплатой пожилого в Юрьев день. В подавляющем большинстве крестьяне сбежали из вотчины в голодные весенние месяцы, не заплатив пошлины. Многих свезли к себе соседние феодалы, также без соблюдения правил Юрьева дня.

К началу 80-х годов значительная часть сельского населения либо разбежалась, либо вымерла. Деревня напоминала огромный пустырь. Крестьяне пахали лишь малую часть той пашни, которая кормила их прежде. Под тяжестью катастрофы старый порядок перехода в Юрьев день полностью разладился. Этот сдвиг и запечатлелся в документах о волоколамских и тверских крестьянах. Никаких следов законодательной отмены Юрьева дня в них не обнаруживается.

При царе Василии Шуйском в 1607 г. Поместный приказ издал пространное Уложение о крестьянах, в текст которого была включена своего рода историческая справка. «При царе Иоане Васильевиче, - утверждали дьяки, - крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоанович по наговору Бориса Годунова, не слушая совета

старейших бояр, выход крестьяном заказал, и у кого колико тогда крестьян где было, книги учинил» (*Татищев В. Н. История Российская, т. VII. Л., 1968, с. 373*). Компетентность составителей Уложения не вызывает сомнения. Уложение вышло из стен того самого Поместного приказа, который издавал и хранил все законы о крестьянах. Этот источник имеет первостепенное значение. Он окончательно разрушает представление о том, что крестьяне утратили выход при Грозном. Предполагали, что царь Иван, введя «заповедь», провел перепись земель, чтобы закрепить крестьян за землевладельцами. По Уложению, перепись провел не Иван, а Федор. Факты целиком подтверждают эту версию. При Грозном писцы побывали лишь в Новгороде. Общее описание государства было сделано после его смерти.

Справку Поместного приказа 1607 г. можно проверить с помощью более ранних документов. Для этого следует вернуться к находкам В. И. Корецкого.

В 1595 г. старцы Пантелеймонова монастыря Деревской пятины в своем прошении напомнили царю Федору, но ныне по его царскому указу «крестьяном выходу нет» (*Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968, с. 313*). Поместный приказ, принявший челобитную, не только не опротестовал это заявление монахов, но и процитировал его в своем судебном решении. И челобитная, и решение суда сохранились в оригинале, что придает им особую ценность. Подлинные документы 1595 г., таким образом, полностью подтверждают справку Поместного приказа 1607 г. и тем самым дают в руки исследователя неопровержимые доказательства того, что у истоков крепостного режима стоял не Грозный, а Годунов.

Но как объяснить тогда другой документ, найденный В. И. Корецким, - краткую летопись, сообщавшую, что «законный и благочестивый царь» Иван Васильевич наложил «заклятие» на крестьянский выход, а узурпатор Борис нарушил его волю и возобновил Юрьев день во время сильного голода в 1601-1603 гг.? Прежде всего попробуем ответить на вопрос: кем был этот новый свидетель, решительно опровергший заявления Поместного приказа? Может быть, это современник Грозного, непосредственный очевидец событий тех лет? Нет, это не так. Летописная заметка появилась на свет в XVII в., когда и Грозный, и Годунов, и Шуйский давно сошли со сцены. Ее составил безвестный провинциальный дворянин-крепостник, апеллировавший к памяти «благочестивого царя» ради оправдания установившегося режима. Нет и намека на то, что летописец имел под руками подлинные документы о закрепощении: заметка носит чисто литературный характер.

Иски помещиков Деревской пятины и записи монахов Иосифо - Волоколамского монастыря очень невнятно рассказали о «заповедных летах». Значительно больше сведений о новых нормах можно почерпнуть из жалованной грамоты городу Торопцу, составленной Поместным приказом дьяка Андрея Щелкалова в 1590 г. Городские власти получили в то время разрешение вернуть на посад своих тяглов (людей, плативших государеву подать - тягло), которые ушли на земли помещиков и монастырей «заповедные лета» (*Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1902, кн. 2, с. 359*).

Торопецкая грамота вносит новую поправку в теорию «заповедных лет». Основной «заповедной» нормой, считали формальное упразднение Юрьева дня. Однако торопецкий документ говорит не о крестьянах, а о посадских людях, никакого отношения к Юрьеву дню не имевших. «Заповедные» меры в отношении городских жителей подчинены были финансовым целям. Казна издавна получала львиную долю денежных доходов с городских налогоплательщиков. В период «великого разорения» горожане искали спасения в деревне. Города опустели. В рамках «заповедных лет» власти добивались возвращения посадских людей в их старые городские дворы в целях возрождения платежеспособной посадской общины. Введение «заповедных лет» в Торопце означало временное прикрепление разбежавшихся из города налогоплательщиков к тяглой посадской общине. Меры по возрождению городского тягла получили наименование «посадского строения». О них подробнее мы будем говорить ниже.

Правительство ратовало за возвращение налогоплательщиков как в городах, так и в деревне. Чтобы вернуть себе тяглых крестьян, деревские помещики в своих исковых заявлениях старались доказать, что «спорные» крестьяне ушли от них «с тяглые пашни», чем нанесли ущерб казенным податям. Другой пример: администрация «черных» (государственных) волостей на Двине пожаловалась на разброд волостных крестьян, и Андрей Щелкалов в 1585 г. велел сыскать этих крестьян в вотчинах соседнего монастыря и вернуть их в волость «на государеву землю на тяглое место».

Последняя грамота, упоминавшая о «заповедных летах», была адресована Никольскому монастырю на Двине и имела дату - 1592 г. В то время Никольские монахи обратились в Москву с просьбой помочь им вернуть на старые тяглые наделы двух крестьян. Один крестьянин покинул монастырскую вотчину, другой остался в ее пределах, но забросил свой надел и ушел в зятя к соседу. Чтобы подкрепить просьбу, монахи тщательно подсчитали, какой убыток казне причинили вышедшие крестьяне. Дьяк Щелкалов не только удовлетворил иск Никольских монахов, но и включил в текст судебного решения особую статью, адресованную «черным» волостям, со всех сторон окружавшим владения Никольского монастыря. Волостям воспрещалось вывозить крестьян из Никольской вотчины «в заповедные лета (впредь) до нашего (государева) указа» (*Русская историческая библиотека, т. XIV. СПб., 1894, стб. 137*).

Двинская грамота 1592 г. отразила новый этап в становлении «заповедного» режима. Судя по торопецкой грамоте, правительство считало «заповедными» годы, предшествовавшие 1590 г. На основании двинской грамоты 1592 г. можно заключить, что творцы нового режима намеревались распространить действие «заповедей» на все обозримое будущее, хотя при этом они и не отказались от взгляда на нее как на меру временную, которую рано или поздно упразднит особый государев указ.

Достоверные источники приказного происхождения 1590-1592 гг. позволяют обнаружить наиболее характерные черты «заповедного» режима, находившегося в то время в процессе формирования: «заповедь» имела в виду налогоплательщиков города и деревни; механизм «заповедного» режима приводила в движение инициатива

отдельных землевладельцев и феодальных городов; «заповедные лета» функционировали как система временных мер. Можно отметить и еще одну характерную особенность. В большинстве правительственных распоряжений о возвращении тяглых горожан и крестьян на старое место жительства нет термина «заповедные лета». Неизвестно, добились ли удовлетворения своих исков Непейцын и двое других деревских помещиков. А вот их сосед по поместью Д. Языков выиграл аналогичную тяжбу из-за крестьян год спустя. Оригинал судного дела Языкова сохранился полностью, включая помещичий иск и решение приказного судьи о возвращении крестьян. Однако ни один из этих документов не содержит указания на «заповедные лета».

Источники рисуют картину достаточно неожиданную. В правление Годунова крепостной режим стал впервые приобретать четкие контуры. Но и тогда приказные дельцы неохотно пользовались понятием «заповедные лета» и при решении дел часто обходились без всякой ссылки на «заповедь». Не свидетельствует ли это о том, что «заповедь» не превратилась еще в формулу закона? Если так, то отсюда следует, что механизм «заповедных лет» возник не из законодательного акта, а из практических распоряжений властей. Финансы стали одной из главных пружин этого механизма.

К концу царствования Грозного податные поступления в казну резко сократились, финансовая система пришла в полный упадок. При Федоре власти проводили в отношении податных сословий такую политику, которая определялась в первую очередь необходимостью укрепления финансовой системы. Таким образом, возврат крестьян и посадских людей на тяглые участки был связан поначалу не с законодательной отменой Юрьева дня, а с упорядочением налоговой системы и временным прикреплением налогоплательщиков к государеву тяглу. «Заповедь» рассматривалась как частная, преходящая мера, призванная помочь возрождению расстроенной налоговой системы. Временные меры, преследовавшие узкофинансовые цели, очевидно, не нуждались в развернутом законодательстве. Поначалу едва ли кто-нибудь предвидел, к каким последствиям приведет новая налоговая политика.

Система мер по упорядочению налоговой системы не привела к полному прекращению крестьянских выходов. «Заповедь» распространялась лишь на дворовладельцев, ответственных за подать, но не распространялась на их братьев, детей и племянников. Правительство использовало это, когда того требовали интересы государственной службы. В 1592 г. Андрей Щелкалов направил в южные уезды указ о наборе жителей на казачью службу во вновь построенные пограничные крепости. Набору подлежали крестьянские дети и захребетники, не платившие государеву подать. В казаки шли и отдельные тяглые крестьяне, сумевшие приискать и посадить на свой тяглый участок замену. Самый факт их выхода подтверждал сугубо финансовый характер наметившегося прикрепления.

Документы относительно казачьего набора проясняют обстоятельства, при которых произошло рождение нового режима. Крестьянские челобитные рисуют картину подлинного разбоя феодальных землевладельцев. Чтобы помешать крестьянам выйти на государеву службу, помещики били и мучили их, сажали на цепь и в «железа на смерть», прятали в своих усадьбах крестьянских жен и детей, забирали с крестьянских дворов «животину и рухлядь» (*Антиогов Г. Н. Указ. соч., с. 307-373*). Ушедших крестьян феодалы пытались вернуть по суду. Правда, в своих челобитных они не могли сослаться на закон, воспрещавший выход. Но они настойчиво подчеркивали угрозу опустошения государева тягла. Записавшиеся на службу крестьяне со своей стороны доказывали, что они оставили замену на покинутых наделах и, таким образом, их выход не причинил ущерба казне.

Южные помещики буквально завалили Поместный приказ исками о возвращении их крестьян из казаков. В итоге Щелкалов послал воеводам новую инструкцию, строжайше воспрещавшую брать в казаки каких бы то ни было крестьян «с пашни» даже при условии замены. Как видно, дворяне быстро усвоили все выгоды, вытекавшие из новой финансовой политики правительства, и постарались дать им свое истолкование. Помещики южных уездов фактически обращались со своими крестьянами, как с крепостными.

Система закрепощения крестьян в рамках «заповедных лет» оказалась недостаточно гибкой. Из года в год число «заповедных лет» неуклонно росло. Вместе с тем множилось количество споров из-за крестьян. Помещики годами ждали решения суда по своим делам. Клубок тяжб запутывался. Разлад внутри феодального сословия усиливался. Приказный аппарат оказался перегруженным. Чтобы разом покончить с нараставшими трудностями, власти принуждены были наконец аннулировать долгие «заповедные» годы и ограничить давность исков о крестьянах.

3 мая 1594 г. Андрей Щелкалов решил спор между двумя новгородскими помещиками Зиновьевым и Молевановым. Зиновьев пытался вернуть крестьян, которых Молеванов увез из его поместья в самый последний год жизни Грозного. Щелкалов вынес решение в пользу нового владельца. Препровождая это решение в Новгород, дьяк предписал местным судьям руководствоваться пятилетним сроком давности, «а старее пяти лет суда и управы в крестьянском вывозе и во владенье челобитчиком не давати и им отказывати» (*Археографический ежегодник за 1966 г., с. 318*). Одним росчерком пера главный дьяк аннулировал старые «заповедные лета» 80-х годов.

Многолетняя практика возвращения крестьян старым землевладельцам привела к тому, что временные и преходящие меры стали постепенно превращаться в постоянное узаконение. Сознание современников чутко уловило этот рубеж. В 1595 г. новгородские монахи смогли написать: «Ныне по государеву указу крестьяном и бобылем выходу нет». Чтобы верно интерпретировать источник, надо прежде всего уточнить понятия, употребленные в нем. В этой связи уместно будет напомнить, что для современников Годунова понятие «царский указ» не совпадало с понятием «закон». Любое частное решение власть выносила от имени царя посредством формулы «по государеву указу». Отсюда следует, что слова новгородских монахов об «указе» Федора не обязательно имели в виду развернутый законодательный акт против крестьянского выхода. Кстати, их слова очень мало напоминают точную цитату из текста закона.

То, что ученым не удалось отыскать закон об отмене Юрьева дня, нисколько не удивительно. Значительная часть архивов XVI в. исчезла бесследно. Необъяснимо другое. При вступлении на трон Лжедмитрий I (1605-1606) велел собрать законы своих предшественников и объединить их в Сводный судебник. Его приказ выполняли дьяки, возглавлявшие суды при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. В их руках были нетронутые архивы. Тем не менее они не смогли найти и включить в свод законов указ, аннулировавший Юрьев день. Эта странная неудача может иметь лишь одно объяснение: разыскиваемый указ, по-видимому, никогда не был издан.

Своими деяниями царь Иван Грозный снискал недобрую славу. Он обложил народ тяжелыми податями, каких Русь не знала прежде. Царские сборщики пускали крестьян по миру, выколачивая недоимки. В самые голодные годы Грозный не пожелал открыть перед бедствующим народом царские житницы, полные хлеба. Но своим Судебником Иван IV подтвердил Юрьев день, и на его время пришлось последние десятилетия крестьянской «воли».

Сыграть зловещую роль крепостника суждено было Борису Годунову. Авторы исторической справки 1607 г. утверждали, будто благочестивый Федор закрепостил крестьян «по наговору» Бориса. В действительности все произошло несколько иначе. Основы крепостнического режима были заложены приказным ведомством дьяка Андрея Щелкалова. Сместив фактического соправителя, Борис присвоил плоды его многолетних усилий. Через три года после отставки дьяка Годунов облек установления Щелкалова о пятилетнем сроке сыска крестьян в форму развернутого законодательного акта. Издание закона 1597 г. означало, что система мер по упорядочению финансов окончательно переродилась в систему прикрепления к земле. Таким был механизм закрепощения многомиллионного русского крестьянства.

Крепостной закон 1597 г. был издан от имени царя Федора. Но Федор доживал свои последние дни, и современники отлично знали, от кого исходил именной указ. Крепостнический курс доставил Борису широкую поддержку со стороны феодального дворянства.

Глава 9

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1598 Г

Царь Федор умер 6 января 1598 г. Древнюю корону - шапку Мономаха - надел на себя Борис Годунов, одержавший победу в борьбе за власть. Среди современников и потомков многие сочли его узурпатором. Но такой взгляд был основательно поколеблен благодаря работам В. О. Ключевского. Известный русский историк утверждал, что Борис был избран правильным Земским собором, т. е. включавшим представителей дворянства, духовенства и верхов посадского населения. Мнение Ключевского поддержал С. Ф. Платонов. Воцарение Годунова, писал он, не было следствием интриги, ибо Земским собор выбрал его вполне сознательно и лучше нас знал, за что выбирал.

Избирательная документация Годунова сохранилась. Авторы ее старательно описали историю восшествия Бориса на престол, но им не удалось избежать недомолвок и противоречий. Историки до сих пор не могут ответить на простой вопрос: «Сколько людей участвовало в соборном избрании Годунова?» Н. М. Карамзин насчитал 500 избирателей, С. М. Соловьев - 474, Н. И. Костомаров - 476, В. О. Ключевский - 512, а современная исследовательница С. П. Мордовина - более 600. Эти расхождения поистине удивительны, ибо все названные ученые опирались в своих расчетах на показания одних и тех же источников. Затруднения вызваны следующими моментами.

Сохранилось не одно, а два соборных постановления об утверждении Годунова в царском чине. Если верить датам, то оба документа были составлены практически в одно и то же время. Первая грамота помечена июлем 1598 г. Вторую грамоту писали в том же месяце и закончили 1 августа 1598 г. Однако по содержанию грамоты заметно различаются. Они дают неодинаковое освещение некоторых важных моментов избирательной кампании Бориса и неодинаково определяют состав его выборщиков. Кроме того, в каждой из них списочный состав собора не соответствует подписям.

Если имеются сходные постановления, подписанные разными лицами, то можно сделать вывод, что эти постановления выносились не в одно и то же время. Сказанное побуждает подвергнуть всесторонней критической проверке датировку утвержденных грамот.

Внимательное чтение июльского постановления позволяет расщепить его на две части. Основной текст имеет четкую концовку: члены собора приносят присягу на верность Годунову, а непослушным грозят проклятием. Затем следуют традиционная заключительная фраза: «А у сей утвержденной грамоты сидели...» и список членов избирательного собора.

Со временем грамоту дополнили обширной припиской. Приписка имела совершенно такую же концовку, как и основной текст. Ее составители повторили формулу верности Борису и проклятия по адресу ослушников. Они же датировали грамоту, пометив, что она «уложена и написана бысть лета 7106 июля в... день».

Можно предположить, что эта дата указывала на время составления приписки, а не основного текста. Авторы приписки обратили внимание на то, что в соборном списке основного текста пропущено имя одного из главных церковных иерархов Гермогена. Они сочли нужным пояснить, что Гермогеи «был в то время (!) в своей митрополии во граде в Казани для великих церковных погреб и земских дел» (*Древняя Российская Вивлиофика*, ч. VII. М., 1788, с. 111, 116, 118). Приведенные слова не оставляют сомнения в том, что основной текст грамоты возник значительно раньше приписки. Поздний комментатор заметил целый ряд пробелов в основном тексте и

объяснил их тем, что «писаны быша имена в сей утвержденной грамоте памятию... занеже в то время (!) степенных списков вскоре не сыскано».

К какому же времени относится основной текст приговора об избрании Бориса? В грамоте можно обнаружить самые точные данные на этот счет. Патриарх Иов, сказано в ней, 9 марта 1598 г. предложил собору составить грамоту об утверждении Бориса на царство: «да будет впредь неколебимо, как во утвержденной грамоте написано будет». 1 апреля Борис въехал в царский дворец, после чего «сию утвержденную грамоту, по мале времени написавши, принесоша к Иеву» (*Там же*, с. 94, 103). Значит, утвержденная грамота была составлена в марте - начале апреля 1598 г. В пользу этой даты говорит и то, что соборный приговор день за днем описывает избирательную кампанию с января до начала апреля, но полностью умалчивает о последующих событиях. Так обнаруживается первый подлог в избирательной документации Годунова. Вопреки точным указаниям начального текста, редакторы произвольно передвинули время ее составления с апреля на июль, выставив эту дату в приписке к тексту грамоты.

Второй приговор об избрании Бориса помечен 1 августа. В отличие от первого, он скреплен подписями не только церковников, но и всех светских чинов, участвовавших в выборах. В. О. Ключевский первым заметил несоответствие между списками и подписями избирателей Годунова и попытался объяснить расхождение тем, что списки были составлены при созыве собора в феврале-марте, а подписи собраны при закрытии собора в августе. Гипотеза В. О. Ключевского кажется, однако, неудачной.

Тщательная проверка списков и подписей избирателей позволяет установить иную дату составления грамоты. После коронации, в первых числах сентября, Борис пожаловал чинами многих знатных дворян, участвовавших в выборах. И в списках и в подписях избирателей (при всех их расхождениях) эти лица названы с теми чинами, которые они получили в сентябре-декабре 1598 г. Отсюда следует, что канцелярия составила списки собора не в феврале 1598 г., а почти год спустя.

Новая датировка объясняет, почему далеко расходятся между собой списки церковного собора в двух утвержденных грамотах. Не две-три недели, а год разделял две редакции грамоты, и в этот период сменились настоятели ряда монастырей. Возникла даже новая епископская кафедра в Кореле, и она впервые названа в поздней редакции «утвержденной грамоты».

Факты выявляют второй подлог в избирательных документах Годунова. Цели и мотивы этого подлога можно понять. Окружение нового царя ориентировалось на прецедент - избрание царя Федора. Земский собор «избрал» на трон слабоумного царского отпрыска ровно за месяц до его коронации. Годуновская канцелярия стремилась доказать, что и Борис короновался на царство через месяц после избрания на Земском соборе.

А теперь рассмотрим историю Земского собора 1598 г. по существу.

Царь Федор Иванович не оставил после себя завещания. Неясно, помешал ли ему правитель или по своему умственному убожеству он и сам не настаивал на необходимости «совершить» духовную. В ходе избирательной борьбы возникли различные версии насчет его последней воли. Носились слухи, будто Федор назвал в качестве преемника Романова, одного из своих братьев. Официальная версия, исходившая от Годуновых, была иной. Как значилось в утвержденной грамоте ранней редакции, Федор «учинил» после себя на троне жену Ирину, а Борису «приказал» царство и свою душу в придачу (*Там же*, с. 38). Окончательная редакция той же грамоты гласила, что царь оставил «на государствах» супругу, а патриарха Иова и Бориса Годунова назначил своими душеприказчиками (*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией, т. 2. СПб., 1832, с. 19*). Наиболее достоверные источники повествуют, что патриарх тщетно напоминал Федору о необходимости назвать имя преемника. Царь по обыкновению отмалчивался и ссылаясь на волю божью (*Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Соловецк., № 1184/1294, л. 4-4 об. Патриарх и царица Ирина тщетно пытались принудить умирающего Федора назначить своим преемником Годунова (см.: Зап. ОРГБЛ, вып. 32. М., 1971, с. 159; Буссов К. Московская хроника, 1584-1613. М.- Л., 1961, с. 80-81)*). Будущее жены его тревожило больше, чем будущее трона. По словам очевидцев, Федор наказал Ирине «принять иноческий образ» и закончить жизнь в монастыре (*ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, с. 49; Зап. ОРГБЛ, вып. 19. М., 1957, с. 174; Вопросы истории, 1971, № 5, с. 139*). Как видно, «благоуродивый» Федор действовал в полном соответствии с церковными предписаниями и стариной.

Каждый из родственников царя имел свою причину негодовать на его поведение. В итоге Федор умер в полном небрежении. Вскрытие гробницы показало, что покойника обрядили в скромный мирской кафтан, перепоясанный ремнем, и даже сосуд для миро ему положили не по-царски простой (*Тихомиров М. Н. Российское государство XV-XVII вв. М., 1973, с. 83*). «Освятованный» царь, проводивший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения. А между тем в роду Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времени Василия III и Ивана IV. Но с Федором начали обращаться как с брошенной куклой еще до того, как он испустил дух.

Борис отказался исполнить волю царя относительно пострижения вдовы-царицы и пытался закрепить за ней трон. Тотчас после кончины мужа Ирина издала закон о всеобщей и полной амнистии, повелев без промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, татей (воров), разбойников и прочих сидельцев.

Преданный Борису Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. Обнародованный в церквях пространный текст присяги вызвал общее недоумение. Подданных заставляли принести клятву на верность патриарху Иову и православной вере, царице Ирине, правителю Борису и его детям. Под видом присяги церкви и царице правитель фактически потребовал присяги себе и своему наследнику. Он явно не рассчитал своих сил. По словам очевидцев, в столице «важнейшие не захотели признать Годунова великим князем», в провинции также не

все целовали крест «новому великому князю» (!), а народ выражал недовольство «шайкой Годуновых» (*Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 1893, кн. 1, с. 298-299).

При жизни Федора Ирину Годунову охотно именовали «великой государыней». Но такое звание не равнозначно было реальному царскому титулу. До Лжедмитрия и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в торжественной церемонии. Ирина наблюдала за венчанием Федора из окошка светлицы. Не будучи коронованной особой, связанной с подданными присягой, Годунова не могла ни сама обладать царской властью, ни передать ее своему брату.

Испокон веку в православных церквях пели «многие лета» царям и митрополитам. Патриарх Иов не постеснялся нарушить традицию и ввел богослужение в честь вдовы Федора. Летописцы сочли такое новшество неслыханным. «А первое богомолие [было] за нее, государыню, - записал один из них, - а преж того ни за которых цариц и великих кнейнь бога не молили ни в охтенях, ни в многолетье» (*Материалы по истории СССР (XV-XVII вв.)*, вып. 2, с. 108). Иов старался утвердить взгляд на Ирину как на законную носительницу самодержавной власти. Но ревнители благочестия, и среди них дьяк Иван Тимофеев, заклемили его старания, как «бесстыдство» и «нападение на святую церковь» (*Временник Ивана Тимофеева*, с. 24).

Имеются сведения о том, что в обстановке междуцарствия руководство Боярской думы и столичные чины взяли на себя инициативу созыва избирательного Земского собора. После кончины Федора, записал московский летописец, «града Москвы бояре и все воинство и всего царства Московского всякие люди от всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на избрание царское» (*ПСРЛ*, т. XIV, с. 50). Показания современников подтверждают достоверность этого известия. Некий немецкий агент сообщал, что уже в конце января именитые бояре и духовные чины Пскова, Новгорода и других городов получили приказ немедленно ехать в столицу для избрания царя. Но этот приказ не был выполнен из-за противодействия правителя.

На воеводских должностях в провинции сидели многие известные недоброжелатели Бориса, и он не желал допустить их к участию в соборе. По словам псковского очевидца, Годунов приказал перекрыть дороги в столицу и задержать всех лиц, ранее получивших приглашение прибыть в Москву (*Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 1893, кн. 1, с. 298-299).

Годунов имел основания для тревоги и беспокойства. События развивались совсем не так, как ему хотелось. Иностранные наблюдатели твердили в один голос, что в России «из-за нового царствования возникли великая смута» и «великое замешательство».

Самостоятельное правление царицы Ирины не ладилось с первых дней. Через неделю после кончины мужа она объявила о решении уйти в монастырь. В день ее отречения в Кремле собралось множество народа. Официальные источники впоследствии изобразили дело так, будто толпа, переполненная верноподданныческими чувствами, слезно просила вдову остаться на царстве. На самом деле настроения народа внушали власть имущим крайнюю тревогу. Голландский наблюдатель Исаак Масса подчеркивал, что отречение Годуновой носило вынужденный характер. «Простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился около Кремля, шумел и вызывал царицу». «Дабы избежать великого несчастья и возмущения», Ирина вышла на Красное крыльцо и объявила о намерении постричься (*Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, с. 47*).

Годунова отказалась от власти в пользу Боярской думы. «У вас есть князья и бояре, - заявила она народу, - пусть они начальствуют и правят вами» (*Донесение М. Шиль о поездке в Москву (1598 г.)*. М., 1875, с. 12). Слова царицы отвечали политическим видам бояр, и она произнесла их, вероятно, по настоянию именно бояр.

Вскоре вдова Федора «простым обычаем», без церемоний, уехала в Новодевичий монастырь и приняла там «тихое и безмолвное иноческое житие». Так гласила официальная легенда. В жизни было иначе.

После пострижения старица Александра Федоровна не только не простилась с мирской жизнью, но пыталась править страной из монастыря: подписывала именные указы, рассылала их по городам. За спиной царицы-иноки стоял ее брат Борис Годунов.

Правителю не удалось предотвратить пострижение Ирины. Но он не собирался сдавать позиции. В тот памятный день, когда народ вызвал на площадь царицу, Годунов вышел на Красное крыльцо вместе с ней и постарался убедить всех, что в Московском государстве все останется как было. Взяв слово после сестры, Борис заявил, что берет на себя управление государством, а князья и бояре будут ему помощниками. Так передал речь Годунова австрийский гонец Михаил Шиль. Достоверность известия засвидетельствована апрельской грамотой. Как следует из ее текста, Борис утверждал, что «с бояры радети и промышляти рад не токмо по-прежнему, но и свыше перваго». Совсем иначе передали речь Бориса составители окончательной редакции грамоты. Годунов будто бы сказал, что удаляется от дел, а править государством будет патриарх.

Правительственная канцелярия пыталась скрыть от посторонних глаз необъяснимое противоречие в поведении Годунова. Сначала он вознамерился править страной и постарался обязать всех присягой, а затем устранился от дел. Почему? По доброй воле, как утверждал поздний редактор, или под давлением обстоятельств?

При жизни Федора Годунов умел добиться повиновения от высшей знати. После смерти царя бояре перестали скрывать свою вражду к временщику. Аристократия и слышать не желала о передаче ему короны. Ее упрямство подкреплялось вековыми традициями. В феодальные головы плохо укладывалась мысль об избрании в цари не слишком знатного дворянина. Никто не сомневался в том, что на троне может сидеть лишь тот, кто происходит от «царского корени». Ближайшими родственниками Московского дома были князья-рюриковичи, среди которых первенствовали «принцы крови» Шуйские. Калита вел род от Александра Невского, Шуйские - от его старшего брата. Знать помнила это даже при Грозном. По некоторым известиям, князья Шуйские надеялись завладеть опустевшим тронном и настойчиво интриговали против Бориса. После смерти Федора, утверждал «Новый летописец», патриарх и власти, «со всей землею советовав», решили посадить на царство Бориса, «князи же

Шуйские едины ево не хотяху на царство» (*ПСРЛ, т. XIV, с. 50*). «Новый летописец» возник в окружении Филарета Романова, и, по меткому замечанию С. Ф. Платонова, имя Шуйского было вставлено в эту летопись лишь для отвода глаз. В действительности главными противниками Годунова выступали не Шуйские, а Романовы. Княжеская знать принуждена была склонить голову под тяжестью опричного террора. Гонения Годунова довершили дело. Шуйские не осмелились выступить с открытыми притязаниями на корону и предпочли выждать.

С января 1598 г. в Литву стали поступать сведения о том, что в Москве определились четыре самых вероятных претендента на трон. Первые места среди них отводились Федору и Александру Никитичам Романовым. Их шансы казались исключительно большими. В феврале за рубежом разнеслась весть, что бояре избрали старшего Романова, а Годунова убили. Литовская секретная служба вскоре же убедилась в неосновательности этих слухов, но литовские «шпики» продолжали твердить, что бояре и воеводы согласны выбрать Романова за родство с прежним царем.

Последние места среди претендентов достались Мстиславскому и Борису Годунову. В жилах Мстиславского текла королевская кровь, он был праправнуком Ивана III и занимал пост главы Боярской думы. Но среди коренной русской знати литовские выходцы Мстиславские не пользовались авторитетом.

Литовцы совсем не высоко оценивали шансы Бориса. Он не имел никаких формальных прав на трон, так как не состоял в кровном родстве с царской фамилией. Передавали, что Федор перед смертью выразил отрицательное отношение к кандидатуре Бориса из-за его незнатного происхождения. На стороне Бориса, по сведениям лазутчиков, выступали меньшие бояре, стрельцы и почти вся «чернь» (*Русский архив, 1910, № 11, с. 341, 344*). Но ни стрельцы, ни народ, по феодальным меркам, не могли иметь решающего голоса в таком деле, как избрание царя.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. В феврале за рубеж поступила информация о том, что московские бояре «никак не могут помириться, между ними великое разногласие и озлобление». Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с резкими нападками на правителя. Из-за их вражды Годунов перестал ездить в Боярскую думу и укрылся на своем подворье. На первых порах он не отказался от попыток вершить дела, не выходя из стен дома. Свояк, боярин Шуйский, пытался помочь ему. По данным литовской разведки, Шуйский убеждал бояр ничего не предпринимать без ведома правителя (*Там же.*) Но его посредничество не привело к успеху. Раздор в думе достиг такой остроты, что Борису пришлось покинуть свое кремлевское подворье и выехать за город. Он укрылся в хорошо укрепленном Новодевичьем монастыре.

Покидая Кремль, Годунов оставил там в качестве доверенного лица Иова. Хлопоты патриарха в пользу правителя имели важное значение, но они не могли предопределить исход выборов. Ставленник Бориса не обладал ни сильным характером, ни достаточным авторитетом. Бесцеремонное вмешательство в политическую борьбу навлекло на патриарха негодование знати. Впоследствии Иов не мог без горечи говорить о времени, предшествовавшем избранию Годунова. В те дни, вспоминал патриарх, он впал «во многие скорби и печали» и на него «нападе озлобление и клеветы, укоризны, рыдания и слезы, сия убо вся меня смиренного достигоша» (*Собрание государственных грамот и договоров, ч. II, с. 181*). Если Иов и допускал преувеличение, то не слишком большое.

Великородные бояре отвергали претензии патриарха на руководство делами. У них были свои виды на престолонаследие. Противоборствующие стороны всеми силами старались заручиться поддержкой столичного населения (*Буссов К. Указ. соч., с. 82; Русская историческая библиотека, т. XIII, с. 12*). Москва стала ареной яростной агитации против Бориса. Из уст в уста передавали слухи, будто правитель сам отравил благочестивого царя Федора, чтобы завладеть короной. Об этом страшном преступлении толковали и в первые недели междуцарствия, и много лет спустя. Невозможно было придумать обвинение более тяжкое, чем цареубийство. Невозможно было найти лучшее средство, чтобы поднять против Годунова посадские низы. Накопившееся в народе недовольство постоянно искало выхода, настроение толпы менялось мгновенно.

Свидетель и участник тогдашних событий Иван Тимофеев с полной определенностью указал на то, что именно страх изгнал правителя из столицы. Борис, по его словам, опасался в сердце своем, не поднимется ли против него вдруг восстание народа и не поспешит ли народ отомстить за смерть царя, подняв руку на его убийцу (*Временник Ивана Тимофеева, с. 218*).

Факты обнажают несостоятельность официальных заверений, будто Борис выехал за город по своей доброй воле. На самом деле бегство из Кремля свидетельствовало о его поражении на первом этапе избирательной борьбы. Поражение могло привести к отставке Годунова с поста правителя.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва тотчас же приступила к выборам нового царя. Патриарх созвал на своем подворье совещание, принявшее решение об избрании на трон Бориса. Обе редакции утвержденной грамоты подчеркивают, что в совещании участвовали духовенство, бояре, дворяне, дети боярские, приказные люди и всех чинов люди из Москвы и всей Русской земли. Но и в том и в другом варианте рассказа можно заметить следы редакционной работы. В апрельской грамоте сказано, что у патриаршего двора собралось множество людей - «всяк возраст бесчисленных родов Российского государства». Редактор 1599 г. счел неуместным указание на «всяк возраст» и вычеркнул его, заменив росписью соборных чинов. Среди них он впервые упомянул столичных купцов-гостей, а кроме того, впервые внес в текст самый термин «собор».

Согласно ранней редакции, Иов предложил кандидатуру Бориса от имени немногих духовных лиц, которые были при преставлении царя Федора в Москве. Этот рассказ не удовлетворил позднего редактора, и в новом изложении процедура выдвижения кандидатуры Бориса была упрощена. Патриарх будто бы выступил от имени сразу всех духовных и светских чинов: бояр, дворян, приказных, гостей и всех «хрестьян» (*Древняя Российская*

Визлиофика, ч. VII, с. 52; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Археографической экспедицией, т. 2, с. 24).

Нет возможности составить более точное представление о реальном составе раннего Земского собора. Без всякого сомнения, на нем присутствовали бояре Годуновы, их родня Сабуровы и Вельяминовы, а также некоторые младшие чины думы, предположительно боярин князь Хворостинин, окольничий князь Гагин, думные дворяне князь Буйносов и Татищев. Никто из противников правителя на собор, естественно, не попал.

Как следует из утвержденной грамоты, «некие бояре», участвовавшие в соборе, выступили с письменным свидетельством в пользу Бориса. Эта подробность подтверждается показанием дьяка Ивана Тимофеева, непосредственного участника избрания Бориса. Тимофеев не принадлежал к числу безусловных приверженцев правителя, и его мемуары можно использовать для проверки официозных источников. Как писал осведомленный дьяк, самые красноречивые почитатели Годунова не поленились встать на солнечном восходе и пришли к патриарху с писаной «хартией» (*Осведомленный дьяк описал совещание у патриарха следующим образом: «...На утрое, токмо еще начинаючи днєви, солнцу же своя простирати лучи на вселенную, собравшася необленно вкупе сильнословесныя рачители его (Бориса.-Р.С.) вся... и хартію писаньми тцанно соплетіе... ускориша они самого архиерея (Иова.- Р.С.) во двор и подьяша» и пр. (Временник Ивана Тимофеева, с. 52-53)).* Замечательно, что сторонники Бориса столь высоко оценивали значение «хартии», что включили ее, по-видимому, без всяких изменений в апрельскую утвержденную грамоту.

Созданный в разгар избирательной борьбы, этот документ может служить ярчайшим образцом предвыборной литературы. В нем биография кандидата расписана самыми яркими красками, не упущена ни одна деталь, которая могла бы подкрепить его претензии на трон. Авторы «свидетельства» подчеркивали, что Борис с детства был «питаем» от царского стола, что царь Иван посетил его больного на дому и на пальцах показал, что Федор, Ирина и Борис равны для него, как три перста, что Грозный «приказал» Годунову сына Федора и все царство, что такое же благословение Борис получил и от Федора.

Некоторые детали повествования выдают авторов приговора. Упомянув о посещении годуновского двора Грозным, составители документа добавляют: «А с ним (царем.- Р.С.) мы, холопи его, были». Визит носил неофициальный характер, и Ивана сопровождали лишь самые близкие ему люди. Большинство из этих людей к 1598 г. либо сошли со сцены, либо оказались в числе противников Бориса. Исключением был Дмитрий Годунов - старый постельничий царя Ивана. Видимо, он и стал одним из главных инициаторов выступления в пользу Бориса. Дядя не скупился на ложь, чтобы обосновать претензии племянника на трон. Большинство его аргументов производили анекдотическое впечатление. Но все это нисколько не смущало Иова и его окружение.

Патриарх благосклонно выслушал «боярскую премудрую речь» и вместе с другими участниками собора «приговорил» на другой день собраться в Успенском соборе, а затем организовать шествие в Новодевичий монастырь. Участники Земского собора приняли «крепкое уложение», определившее порядок шествия. В соответствии с разработанным сценарием дворянам следовало стать у кельи царицы Ирины, «всенародному множеству» - «на монастыре - за монастырем» в поле и «всем единогласно с великим воплем и неутешным плачем» просить Бориса на царство.

Официальные документы нарисовали идиллическую картину единодушного избрания Годунова. Жизнь же была весьма далека от идиллии. Описав то, что произошло на патриаршем дворе, составители утвержденной грамоты промолчали о более важных событиях, развернувшихся в Кремлевском дворце - резиденции Боярской думы. Показания Михаила Шиль позволяют восполнить этот пробел в официозных источниках.

Едва истекло время траура, повествует Шиль, как бояре собрались во дворце и после длительных прений обратились к народу с особым воззванием: они дважды выходили на Красное крыльцо и увещевали народ принести присягу думе. Лучший оратор думы канцлер Василий Щелкалов настойчиво убеждал толпу в том, что присяга постриженной царице утратила силу и теперь единственный выход - целовать крест боярам (*Донесение М. Шиль о поездке в Москву (1598 г.), с. 12-13*).

Достоверность австрийской информации подтверждается письмом неизвестного лица из Польши, датированным июлем 1598 г. Ссылаясь на донесение польского гонца из Москвы, автор письма сообщал, что «супруга покойного великого князя (в Москве.- Р.С.) поставила на управление княжеством своего брата Бориса до тех пор, пока не будет поставлен настоящий князь. Канцлер, напротив того, перед сословиями провозгласил, что Борис еще не утвержден в качестве великого князя, и знатные москвиты ему противятся и даже некоторые утверждают, что Бориса следует убить» (*Elementa ad fontium editiones, t. IV. Romae, 1961, p. 217*).

Самая большая трудность для думы состояла в том, что «великие» бояре, решительно отказавшиеся признать права Бориса на трон, никак не могли преодолеть собственные разногласия. Братья Романовы унаследовали от отца популярность имени. Но они не обладали достаточной изворотливостью и опытом, чтобы сплотить всех противников правителя. По знатности Романовы далеко превосходили Годуновых. Но и они были в родстве с царской семьей лишь по женской линии. «Принцы крови» и «великие» бояре не желали уступать им своих прав на трон.

Решение Боярской думы свидетельствовало о том, что ни Романовы, ни Мстиславские не собрали в думе большинства голосов. Отклонение популярных кандидатов и разногласия обессилили думу.

В ходе избирательной борьбы наступил критический момент. Решение Земского собора в пользу Бориса Годунова не могло считаться законным, поскольку высший государственный орган - Боярская дума - решительно отклонил его кандидатуру. Но и предложение думы присягнуть боярам и учредить в стране боярское правление также не прошло. Раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь. Противоборствующие партии пускали в ход всевозможные средства - от агитации до подкупа.

Земский собор оказался более расторопным. 20 февраля ему удалось организовать шествие в Новодевичий монастырь. Борис благосклонно выслушал речи соборных чинов, но на все их «моления» отвечал отказом. Выйдя к толпе, правитель со слезами на глазах клялся, что и не мыслил посягнуть на «превысочайший царский чин». Мотивы отказа Годунова от короны нетрудно понять. Как видно, его смущала малочисленность толпы. А кроме того, он хотел покончить с клеветой насчет цареубийства. Чтобы вернее достичь этой цели, Борис распустил слух о своем скором пострижении в монахи. Под влиянием умелой агитации настроение в столице стало меняться.

Патриарх и члены собора постарались использовать наметившийся успех и с удвоенной энергией взялись за подготовку новой манифестации. Церковь пустила в ход весь свой авторитет. По распоряжению патриарха столичные церкви открыли двери перед прихожанами с вечера 20 февраля до утра следующего дня. Расчет оказался правильным. Ночное богослужение привлекло множество народа. Наутро духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы и со всей «святостью» двинулось крестным ходом в Новодевичий. Таким способом руководителям Земского собора удалось увлечь за собой внушительную толпу.

От имени народа переговоры с царицей Ириной и ее братом вели высшие чины собора. Убедя Бориса принять корону, церковники пригрозили, что затворят церкви и положат свои посохи, если их ходатайство будет отклонено. За ними выступили бояре, сказавшие: «А мы называться боярами не станем» (не будут управлять государством, если Борис не примет корону). Последними, как и полагалось по чину, высказались дворяне.

Выступление дворянства, бесспорно, должно было оказать заметное влияние на исход избирательной борьбы в Москве. Многие признаки указывали на то, что дворяне занимали позицию, благоприятную для Бориса. Литовские разведчики уже в начале февраля дознались, что в Москве меньшие бояре стоят за Годунова. Согласно свидетельству летописей, в толпе на Новодевичьем поле находилось много служилых людей, выступивших с особым мнением. Они заявили, что в случае отказа Бориса от короны перестанут служить и биться с неприятелями, «и в земле будет кроваполитие» (*Зап. ОРГБЛ, вып. 32, с. 160*).

После смерти Бориса его противники выступили с утверждениями, будто годуновская администрация согнала толпу на Новодевичье поле под угрозой штрафов, специально назначенные приставы следили за тем, чтобы народ исправно и с великим усердием вопил и слезы точил, а уклонявшихся били по шее. Все эти меры, по словам позднего летописца, имели единственной целью поколебать праведную старицу Александру, будто бы отказывавшую брату в благословении (*Русская историческая библиотека, т. XIII, с. 14-15. О насилиях над толпой ничего не говорят такие осведомленные современники, как троцкий келарь Авраамий Палицын и автор «Нового летописца» (см.: Сказание Авраамия Палицына, с. 103; ПСРЛ, т. XIV, с. 50)*). Последнее замечание обнаруживает малую осведомленность и полное пренебрежение к истине автора злостного памфлета на Бориса.

Непосредственный очевидец событий дьяк Иван Тимофеев, отнюдь не принадлежавший к числу его почитателей, ни словом не упомянул о штрафах и приставах. Зато он видел, как Борис, выйдя на паперть, обернул шею тканым платком и показал, что скорее удавится, чем согласится принять корону. Этот жест, замечает дьяк, произвел большое впечатление на толпу. Тимофеев запомнил на всю жизнь оглушительные крики народа, приветствовавшего правителя. Дьяк отметил, что более всех старались «средние люди и все меньшие», кричавшие «нелепо, с воплем многим... не в чин», отчего лица их багровели, а утробы «расседались» (*Временник Ивана Тимофеева, с. 53*). Борис смог наконец пожать плоды многодневных усилий. Общий клич создал видимость всенародного избрания, и Годунов, расчетливо выждав минуту, великодушно объявил толпе о своем согласии принять корону. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство.

Манифестация 21 февраля сыграла важную роль в ходе избирательной борьбы. Опасность введения в стране боярского правления уменьшилась, тогда как позиции приверженцев Годунова окрепли. Чтобы сломить сопротивление знати, правитель должен был искать непосредственную поддержку у столичного посадского населения. Но вся структура тогдашней государственной власти была такова, что народное избрание Бориса на трон не могло иметь силу без санкции со стороны высшего органа государства - Боярской думы.

После избрания ничто не мешало правителю вернуться в столицу и надеть на себя корону. Но он медлил и в течение пяти дней продолжал жить в келье Новодевичьего монастыря. Причину его странной бездеятельности нетрудно угадать. Он ждал санкции Боярской думы. Но таковой, судя по всему, не последовало.

Только 26 февраля правитель покинул свое убежище и возвратился в Москву. Его сторонники не пожалели средств и сил на то, чтобы подготовить столицу к торжественному приему нового царя. Народ встречал Бориса на поле, за стенами города. Те, кто был победнее, несли хлеб и соль, бояре и купцы - золоченые кубки, соболя и другие дорогие подарки, подходящие «царскому величеству». Правитель отказался принять дары, кроме хлеба с солью, и милостиво позвал всех к царскому столу.

В Кремле патриарх проводил Годунова в Успенский собор и там благословил на царство во второй раз. Присутствовавшие «здравствовали» правителя на «скифетро-царствия превзятии» (*Древняя Российская Вивлиофика, ч. VII, с. 8*). По замыслу руководства Земского собора, богослужение в Успенском соборе, традиционном месте коронации государей, должно было окончательно утвердить Бориса на троне. Но к концу дня всем стало ясно, что торжественная церемония не достигла цели. Пробыв некоторое время в Кремле, Годунов долго совещался с патриархом с глазу на глаз, после чего объявил о намерении предаться посту и вернулся в Новодевичий под тем предлогом, что его сестра «бысть в велицей болезни».

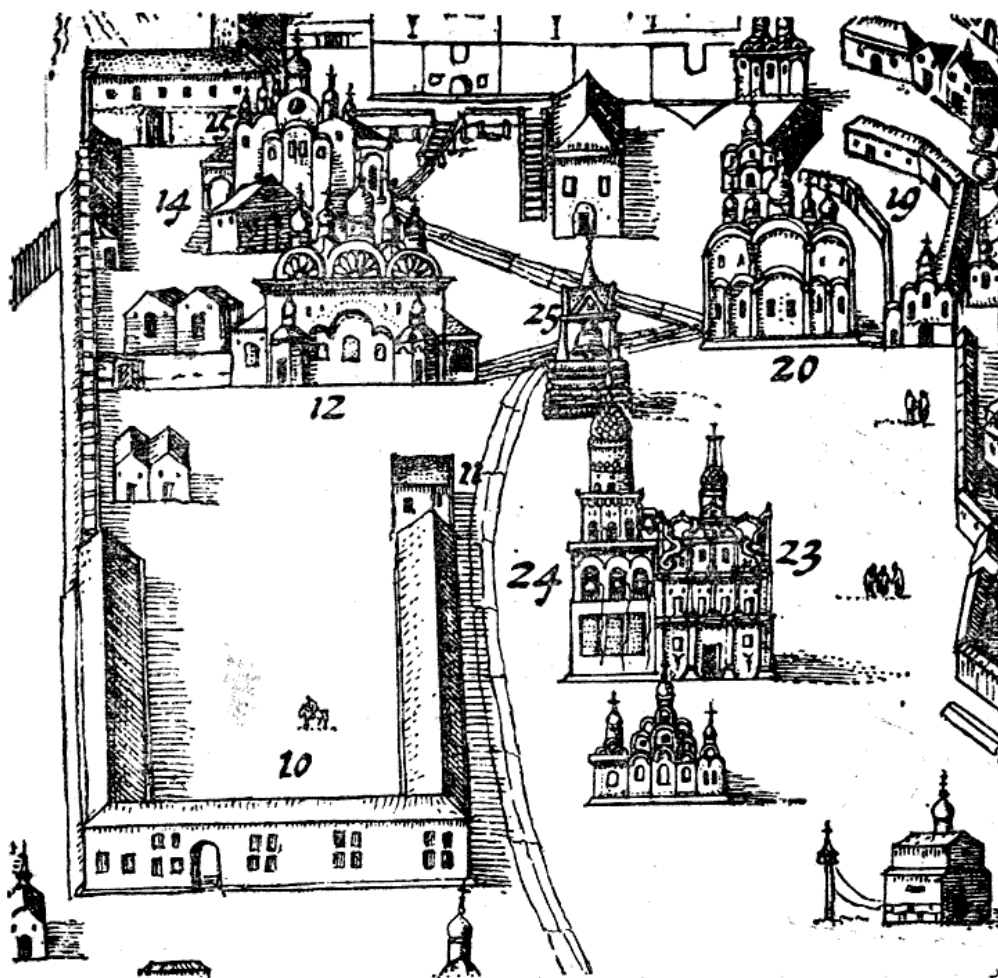
Годунов не мог принять венец без присяги в Боярской думе. Однако старшие бояре не спешили с выражением верноподданнических чувств, что и вынудило правителя вторично удалиться из столицы «за город», в Новодевичий монастырь.

Неудача не смутила Годуновых. Ряды их сторонников росли день ото дня. В начале марта 1598 г. патриарх вновь вызвал к себе соборные чины. Апрельская грамота сообщала, что на мартовском совещании Иов обратился с речью к «боляром и дворяном и приказным людям», затем «ко всему сигклиту, боляром и окольничим и князем и воеводам и дворяном и выборным лучшим детем боярским». Поздний редактор дополнил текст указанием на то, что патриарх держал речь ко «всем боляром и дворяном и приказным и служивым людям и гостем». Итак, редактор 1599 г. включил в число участников мартовского совещания представителей третьего сословия - московских гостей. Эта интерполяция служит примером тенденциозности редакторов, стремившихся обосновать тезис об избрании Годунова представительным собором.

Чтобы короновать Бориса, надо было предварительно провести общую присягу. Неудивительно, что деятельность мартовского собора сосредоточилась в значительной мере на вопросе о способе ее проведения. В своей речи патриарх просил присутствующих служить Борису верой и правдой, «как они крест целовали» и «как в целовальных записях написано». Из слов Иова можно было заключить, что собор имел в своем распоряжении текст новой присяги.

По-видимому, названный документ сохранился до наших дней. Археографическая экспедиция снабдила его при публикации таким заголовком: «Соборное определение об избрании Бориса». Подлинный смысл «определения» заключен был в следующих строках: «И на том им, государем своим (семье Годунова.- Р.С), души свои даем, все крест целуем от мала до велика» (*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией, т. 2, с. 15*). Мартовская присяга повторяла ряд пунктов боярского «свидетельства», представленного Земскому собору 17 февраля. Главный из них заключался в утверждении, будто Годунова благословили на царство сначала Грозный, а затем Федор.

После совещания провинциальные епископы получили от патриарха повеление созвать в главных соборах мирян и духовенство, прочесть им грамоту об избрании Годунова, а затем петь многолетие вдове-царице и ее брату в течение трех дней под колокольный звон. Позже в провинцию выехали эмиссары правителя: в Новгород Великий - думный дворянин князь Петр Буйносов, в Псков - окольничий князь Иван Гагин, в Смоленск - окольничий Семен Сабуров. Особое беспокойство у Годунова вызывал Казанский край, где засели его давние недоброжелатели воевода Иван Воротынский и митрополит Гермоген. Чтобы преодолеть их сопротивление, Борис послал в Казань боярина князя Федора Хворостинина, который должен был «привести к кресту» тамошних дворян и население.

Кремль. Деталь плана начала XVII в.

Все эмиссары Бориса занимали среди думных людей последние места. К тому же они не имели полномочий от Боярской думы. Но посланцы Годунова явились в провинцию не с пустыми руками. Раздача денежного жалования дворянам стала немаловажным аргументом в избирательной борьбе.

Нет оснований сомневаться в самом факте присяги, проведенной весной 1598 г. Иной вопрос, удалось ли Годуновым придать ей всеобщий характер. На местах правительственная акция, по-видимому, не встретила больших препятствий. Провинция не привыкла противиться предписаниям центра. Но ее влияние на дело царского избрания было не слишком велико. Судьбу короны решала не провинция, а «царствующий град» Москва.

В течение марта правитель оставался в Новодевичьем монастыре и лишь изредка показывался в столице. Во время своих наездов он «с бояры своими о всяких земских делах и о ратных делах советоваше со всяцем великим прилежанием» (*Древняя Российская Вивлиофика*, ч. VII, с. 95). 19 марта Борис впервые созвал Боярскую думу для решения накопившихся местнических тяжб, не терпевших отлагательств (*Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Эрмитажн.*, д. 390, л. 873; *Государственная Публичная библиотека им. В. И. Ленина, собр. Горек.*, № 16, л. 479). Таким образом, Годунов приступил к исполнению функций самодержца. Но он не спешил расстаться с загородной резиденцией и долго откладывал переезд в государевы покои, опасаясь спровоцировать оппозицию на открытое выступление.

Чтобы облегчить Борису возвращение в Кремль, его приверженцы организовали третье по счету шествие в Новодевичий монастырь. Вместе с верными боярами Иов настойчиво просил Бориса не мешкая переехать в «царствующий град» и сесть «на своем государстве». В знак полной покорности просители стали перед правителем на колени и «лица на землю положиша». В ответ Годунов неожиданно объявил, что отказывается от трона («царские власти паки отрицаешся со слезами и на престоле не хотяше сидети»). «Отречение» Бориса невозможно объяснить, если допустить, что присяга ему Боярской думы имела благополучный исход. При редактировании утвержденной грамоты в 1599 г. царская канцелярия старательно вычеркнула из ее текста эпизод отречения.

Отказ Бориса побудил патриарха вновь обратиться к царице-иноке за указом. Старица Александра без промедления «повелела» брату ехать в Кремль и короноваться. Свой указ бывшая царица облекла в самые недвусмысленные выражения. «Приспе время обещиси тебе в порфиру царскую», - сказала она Борису. Новый ход годуновская партия хорошо рассчитала. Поскольку патриарх не мог короновать претендента без боярского приговора, а руководители думы продолжали упорствовать, необходимый боярский приговор был заменен указом постриженной царицы.

1 апреля Годунов во второй раз торжественно въехал в столицу. Церемония повторилась во всех подробностях. За Неглинной Бориса ждали духовенство и народ. Он выслушал службу в Успенском соборе, затем прошел в царские палаты и там, повествует официоз, «сяде на царском своем престоле». Некоторое время спустя патриарх велел прочитать перед священным собором утвержденную грамоту об избрании Бориса, доказывавшую, что правитель сел на трон благодаря законному избранию и благословению патриарха.

Грамота подробно описывала первоапрельскую церемонию в Успенском соборе, и в особенности тот момент, когда патриарх возложил на Бориса крест Петра-чудотворца, «еже есть начало царского государева венчания и скифетродержания». Очевидно, авторы документа пытались изобразить «поставление» Годунова в цари как свершившийся факт.

Избирательная грамота в ранней редакции заканчивалась указанием на то, что патриарх и другие духовные лица скрепили документ своими руками и печатями, «а бояре и окольничие и дворяне и диаки думные руки ж свои приложили...» (*Древняя Российская Вивлиофика*, ч. VII, с. 107-108). Приведенные строки заключают в себе одну из наибольших загадок избирательной кампании Бориса. Почему руководители Земского собора намеревались скрепить соборные постановления подписями одних лишь думных чинов - от бояр до думных дьяков? Почему они не хотели привлечь для подписания документа всех прочих участников собора: дворян, приказных людей и гостей? Оформленная таким образом утвержденная грамота походила бы не на постановление Земского собора, а на заурядный приговор Боярской думы и духовенства.

Проект подписания утвержденной грамоты в Боярской думе рухнул на самой ранней стадии. Патриаршая канцелярия не смогла составить даже перечень думных чинов, которым надлежало скрепить грамоту «рукоприкладством». В списках апрельской грамоты и среди подписавшихся фигурировали одни духовные лица (*Имеются косвенные указания на то, что в стенах патриаршей канцелярии обсуждалась возможность проведения коронационных торжеств без участия начальных бояр. Собрание Соловецкого монастыря сохранило целый комплекс документов, составленных патриаршим домом в то время. Среди них находился Зерновой вариант «Чина венчания Бориса на царство», в котором бояре вовсе не упоминаются в качестве участников церемонии, а их функции исполняют патриарх и епископы* (*Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Соловецк.*, № 1184/1294, л. 1-9)).

Переезд Годунова в царские апартаменты и попытки навязать думе утвержденную грамоту гальванизировали оппозицию. Ведущие бояре наконец осознали, что дальнейшее промедление отнимет у них последние шансы на учреждение в стране боярского правления. Длительное время думу парализовали внутренние разногласия. Щелкалову лишь ненадолго удалось преодолеть их. Когда канцлер вынужден был уйти в тень, его место заступил Богдан Бельский.

Знаменитый временщик Грозного обладал огромным опытом по части политических интриг и располагал исключительными финансовыми возможностями. Он вызвал в Москву множество вооруженных людей из всех вотчин и надеялся решающим образом повлиять на исход выборов. Последний законный душеприказчик царя Ивана считал, что его час пробил. И он в самом деле добился некоторого успеха. Известия об этом проникли в Литву.

Литовские разведчики донесли, что в апреле «некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бельский во главе их и Федор Никитич со своим братом и немало других, однако не все, стали советоваться между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона» (*Русский архив*, 1910, № II, с. 345). Как видно, Бельскому удалось примирить претендентов на трон и уговорить их действовать сообща. Романовы временно отказались от трона в пользу Симеона, потому что их претензии не поддержала знать. Мстиславский высказался за Симеона, потому что тот доводился ему шурином.

Крещеный татарский хан Симеон по прихоти Грозного занимал некогда московский трон, а затем стал великим князем Тверским. Годунов свел служилого «царя» с тверского княжения, и он жил в деревенской глуши в полном забвении. «Царская» кровь и благословение царя Ивана IV давали Симеону большие преимущества перед худородным Борисом. Симеон понадобился боярам, чтобы воспрепятствовать коронации Годунова. Знать рассчитывала сделать его послушной игрушкой в своих руках. Ее цель по-прежнему сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз посредством подставного лица. Объединение антигодуновской оппозиции грозило начисто разрушить все старания правителя.

Борис не осмелился применить санкции против Боярской думы, но постарался помешать ее деятельности под предлогом угрозы татарского вторжения. Москва располагала превосходной разведывательной сетью в Крыму и не могла не знать того, что хан готовит поход в Венгрию. Тем не менее военное ведомство с начала марта стало усиленно распространять сведения о близком вражеском нашествии. 1 апреля Разрядный приказ объявил, что крымская орда «часа того» движется на Русь. Нетрудно догадаться, кому понадобился ложный слух. 1 апреля Годунов готовился занять царский дворец. Опасаясь протеста со стороны боярской оппозиции, он старался привлечь общее внимание к вопросу о внешней опасности. В обстановке военной тревоги ему нетрудно было разыграть роль спасителя отечества и добиться послушания от бояр.

Попытки Бориса отрядить главных бояр на татарскую границу долго не удавались. После 20 апреля Годунов объявил, что лично возглавит поход на татар. К началу мая полки были собраны, а бояре поставлены перед выбором. Им предстояло либо занять высшие командные посты в армии, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. В такой ситуации руководство Боярской думы предпочло на время подчиниться. Борис добился своей цели и мог торжествовать.

Отдав приказ о сборе под Москвой всего дворянского ополчения, Годунов в начале мая выехал к полкам на Оку. Прибыв в ставку, он удостоил воинство выдающейся чести - велел «спросить о здоровье» дворян, стрельцов, казаков, всяких ратных людей.

Правителю не пришлось отражать неприятельское нашествие, тем не менее он пробыл на Оке два месяца. При нем находились вызванные из Москвы архитекторы и строители. Они воздвигли на берегу Оки целый город из белоснежных шатров с невиданными башнями и воротами. В этом городе Борис устроил поистине царский пир по случаю благополучного окончания своего предприятия.

В Серпухове Годунов добился больших дипломатических успехов, Крымские послы, явившиеся с предложением о мире, признали за ним царский титул. Английская королева официально поздравила его с восшествием на престол.

Серпуховский поход стал решающим этапом избирательной кампании Бориса Годунова. Шум военных приготовлений помог заглушить голос оппозиции. Раз подчинившись правителю, бояре стали обращаться к нему за решением своих местных тяжб и тем самым признали его высший авторитет. Со своей стороны Борис постарался удовлетворить самолюбие главных противников, вверив им командование армией.

Годунов не жалел усилий, чтобы завоевать на свою сторону симпатии всей массы уездных дворян и ратных людей. Он щедро потчевал их за «царским столом», а затем велел раздать денежное жалование. Борис добился признания со стороны дворянского ополчения, потому что его политика закрепощения крестьян и освобождения барской запашки от государевых податей отвечала чаяниям и нуждам феодального сословия в целом.

Энтузиазм провинциальной служилой мелкоты помог Борису преодолеть колебания в среде столичного дворянства. Как только провинция сыграла свою роль, ей пришлось отступить в тень. С окончанием серпуховского похода правитель немедленно распустил по домам «детей боярских всех московских городов» и ратных людей, а всем столичным чинам - «боярам, и окольников, и приказным людям, и столникам, и стряпчим, и жильцам, и дворянам болшим, и дворянам из городов всем» - указал идти к Москве (*Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974, с. 44*). Столичные чины, включая «городовой выбор» (власти периодически комплектовали «выбор» из «лучших» провинциальных дворян), несли службу в Москве, а потому их и вызвали в «царствующий град».

Возвращение высших дворянских чинов в столицу создало потенциальную возможность для возобновления работы представительного Земского собора. Однако трудно сказать, в какой мере власти использовали эту возможность. Предположение о том, что летом 1598 г. деятельность избирательного собора вступила в решающую

фазу, опирается главным образом на дату - 1 августа - в тексте утвержденной грамоты последней редакции. Однако подложность этой даты выяснена выше.

Патриарх Иов ждал возвращения Годунова из серпуховского похода и тщательно готовился к этому торжественному моменту. К июлю канцелярия завершила сбор подписей под текстом апрельской утвержденной грамоты. В списках членов священного собора, составленных в апреле 1598 г., значилось 115 лиц. К лету документ скрепили своими подписями 126 иерархов, многие из которых не числились в начальном списке. Грамоту подписали сразу два игумена Снеготорского монастыря, два вяжецких игумена и т. д. Очевидно, ни списки, ни подписи утвержденной грамоты не отражали реального состава собора на какой-то один период времени.

Провинциальные церковники подписывали грамоту по мере их приезда в Москву. Со столичным духовенством дело обстояло иначе.

Согласно перечню, «у утвержденной грамоты» были 19 старцев из столичных соборов и монастырей. Ничто не мешало властям отобрать подписи у этих лиц, находившихся по большей части в Кремле. Почему же шестеро из них не подписали грамоту? Почему на грамоте нет руки благовещенского протопопа, исполнявшего роль царского духовника? Может быть, протопоп отказался скрепить грамоту об избрании Бориса либо фактически не был приглашен на патриарший собор? Не является ли все это косвенным указанием на то, что патриарху не удалось добиться полного послушания даже от кремлевского духовенства?

Патриарх привлек для удостоверения апрельской грамоты не только князей церкви и настоятелей главных монастырей, но и несколько десятков монахов и священников, никогда прежде не участвовавших в деятельности священного собора. На избирательном соборе присутствовало множество второстепенных лиц, но зато отсутствовали некоторые самые известные и влиятельные иерархи. И июле патриаршая канцелярия пыталась объяснить этот факт тем, что она составила списки не по степенным книгам (их не нашли в спешке), а «памятию». Такому наивному объяснению никто не поверил. В самом деле, как могли власти запечатлеть о казанском митрополите Гермогене и его архимандритах? В официальной иерархии Гермоген считался третьим лицом после патриарха. Но его не пустили в Москву из-за нелояльного отношения к Борису. В июле Иов выступил с неопределенным обещанием насчет того, что Гермоген и его помощники получат возможность подписать утвержденную грамоту, когда царь Борис сочтет нужным вызвать их к себе.

Так формировался и так действовал священный собор, служивший одной из руководящих курий избирательного Земского собора Бориса Годунова.

В июле патриаршая канцелярия дополнила утвержденную грамоту указанием на то, что на избирательном соборе вместе с патриархом заседали «бояре князь Федор Иванович Мстиславской да и все... бояре, и окольничие, и дворяне, и дьяки, и гости, и лучшие торговые люди ото всея земли Российского государства» (*Древняя Российская Вивлиофика*, ч. VII, с. 116). Приведенные строки могли бы служить решающим доказательством того, что в июле соборное совещание возобновило свою деятельность. Более того, в его работе впервые приняло участие официальное руководство Боярской думы в лице Мстиславского, вследствие чего совещание превратилось в традиционный и полномочный собор.

Степень достоверности июльской приписки к тексту утвержденной грамоты, однако, не вполне ясна. Приписка отразила либо подлинные факты, либо неосуществленные проекты и замыслы патриаршей канцелярии. Если бы Мстиславский с товарищами заверили документ, сомнения отпали бы сами собой. Но в том-то и беда, что в тексте апрельской грамоты нет ни одной боярской подписи. Это тем более удивительно, что канцелярия (согласно тексту приписки) намеревалась передать документ на подпись также дворянам и приказным людям (*Там же*, с. 117). Намерение ее так и не осуществилось.

Примечательно, что даже в июле патриаршая канцелярия не считала необходимым привлечь к подписанию утвержденной грамоты низшие курии Земского собора, включавшие детей боярских и представителей земства - купцов и посадских людей.

Патриарх ухватился за мысль о составлении утвержденной грамоты, когда у него вышел конфликт с руководителями Боярской думы. Подписание грамоты могло заменить церемонию присяги в думе. Надобность в таком документе уменьшилась, когда Годунов добился от бояр послушания. В июле утвержденную грамоту окончательно сдали в архив. Серпуховский поход смел последние преграды на пути к общей присяге.

Вековой обычай предписывал приводить к присяге в зале заседания высшего государственного органа - Боярской думы. Церемонией могли руководить только старшие бояре. Дума цепко держалась за старину. Но Борис не посчитался с традицией и велел целовать себе крест не в думе, где у него было слишком много противников, а в церкви, где распоряжался преданный Иов.

Москва целовала крест царю «в пору жатвы», т. е. в конце июля-августе. Участник церемонии Иван Тимофеев рассказывает, что собравшиеся в Успенском соборе москвичи громко выкрикивали слова присяги, так что от их воплей не слышно было молитв и приходилось затыкать уши. По словам того же автора, население собралось в соборе потому, что боялось послушаться грозного предписания.

Текст летней присяги разительно отличался от мартовского текста. Весною власти многословно убеждали подданных в законности избрания Бориса. Теперь они ограничились лишь пространством перечнем обязанностей подданных по отношению к «богоизбранному» царю. Подданные обещали «ни думати, ни мыслити, ни семьитись,

ни дружить, ни ссылаться с царем Семионом» и немедленно выдать Борису всех, кто попытается «посадить Семиона на Московское государство». В этом пункте, отсутствовавшем в мартовском тексте, заключался основной политический смысл нового акта. Ловким ходом Годунов окончательно разрушил планы оппозиции, замышлявшей передать трон «царю» Симеону. Летняя присяга аннулировала постановление Боярской думы об избрании Симеона.

Новые пункты присяги призваны были убедить всех, что Годунов намерен водворить в стране порядок и справедливость. Чиновники клялись, что будут судить без посулов, «в правду».

Вступая на трон, Борис испытывал крайний испуг перед тайными злоумышлениями бояр и прочих недоброжелателей. Всяк подданный должен был клятвенно обещать не учинять лиха царской фамилии. Годунов, казалось бы, предугадывал грядущие потрясения и старался оградить от них себя и свою семью. Присягавшие принимали обязательство «не соединяться на всякое лихо и скопом и заговором (на семью Годуновых.- Р.С.) не приходить» (*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией, т. 2, с. 58-59*).

Подготавливая почву для коронации, власти 1 сентября организовали четвертое по счету торжественное шествие в Новодевичий монастырь с участием духовенства, бояр, гостей, приказных людей и жителей столицы. В итоге нового «молении» Борис, заранее прибывший в Новодевичий, милостиво согласился венчаться царским венцом «по древнему обычаю».

Два дня спустя Годунов наконец короновался в Успенском соборе и Кремле. По случаю коронации царь пожаловал высшие боярские и думные чины многим знатым лицам. В числе удостоенных особых милостей были Романовы и Бельский. Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал тайный обет не проливать кровь в течение пяти лет. При этом он постарался, чтобы его обет ни для кого не остался секретом.

После коронации положение Годунова, однако, оставалось довольно шатким. Не случайно в начале января 1599 г. в Польше и Ливонии стали циркулировать упорные слухи о том, что царь Борис убит своими подданными. Король Сигизмунд получил известие об этом сразу из трех источников. Из Орши ему сообщали, будто Годунова убил «некий царек». Из Вильны ему писали, что во время аудиенции в Кремлевском дворце Борис ударил посохом одного из Романовых, за что тот поколол его ножом (*Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, колл. 114, № III/127, л. 13*). Вести оказались недостоверными, но в них слышался отзвук продолжавшихся раздоров между Годуновым и знатью.

Политическая ситуация в Москве лишена была стабильности, и в Кремле вновь вспомнили об утвержденной грамоте. После коронации апрельский текст, служивший предвыборным памфлетом, окончательно устарел. Царской канцелярии пришлось немало потрудиться, чтобы составить новый текст, радикально отличавшийся от старого. Борис приказал переписать грамоту о своем избрании в двух парадных экземплярах. Первый был запечатан золотыми и серебряными печатями и сдан на хранение в казну, второй попал в патриаршую ризницу в Успенском соборе. Из усердия Иов велел вскрыть гроб чудотворца Петра в Успенском соборе и вложил в него свой экземпляр.

В самом конце 1598 г. - начале 1599 г. власти создали в Москве Земский собор и представили ему на рассмотрение новую утвержденную грамоту. Законность нового собора не вызывала ни малейшего сомнения. В полном соответствии с соборной практикой XVI в. его члены были назначены самим правительством. На соборе присутствовали как сторонники, так и бывшие противники Годунова. Таким образом, новый собор обладал достаточной представительностью.

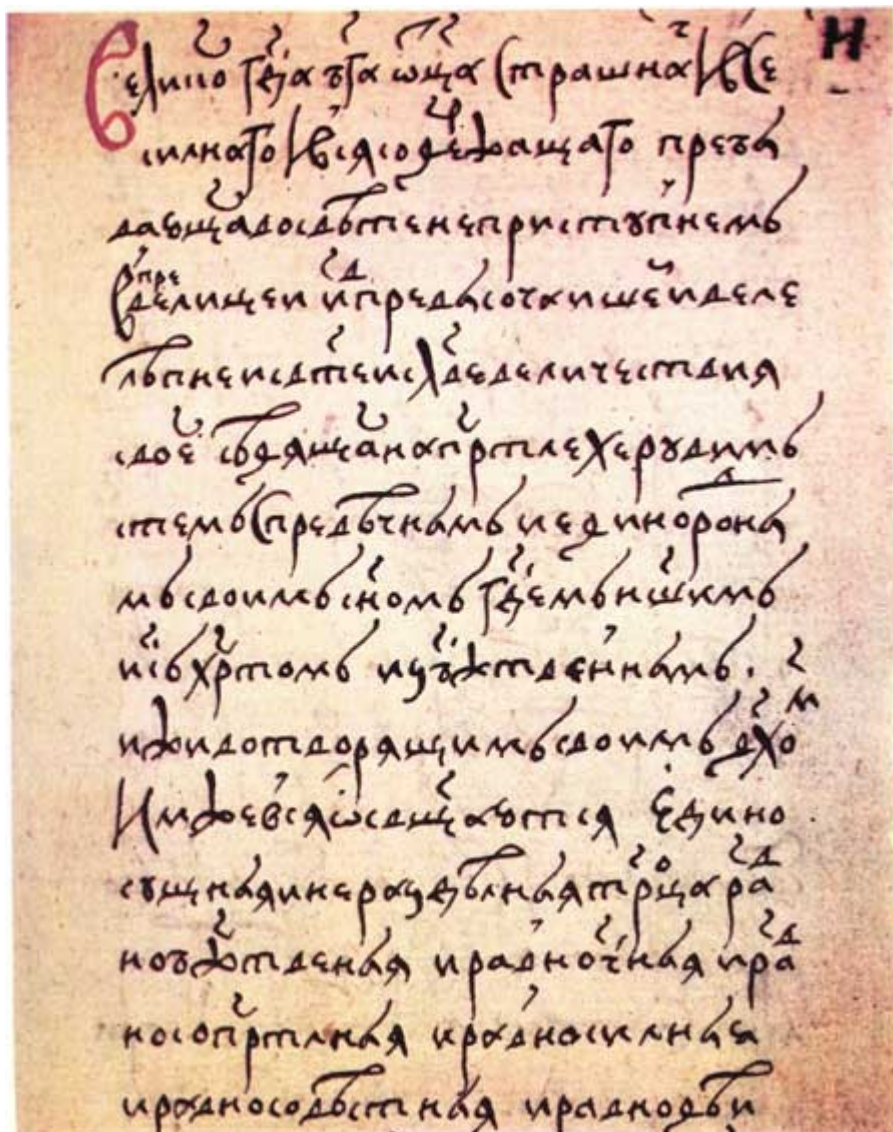
Перемены в составе собора сводились к следующему. Функционировавший до коронации вселенский собор был теперь распущен и уступил место священному собору в его традиционном составе. Несоборные иерархи не попали в перечни утвержденной грамоты, и лишь некоторым из них в виде исключения разрешили подписать документ. В первых избирательных соборах участвовали немногие бояре, преимущественно родственники правителя. На соборе 1599 г. Боярская дума была представлена почти в полном составе. В перечне утвержденной грамоты 1599 г. отсутствовали влиятельные бояре Голицыны, Куракины, Иван Шуйский, Шестунов, Сицкий. За исключением двух последних лиц, все они со временем скрепили документ своими подписями. Очевидно, церемония подписания избирательной грамоты боярами растянулась на длительный срок.

Помимо членов думы, правительство привлекло для участия в новом соборе значительную часть столичного дворянства, высшие дворцовые чины, стольников, стряпчих, жильцов, приказную бюрократию, стрелецких голов. Цвет столичной знати и служилые верхи были представлены на соборе с исключительной полнотой. Они решительно преобладали в составе служилых курий собора. Что касается провинциального дворянства, то его представлял на соборе «выбор из городов». На собор попали, однако, не все находившиеся в Москве «выборные» дворяне, а лишь половина из них. Грамоту подписали также несколько нечиновных детей боярских из Новгорода Великого, Ржевы и Белой. По своему положению эти люди стояли столь невысоко, что их подписи затерялись среди подписей купцов и посадских старост. Участие новгородцев в соборе не планировалось заранее: их имена не значатся и в соборных списках. Но, в отличие от прочих дворян, провинциальные дети боярские расписались не только за себя, но за все уезды, которые они представляли. Подписи двух новгородских помещиков удостоверяли участие в царском избрании служилого Новгорода.

После коронации власти не искали поддержки у «всенародного множества». Тем не менее они пригласили на Земский собор многих богатых купцов и посадскую администрацию столицы. В списках собора значились 22 гостя и 2 гостиных старосты, а также 14 соцких, возглавлявших тяглые «черные» сотни Москвы. Купцы скрепили грамоту своими руками, за некоторых соцких расписались горожане. Присутствие «черных» тяглых людей придавало собору подлинно земский характер.

Члены последнего Земского собора подписали утвержденную грамоту уже после того, как Борис прочно сел на царство. Следовательно, они не обсуждали вопрос, кого избрать на трон. У них попросту не оставалось выбора. По-видимому, все функции собора свелись к тому, что его участники выслушали текст утвержденной грамоты и поставили подпись на документе, заведомо ложно излагавшем историю воцарения Годунова. Подписание грамоты заняло продолжительное время, но властям так и не удалось добиться соответствия между перечнями и подписями членов собора. В конце концов невозможно решить, кто из них присутствовал на соборе в самом деле, а кто расписался на соборном приговоре задним числом. Утвержденная грамота 1599 г. имела значение своего рода поручной записи. Ее списки четко очертили тот круг лиц, от которых Борис требовал особых доказательств лояльности. К нему принадлежали бояре, столичные чины и вся столичная знать, высшие церковные иерархи и верхушка посада.

Критический разбор источников позволяет заключить, что избирательный собор Годунова в ходе политической борьбы многократно менял свои формы и состав. Ранние соборные совещания, опиравшиеся на посадское население, уступили место традиционному Земскому собору, возглавленному Боярской думой и знатью. Выборы 1598-1599 гг. сыграли важную роль в истории сословно-представительных учреждений в России.

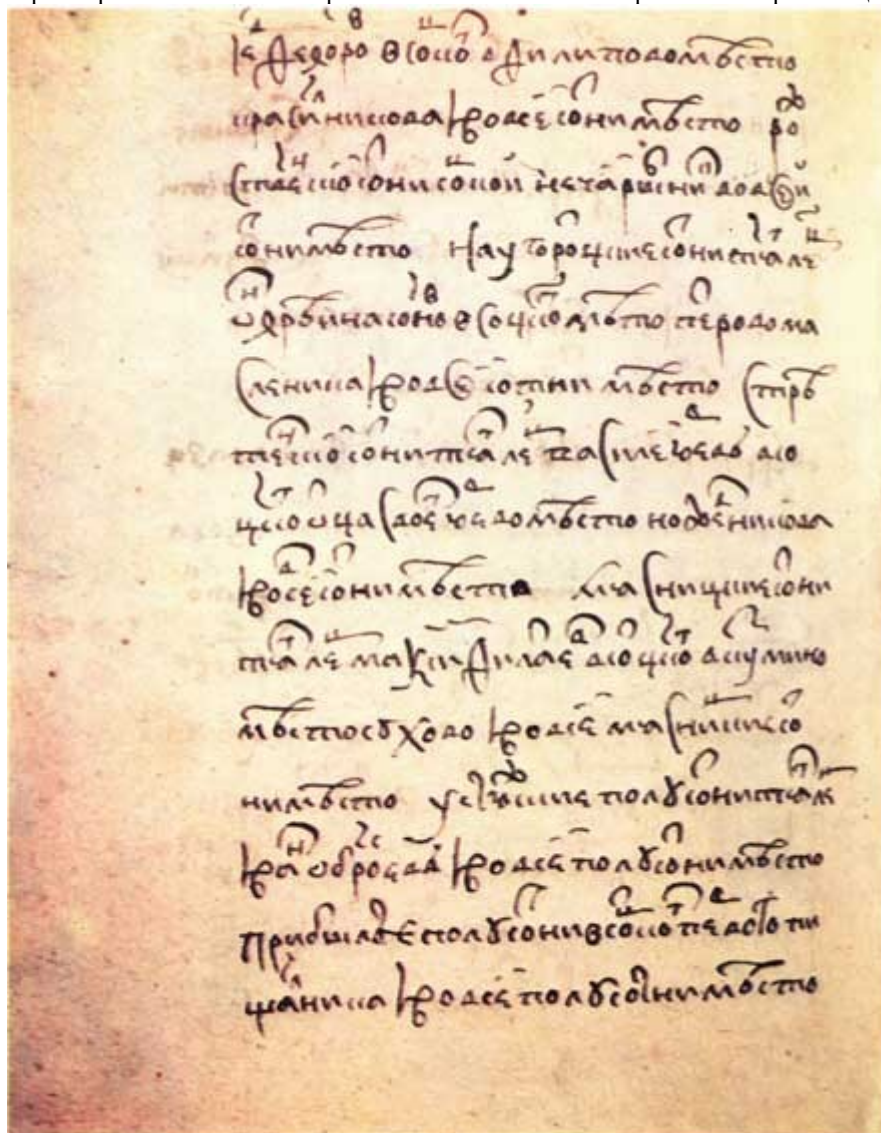

Начало утвержденной грамоты об избрании Бориса Годунова
Соль-Вычегодский список. Начало XVII в. ГПБ

(Этой иллюстрации в оригинале нет, взята из книги Р.Г. Скрынников Россия накануне «Смутного времени»)

Многовековое господство боярской аристократии определило политическую структуру Русского государства. Традиции воздвигли на пути Бориса к высшей власти непреодолимые преграды. Междоусобица грозила в любой

момент разрешиться смутой. Но Годунову удалось избежать потрясений, ни разу не прибегнув к насилию. В искусстве политических комбинаций он не знал себе равных. Найдя опору в дворянской массе и среди столичного населения, Борис без кровопролития сломил сопротивление знати и стал первым «выборным» царем.

Подписи на утвержденной грамоте (Соловецкий список. Начало XVII в.) ГПБ

(Этой иллюстрации в оригинале нет, взята из книги Р.Г. Скрынников Россия накануне «Смутного времени»)

Глава 10

БОЛЕЗНЬ

Предметный урок, полученный правителем в дни выборов, не пропал даром. Борис четко уяснил себе, что от знати зависит будущее династии, и старался заручиться поддержкой бояр. Свидетельством тому служили щедрые пожалования высших думных чинов. Княжеская аристократия, казалось, вновь обрела то влияние в Боярской думе, которым пользовалась до опричнины.

Борис сохранил пост главы думы за удельным князем Федором Мстиславским. Самое высокое положение в его думе занимали бояре князя Василий, Дмитрий, Александр и Иван Шуйские.

После опричнины князя Ростовские на 30 лет лишились боярских чинов. Борис пожаловал высшие думные чины Михаилу Катыреву-Ростовскому и Петру Буйносову - Ростовскому. После многолетних унижений Ростовские попытались «пересидеть» Мстиславских и Шуйских и вернуть себе первенство в думе. Стародубские князья, изгнанные в свое время из думы, снова появились там. Василий Хилков получил чин окольничего.

Опричнина сломила могущество князей Оболенских. Борис произвел в бояре Федора Ноготкова-Оболенского и использовал его блестящую родословную, чтобы подорвать местнические претензии Романовых.

Князь Андрей Куракин немало повредил Годунову в первые годы его правления, за что поплатился долгой ссылкой. После коронации Бориса он стал заседать в думе в боярском чине. Годунов не доверял князьям Голицыным, тем не менее пожаловал высший чин Василию Голицыну.

Скупее Борис жаловал чинами старомосковскую знать - Морозовых, Салтыковых, Шеиных, Романовых, Бутурлиных. Исключение он сделал лишь для своей многочисленной родни. За Годуновыми в думу, как помним, потянулись Сабуровы и Вельяминовы. Несмотря на родство с царем, младшие из его «братии» заняли в думе сравнительно скромные посты. Борис Годунов старался доказать свое уважение к привилегиям аристократии.

Получив высшую власть, Борис не вернул думному дворянству того влияния, которым оно пользовалось при Грозном. Число думных дворян при нем было невелико, а их роль незначительна. Бывшие сподвижники Годунова по опричнине рассчитывали на то, что его воцарение перевернет вверх дном устоявшуюся систему местнических отношений, но их надежды развеялись вмиг. Когда Полевы и Пушкины дерзко «заместничали» с «великими» Салтыковыми, их сразу одернули и примерно наказали.

После 15 лет правления Годунов не страшился открытых выступлений и готов был подавить их силой. Но, подверженный суевериям, он чувствовал себя беззащитным перед тайными кознями. Чтобы спастись от «порчи», Борис обязал подданных клятвой на кресте «царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не посылать», «людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо» (*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией, т. 2, с. 58-59*).

Уже в первые годы царствования Бориса в Москве произошло несколько «колдовских» процессов. Первым заподозрен был в нарушении клятвы боярин Шуйский. В государственном архиве хранилось «дело доводное - извещали князь Ивановы Ивановича Шуйского люди Янко Иванов сын Марков и брат его Полуехтко на князя Ивана Ивановича Шуйского в коренье и в ведовском деле». Дворяне Марковы занимали видное положение в свите Шуйских, и власти дали делу ход. Борис получил повод к расправе со всем родом Шуйских. Но он предпочел проявить снисхождение. Иван Шуйский избежал опалы и даже не был отставлен от службы. Боярина спасло то, что он принадлежал к верхам титулованной знати и не выступал против Бориса в дни междоусобицы.

При коронации Борис обещал править милостиво и никого не казнить. Его добрые намерения не осуществились. Героем первого политического процесса стал близкий родственник нового царя Богдан Бельский.

Летом 1599 г. Бельский возглавил военную экспедицию на Северский Донец. Власти поручили ему основать близ Азова новую крепость, получившую претенциозное название Царев-Борисов.

Царская печать

Воевода отправился в поход в сопровождении многочисленного «двора» и с огромным обозом продовольствия, собранного в собственных вотчинах. В подчинении Бельского находилось 3 тыс. дворян, стрельцов и казаков. Всю эту армию воевода щедро жаловал деньгами и платьем, поил и кормил из своих запасов. Он добивался популярности и достиг цели: слухи о его щедрости распространились по Москве, и ратные люди повсюду хвалили его.

Забыв об осторожности, Богдан Бельский без всякого уважения отзывался о Борисе, при этом он заявлял: «Пусть Борис Федорович царствует на Москве, а я теперь царь в Цареве-Борисове». Служилые иноземцы поспешили донести о его крамольных речах. Правительство переполошилось, отозвало Бельского из армии и

отдало его под суд. После допроса свидетелей суд признал воеводу виновным, Бельский избежал тюремного заточения и казни, но для него изобрели наказание особого рода. «Мятежника» выставили к позорному столбу и лишили чести, выщипав, волос за волосом, всю его длинную бороду. Богдан Бельский потерял думный чин и отправился в ссылку в Нижний Новгород. Знать со злорадством наблюдала за унижением бывшего опричного временщика.

Жертвой гонений стал не один только Богдан Бельский. На протяжении двух-трех лет все, кто активно противился избранию Бориса, либо подверглись прямой опале, либо были понижены в чинах.

Главный думный дьяк Василий Щелкалов к 1600 г. перестал быть печатником. Вместо него Годунов сделал хранителем царской печати своего давнего сподвижника Игнатия Татищева. С лета 1601 г. Щелкалова и вовсе отставили от дел. Современники утверждали, будто дьяк утратил и думные чины, и все имущество. Но, кажется, они были не вполне правы. Прошло три года, и думный дьяк Василий Щелкалов выставил в поле против самозванца полсотни вооруженных воинов из своих обширных вотчин. Как видно, опальный заслужил к тому времени прощение.

Наибольшим преследованиям подверглась семья бояр Романовых. Их дело началось совершенно так же, как и дело Ивана Шуйского. Дворянин Второй Бартенев, служивший в казначеях у Александра Романова, подал царю извет на своего боярина. Он сообщил, будто Романов хранит у себя в казне волшебные коренья и хочет «испортить» царскую семью. Подлинные документы о ссылке Романовых подтверждают, что они стали жертвами «колдовского» процесса. В них процитирована такая речь пристава, обращенная к закованному в железа Романову: «Вы, злодеи-изменники, хотели царство достать ведовством и кореньем» (*Там же*, с. 38). Телохранитель Бориса Конрад Буссов также отметил, что опальных Романовых обвинили в намерении извести царскую семью.

Русские источники дают лишь приблизительные сведения о времени падения Романовых. Заполнить этот пробел помогает вновь найденный источник - дневник польского посольства в Москве.

Полный текст дневника, по-видимому, утерян, однако в Рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится фрагмент его немецкой копии. Наибольший интерес представляет дневниковая запись, датированная 26 октября (2 ноября) 1600 г.

«Этой ночью, - записал один из членов посольства, - его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка (Кремля. - *Р.С.*) с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало». Польские послы наблюдали за нападением правительственных войск на подворье Романовых. «Дом, в котором жили Романовы, - продолжал автор дневника, - был подожжен; некоторых (опальных. - *Р.С.*) он (Борис. - *Р.С.*) убил, некоторых арестовал и забрал с собой...» (*Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ОР, ф. Ф. Аделунга, ф. 7, № 193, л. 37*).

Польские послы получили не вполне точную информацию относительно судьбы Александра Романова, будто бы казненного десять дней спустя. В действительности этот боярин стал главным обвиняемым в затеянном властями «колдовском» процессе.

По царскому приказу особая боярская комиссия во главе с Михаилом Салтыковым произвела обыск на захваченном подворье и обнаружила в казне Александра волшебные корешки. Найденные улики были доставлены на патриарший двор, где собрались Боярская дума и высшее духовенство. В присутствии их царь велел Салтыкову раскрыть принесенные мешки и «корение из мешков выкласти на стол».

В Боярской думе у Романовых нашлось много противников. Окольный Салтыков непосредственно участвовал в следствии об их измене. Боярин князь Петр Буйносов-Ростовский распоряжался на опальном дворе Федора Романова после его ареста. Во время разбора дела в думе бояре, по словам близких к Романовым людей, «аки зверие пыхаху и кричаху». Будучи в ссылке, Федор Романов с горечью говорил: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а ныне-де научили на нас говорити людей наших, а я-де сам видел то не единожды» (*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией, т. 2, с. 38*). Романовы имели все основания жаловаться на знать, заседавшую в Боярской думе. Княжеская аристократия давно выражала недовольство чрезмерным возвышением Романовых и теперь помогла Борису избавиться от них.

Братьев Романовых обвинили в тягчайшем государственном преступлении - покушении на жизнь царя. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Борис долго колебался, не зная, как ему поступить с Никитичами. Опальные оставались в столице в течение нескольких месяцев. Наконец их судьба решилась. Федора Романова постригли в монахи и заточили в отдаленный северный монастырь. Его младших братьев отправили в ссылку.

Александр, Михаил, Василий Романовы умерли в изгнании. Их смерть поспешили приписать тайному указу царя. На самом деле удивительна была не гибель ссыльных, а то, что некоторые из них уцелели. Осужденных кормили скудной пищей и везли за тысячи верст в Сибирь либо на берег Студеного моря при совершенном бездорожье, в тяжких цепях, нередко в лютые морозы.

Судьба Федора Романова служит веским доводом против предположения, будто Борис намеренно использовал ссылку, чтобы без шума уничтожить своих противников. Старший из Никитичей был главным претендентом на трон, но его Годунов отправил не в ссылку, а в монастырь. Вышло так, что монашеский куколь спас жизнь Федору Никитичу, но отнял у него шансы на обладание троном. Надеть на себя корону расстрига не мог. Борису этого было достаточно.

Царь подверг подлинному разгрому романовскую партию в Боярской думе. Первым пострадал боярин князь Федор Шестунов, чей слуга донес властям на его злоумышления. Царь щедро наградил доносчика, но не стал наказывать престарелого боярина. Шестунов умер под домашним арестом своею смертью до опалы Романовых. Если бы он кончил жизнь в тюрьме или изгнании, Борису непременно приписали бы еще одно убийство.

Зять Федора Никитича, боярин князь Борис Черкасский, попал в тюрьму на Белоозеро. Он давно болел и умер в тюрьме довольно скоро. Другой зять Романовых, князь Иван Сицкий, угодил в монастырь. Опале подверглись князь Александр Репнин и дворяне Карповы.

После воцарения Романовых летописцы не пожалели красок, чтобы расписать злодеяния Годунова и представить членов опальной семьи в ореоле мученичества. Из летописей драматические эпизоды переключались и на страницы исторических и литературных произведений. Один из героев трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» осудил весь режим и образ правления Годунова словами:

...Он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет...
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там - в глуши голодна смерть иль петля.

В действительности методы управления Годунова мало напоминали методы управления царя Ивана. Даже в самые критические моменты Борис не прибегал к погромам, резне и кровопролитию, а его опалы отличались кратковременностью. Судьба Романовых может служить тому примером. Через несколько месяцев после суда Борис распорядился смягчить режим заключения опальных, вернул из ссылки Ивана Романова и нарядил следствие по поводу жестокого обращения приставов с больным Василием Романовым. Детям Федора Никитича и вдове Александра Никитича разрешили покинуть белозерскую ссылку и уехать в одну из родовых вотчин. Князья Иван Черкасский и Сицкие получили полное прощение и вернулись на службу. Филарета Романова царь велел содержать в Аптониев-Сийском монастыре так, чтобы ему «не было нужи».

Бориса всегда подозревали в коварстве. Вступив на трон, он осыпал милостями своих наиболее опасных соперников. Александр Романов получил боярский чин, Михаил Романов и Богдан Бельский стали окольными. Не хотел ли он усыпить подозрения врагов, чтобы затем обрушить на их головы неожиданную царскую месть? Сколько бы правдоподобными ни казались такие предположения, они все же не согласуются с фактами. До сих пор от внимания исследователей ускользало обстоятельство, оказавшее заметное влияние на ход политической борьбы в годы царствования Годунова. Это обстоятельство - физическое состояние Бориса. Еще до коронации Бориса за рубеж стали поступать сведения о его тяжелой болезни. Один современник Годунова заметил, что тот царствовал шесть лет, «не царствуя, но всегда болезнуя». Врачи оказались бессильны исцелить его недуг, и царь искал спасения в молитвах и богомольях. В конце 1599 г. он не смог своевременно выехать на богомолье в Троицу, и его сын собственноручным письмом известил монахов, что причина задержки та, что батюшка его «недомогает». К осени 1600 г. здоровье Бориса резко ухудшилось. Один из членов польского посольства, составивший рифмованное повествование о путешествии в Москву, замечает, что властям не удалось утаить от всех болезнь царя и в городе по этому поводу поднялась большая тревога. После обсуждения дела и Боярской думе Бориса по его собственному распоряжению отнесли на носилках из дворца в церковь и показали народу, что он еще жив.

Слухи о близкой кончине Годунова искусственно возродили обстановку династического кризиса. Подготавливая почву для переворота, оппозиция распространяла в России и за рубежом слухи о болезненности и слабоумии наследника престола царевича Федора. Находившиеся в Москве польские послы утверждали, будто у Годунова очень много недоброжелателей среди подданных, число строгостей против них растет день от дня, но строгости не спасают положения. «Не приходится сомневаться, - писали поляки, - что в любой день там должен быть мятеж» (*Там же*).

Становится понятным, почему в такой обстановке правительство выказало крайнюю тревогу по поводу действий Бельского и Романовых. Первый открыто добивался популярности в армии, вторые собрали в столице многочисленную вооруженную свиту. Польские послы потратили немало усилий на то, чтобы установить причины опалы Романовых. Собранная ими информация особенно интересна потому, что она исходила от москвитов, симпатизировавших родне царя Федора. «Нам удалось узнать, - читаем в польском дневнике, - что нынешний великий князь (Борис.- *Р.С.*) насильно вторгся в царство и отнял его от кровных родственников умершего великого князя Никитичей-Романовичей. Названные Никитичи-Романовичи усилились и, возможно, снова предполагали заполучить правление в свои руки, что и было справедливо, и при них было достаточно людей, но той ночью великий князь [Борис] на них напал».

Дневниковая запись раскрывает подлинные причины гонений на братьев царя Федора. Тяжелая и продолжительная болезнь Годунова подала Романовым надежду на то, что они вскоре смогут вновь вступить в борьбу за обладание короной. Малолетний наследник Бориса имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного царя оставалось единственное средство ее спасения. Он постарался избавиться от претендентов на корону и отдал приказ о штурме романовского подворья.

Борису удалось потушить мгновенно вспыхнувший конфликт и стабилизировать политическую обстановку в стране.

Во внешних делах Годунов стремился достичь длительной мирной передышки и раздвинуть восточные пределы государства. Сибирский хан Кучум понес несколько поражений от царских воевод, после чего откочевал с Иртыша в Барабинские степи. В 1598 г. воеводы вновь построенного Тарского городка отправились по следам Кучума в глубь степи и подвергли разгрому его становища. Семья хана и множество его слуг попали в плен и были отосланы в Москву. Сибирское ханство перестало существовать. Ничто не препятствовало быстрому

продвижению воевод на восток. С Иртыша и Оби русские сделали решительный шаг к устью Енисея. Отряды, посланные «провести» Мангазейскую землю, привели в покорность местные племена и в 1600 г. прислали в Москву первый мангазейский ясак.

Царь Борис старался поддерживать мирные отношения с Крымом и Турцией и искал мирного урегулирования дел с Речью Посполитой. Спор из-за Ливонии обострил противоречия между поляками и шведами и окончательно устранил возможность восстановления мощной антирусской коалиции. В 1601 г. Россия заключила 20-летнее перемирие с Речью Посполитой.

Сознавая, сколь необходимы России тесные хозяйственные и культурные связи с Западной Европой, Годунов деятельно хлопотал о расширении западной торговли. С помощью ганзейского города Любека он надеялся наладить морские сообщения через Ивангород - русский город на реке Нарове. Однако Швеция, располагавшая первоклассным флотом, разрушила эти замыслы. Ссылаясь на условия Тявзинского договора, шведы блокировали Ивангород с моря.

Ради поощрения торговли с Западом Борис осыпал щедрыми милостями немецких купцов, некогда переселенных на Русь из завоеванных ливонских городов. Они получили от казны большие ссуды и разрешение свободно передвигаться как внутри страны, так и за ее пределами. Ливонцы должны были принести присягу на верность царю, и в дальнейшем их использовали не только в торговых, но и в политических целях. Для жителей Немецкой слободы снова открылась кирха в Кукуе.

Борис проявлял живой интерес к просвещению и культуре, к успехам западной цивилизации. При нем иноземцев в Москве было больше, чем когда-нибудь прежде. Борис любил общество иноземных медиков, обосновавшихся при дворе, и подолгу расспрашивал их о европейских порядках и обычаях. Новый царь зашел столь далеко в нарушении традиций, что сформировал из наемников-немцев отряд телохранителей.

Годунов первым из русских правителей отважился послать нескольких дворянских «робят» за границу «для науки разных языков и [обучения] грамоте». При нем власти проявляли заботу о распространении книгопечатания, вследствие чего во многих городах были открыты типографии. Борис вынашивал планы учреждения в России школ и даже университета по европейским образцам.

Годунов проявлял исключительную заботу о благоустройстве столицы, строительстве и укреплении пограничных городов. При нем в жизнь Москвы вошли неслыханные ранее технические новшества. Русские мастера соорудили в Кремле водопровод с мощным насосом, благодаря которому вода из Москвы-реки поднималась «великой мудростью» по подземелью на Конюшенный двор. Заимствовав псковский опыт, Борис устроил первые в столице богадельни. В Кремле, подле Архангельского собора, он приказал выстроить обширные палаты для военных приказных ведомств, в Китай-городе, на месте сгоревших торговых рядов, - каменные лавки. Мастера заменили старый, обветшавший мост через Неглинную новым, широким, по краям которого располагались торговые помещения. На Красной площади выросло каменное Лобное место с резными украшениями и решетчатой дверью.

Строительство превратилось в подлинную страсть Годунова. По его приказу мастера надстроили столп колокольни Ивана Великого и приступили к возведению грандиозного собора «Святая святых», призванного украсить центральную площадь Кремля. Модель собора была готова, и строительные материалы свезены на площадь. Смерть Бориса, однако, помешала осуществлению его замысла.

Благодаря покровительству Годунова развернулся талант замечательного русского архитектора Федора Коня. Под руководством Коня русские строители опоясали Китай-город мощными укреплениями. На Красной площади, подле старой кремлевской стены, вдоль рва, поднялась вторая, зубчатая, стена. Федор Конь руководил возведением каменного града в Астрахани и грандиозных крепостных сооружений в Смоленске. Борис сам заложил смоленскую крепость, в сооружении которой участвовали «все города Московского государства», Крепость, снабженная 38 башнями, стала самым мощным оборонительным форпостом на западных рубежах страны.

Как истинный сын своего времени Годунов сочетал интерес к просвещению с верой в чудеса. Впрочем, в те времена этому была подвержена не только Россия, но и Западная Европа. Усомнившись в искусстве врачей, Борис искал помощи у колдунов и знахарей. Еще чаще он прибегал к средству, на которое всегда уповали благочестивые люди Древней Руси: усердно молился и ездил на богомолье в святые места. Благочестие сослужило правителю плохую службу. Однажды, отчаявшись, он велел напоить больного сына «святой» водой и в сильную стужу отнес его в храм Василия Блаженного. Так умер первенец Бориса, который со временем мог наследовать трон.

Несколько любопытных штрихов к биографии Годунова прибавляет история с женихом царевны Ксении герцогом Гансом Датским. Призванный в Москву в 1602 г. герцог опасно занемог. Обеспокоенный Борис прислал к датчанину всех своих докторов, но четыре дня спустя неожиданно запретил им посещать больного и отменил все назначенные ими процедуры.

На основании этого эпизода летописцы возложили на Бориса ответственность за смерть герцога. Но их версия страдает многими несообразностями. Борис будто бы замыслил злое, узнав, что московские люди «всею землею зело» полюбили Ганса. На самом деле молодой лютеранин, всего месяц пробывший в Москве, не знавший языка и не общавшийся с населением, не пользовался среди москвичей и тенью популярности. Более того, дружбой с иноверцем царь немало повредил своей репутации. Распоряжения Годунова насчет лечения Ганса объяснялись достаточно просто. Видя бессилие медиков, столкнувшихся с неизвестной им желудочной инфекцией, царь положился на православного бога и велел раздать пищим богатую милостыню. Вслед за тем Борис лично посетил нареченного зятя и у его постели промолвил: «Да, немного понимают мои доктора в этой болезни». Тут же он пригрозил докторам, что им будет плохо, а толмач угодит на кол, если герцог умрет. Каждый раз при царском

посещении у постели больного разыгрывалась одна и та же сцена. Борис рыдал, вместе с ним выли и кричали все бояре. В комнате стоял невообразимый шум. Один из членов датской свиты услышал и записал в дневник причитания царя. «Не заплакала бы и трещина в камне, что умирает такой человек, от которого я ожидал себе величайшего утешения, - восклицал Борис. - В груди моей от скорби разрывается сердце».

Современники считали Бориса удивительным оратором. Люди, знавшие Годунова, восхищались его речами. От природы он наделен звучным голосом и даром красноречия, писал о правителе Горсей. Младший современник Бориса, Семен Шаховской, называл его человеком «вельми сладкоречивым».

Тем же писателям принадлежат лучшие словесные портреты Годунова. Англичанин отметил величественные манеры Бориса, красоту его лица и неизменную приветливость в обращении. По словам Шаховского, Борис «цвел благолепием» и «образом своим множество людей превзошел». Обладая несокрушимой волей, Годунов производил впечатление мягкого человека. В минуту душевного волнения на его глаза навертывались слезы. Годунов поражал современников своим постоянством в семейной жизни и привязанностью к детям. Перечисляя добродетели царя, русские писатели подчеркивали его отвращение к богомерзкому винопитию.

Даже враги, отдавая должное Годунову, писали, что он мог бы совершить много великих дел, если бы не помешали ему неблагоприятные обстоятельства. Такое мнение высказывали и иноземцы, и русские писатели. Конечно, чтобы вполне оценить ту или иную похвалу, надо представить, от кого она исходит. Почитатели Бориса были дворянами, которых особенно восхищала его щедрость к служилым людям.

В полной мере русские писатели оценили достоинства Бориса уже после Смуты, когда трон заняли его ничтожные преемники. Хотя и явились после Годунова другие умные цари, дипломатично замечал И. Тимофеев, но их разум был лишь тенью его разума.

Овладев короной, Борис навлек на свою голову негодование знати. Однако благодаря гибкой политике ему удалось сплотить верхи вокруг трона. Роковой для династии Годунова оказалась ненависть низов. Борис воздвиг трон на вулкане.

Глава 11

ВЕЛИКИЙ ГОЛОД

Начало царствования Бориса казалось на редкость благополучным. Но то была только видимость. Попытки навязать народу крепостнический режим наталкивались на глухое сопротивление масс, усиливавшееся от года к году. Признаки недовольства можно было заметить повсюду - в сельской местности и в городах.

Податной гнет и неволя гнали крестьян из старых феодальных центров на окраины. В глубинах «дикого поля», далеко за пределами оборонительной черты, образовались казацкие общины, постоянно пополнявшиеся крестьянами. Отражая частые нападения со стороны степных кочевников, донские казаки продвинулись к устью Северского Донца и основали там свою столицу Раздоры. Успехи казацкой вольницы вызывали глубокую тревогу в московских верхах: пока тихий Дон служил прибежищем для беглых крестьян, крепостной режим в Центре не мог восторжествовать окончательно. Борис прекрасно понимал это, и его политика в отношении окраины отличалась решительностью и беспощадностью.

Шаг за шагом правительственные войска, продвигаясь вслед за казаками, строили среди «дикого поля» новые городки и укрепления. Степные воеводы верстали колонистов на службу и обязывали их пахать государеву пашню. На следующий год после коронации Борис, как мы помним, послал в глубь казачьих земель крупные военные силы для основания города Царева-Борисова. Новая крепость отстояла уже на сотни верст от старых русских рубежей. Зато из нее открывались кратчайшие пути к Раздорам. Противостояние крепости с царским именем и казачьей столицы имело некий символический смысл. Название крепости показывало, что взаимоотношения с казачеством стали для Бориса не только предметом постоянного беспокойства, но и вопросом престижа.

Казачье войско не могло существовать без подвоза боеприпасов и продовольствия из России. Стремясь подчинить казачью вольницу, Годунов запретил продажу пороха и продовольствия на Дон и стал преследовать тех, кто нарушал строгий указ. Царь Борис сознавал, какую опасность таит в себе бурлящая окраина. Но предпринятые им попытки стеснить казачью вольность обернулись против него самого. Открытое восстание казаков ускорило крестьянскую войну.

Городские движения, пережив подъем в 80-х годах, пошли затем на убыль. Борис не жалел средств, чтобы привлечь на свою сторону верхи посадской общины. По случаю коронации он предоставил столичному посадку всевозможные льготы. Купцы, державшие в своих руках торговлю с Востоком через Астрахань, освобождены были на два года от торговых пошлин. Со столичных жителей сложили подати. Нуждающимся вдовам и сиротам роздали деньги, платье и припасы. Аналогичных милостей удостоился второй по величине посад - Великий Новгород. Царь Борис на время «отарханил» свою «отчину - великое государство Великий Новгород», отменил денежные поборы с посадских дворов, мелких промыслов и торгов. Новгородские торговые люди получили право «повольно ездить» для торга в Москву и ливонские города. Власти освободили посад от казенной виноторговли и закрыли царские кабаки в городе. Годунов обещал народу позаботиться о том, чтобы «все посадские люди жили в покое, и в тишине, и в благоденственном житье, и тесноту б им, и убытков, и продаж ни от кого ни в чем не было».

Политика в отношении городов определялась тем, что в годы разрухи посады пришли в упадок и обезлюдели. Чтобы возродить городскую жизнь, власти должны были прибегнуть к экстренным мерам, получившим наименование «посадского строения».

В законодательном материале «посадское строение» не отразилось, как и многие другие годуновские нововведения. Это затрудняет его оценку. Отрывочные данные о разных городах помогают обнаружить лишь общее направление политики Годунова. В Болхове, Кореле и Ростове власти предпринимали попытки вернуть на посад старых тяглецов, ушедших на помещичьи земли и переселившихся в городские дворы феодалов, или, как тогда говорили, «заложившихся» за дворян. В Казани и Зарайске администрация конфисковала и приписала к тяглу несколько монастырских слобод, во Владимире пополнила посад крестьянами патриаршей слободы, в Калуге «збирала» на посад оброчных крестьян из монастырских и дворцовых владений.

Возрождение платежеспособной тяглой общины в городах отвечало интересам казны и одновременно требованиям влиятельной купеческой верхушки. Власти не забыли о московских волнениях первых лет правления Федора и с помощью уступок старались предотвратить их повторение. «Черный посад» нес немалые убытки из-за конкуренции со стороны «белослободчиков», живших на городских землях феодалов и имевших податные льготы. Поэтому тяглый посад добивался признания за ним исключительного права на занятие торгами и промыслами. Правительство по временам прислушивалось к голосу посадских людей. В Ростове оно «осадило» в посадское тягло торговых людей «из-за митрополитов и из-за монастырей и всяких чинов» и таким образом решительно покончило с конкуренцией «белослободчиков».

Политика Годунова послужила в известной мере образцом для «посадского строения» середины XVII в. Она как бы предвосхитила будущее. Города были очагами прогресса. Их возрождение отвечало глубочайшим экономическим интересам государства. Политика Бориса благоприятствовала развитию сословия посадских людей, но ей недоставало последовательности. Она не была санкционирована законом и, по-видимому, проводилась лишь в отдельных местностях. Крупнейшим посадом страны оставалась Москва, где проживала значительная часть городского населения России и располагались многочисленные слободы феодалов. Потребность в «посадском строении» ощущалась здесь всего острее. Но в Москве царь не желал ради интересов посада ссориться с влиятельной столичной знатью и духовенством. Потому реформа не получила в столице сколько-нибудь заметного воплощения.

Городская реформа Годунова отличалась сложным характером. Государство пыталось возродить города ценой прикрепления членов посадской общины к тяглу. Покровительствуя городам, монархия направляла их развитие в феодальное русло. Проводя «посадское строение», власти строго ограничивали дворян (их называли служилыми людьми «по отчеству», или происхождению) и прочих воинских людей (их называли людьми «по прибору» и набирали из числа горожан). Тех, кто не принадлежал к феодальному сословию, облагали податями наряду с посадскими людьми. Известно, что «стройщики» Бориса «положили» в тягло городских пушкарей и других служилых людей «по прибору» в Переяславле и Зарайске. Сословные различия все глубже раскалывали городское общество. Включенная в состав податного сословия служилая мелкота в полной мере испытала на себе гнет крепостнического государства. «Посадское строение», там где оно было проведено, обострило социальные противоречия.

Горожане составляли небольшую часть населения страны, не более 2%. Прочий народ обитал в крохотных деревнях, разбросанных на обширном пространстве Восточно-Европейской равнины. Политика Годунова в отношении крестьянства носила отчетливо крепостнический характер. Отмена Юрьева дня и проведение в жизнь указа о сыске беглых крестьян безмерно расширили власть феодальных землевладельцев над сельским населением. Дворяне все чаще вводили в своих поместьях барщину, повышали оброки. Крестьяне с трудом приспосабливались к новому порядку вещей. Они мирились с временной отменой Юрьева дня, пока им сулили близкие «государевы выходные лета». Но шли годы, и население все больше убеждалось в том, что его жестоко обманули. Крестьяне протестовали против усиления крепостного гнета как могли. Чаще всего бежали от своих землевладельцев. Появились и более грозные симптомы. Молва об участвовавших убийствах помещиков будоражила страну. Власти волей-неволей должны были подумать о средствах к успокоению деревни.

При вступлении на трон Борис обещал благоденствие как дворянам, так и крестьянам. Новый царь, утверждали руководители Посольского приказа, дал «всероссийской земле облехчение» и «всю Русскую землю в покое, и в тишине, и в благоденственном житии устроил». Официальные разъяснения произвели глубокое впечатление на иностранцев. Один из них, австрийский гонец Михаил Шиль, будучи в Москве, писал, что русские крестьяне находятся в полном рабстве у дворян, но Борис намерен строго определить объем повинностей и платежей, шедших с каждого крестьянского двора. Такая мера могла бы задержать повышение оброков и расширение повинностей. Но о практическом ее осуществлении ничего не известно.

В связи с коронацией Бориса власти объявили о налоговых послаблениях. Служивый иноземец Конрад Буссов писал, будто царь освободил от податей всю свою землю сроком на год. Однако Буссов писал с чужих слов - его рассказу едва ли можно доверять. В действительности правительство проводило дифференцированную политику в отношении различных групп податного населения. Многочисленное деревенское население смогло воспользоваться податными льготами в значительно меньшей степени, чем немногочисленное городское. Преимущество получили местности, остро нуждавшиеся в них. Так, разоренный дотла Корельский уезд, незадолго до того возвращенный Швецией России, был освобожден от налогов на 10 лет. В ответ на многолетние просьбы сибирских воголов Борис велел сложить с них ясак на год, а в будущем уравнивать обложение, «как кому можно впредь платить без нужи, чтоб впредь состоятельно и прочно и без нужды было». Среди сибирских татар и остяков облегчение получили только старые и «худые» ясачные люди.

Льготы, предоставленные отдельным местностям, быстро исчерпали себя. Крестьяне стонали под тяжестью государевых податей. Налоговый гнет разорял деревню.

В начале XVII в. сельское хозяйство пришло в упадок под влиянием стихийных бедствий. В аграрной России сельскохозяйственное производство отличалось крайней неустойчивостью и в огромной мере зависело от погодных условий. Изучение климатических изменений привело ученых к выводу, что на протяжении последнего тысячелетия самое крупное похолодание произошло во второй половине XVI - начале XVII в. В различных уголках Европы, от Франции до России, земледельцы сталкивались с одними и теми же явлениями: сокращением продолжительности теплых летних сезонов, необычайными морозами и обильными снегопадами. Климатические перемены не были столь значительными, чтобы вызвать общее снижение сельскохозяйственного производства. Но некоторые области Европы на рубеже веков пережили аграрную катастрофу.

Ухудшение климатических условий совпало в ряде стран с нарушением погодных циклов. На каждое десятилетие приходилось обычно один-два плохих и один крайне неблагоприятный в климатическом отношении год. Как правило, плохие годы чередовались с хорошими, и крестьяне компенсировали потери из следующего урожая. Но когда бедствия губили урожай на протяжении двух лет подряд, мелкое крестьянское производство терпело крушение.

В начале XVII в. Россия испытала последствия общего похолодания и нарушения погодного цикла. Длительные дожди помешали созреванию хлебов во время холодного лета 1601 г. Ранние морозы довершили беду. Крестьяне использовали незрелые, «зяблые», семена, чтобы засеять озимь. В итоге на озимых полях хлеб либо вовсе не пророс, либо дал плохие всходы. Посевы, на которые земледельцы возлагали все свои надежды, были погублены морозами в 1602 г. В 1603 г. деревне нечем было засеивать поля. Наступил страшный голод.

По обыкновению цены поднимались к весне. Нечего удивляться, что уже весной 1601 г. «хлеб был дорог». Через год рожь стали продавать в 6 раз дороже. Затем эта цена поднялась еще втрое. Не только малоимущие, но и средние слои населения не могли купить такой хлеб.

Исчерпав запасы продовольствия, голодающие принялись за кошек и собак, а затем стали есть траву, липовую кору, трупы людей. Голодная смерть косила население по всей стране. Трупы валялись по дорогам. В городах их едва успевали вывозить в поле, где закапывали в большие ямы. Только в Москве власти за время голода погребли в трех больших «скудельницах» (на братских кладбищах) 120 тыс. мертвых. Эту цифру приводят в своих записках и иноземцы (Я. Маржарет) и русские писатели (А. Палицын). Современники считали, что в голодные годы вымерла «треть царства Московского».

К чести гоудуновской администрации надо заметить, что она с первых дней оценила опасность и всеми средствами пыталась предотвратить массовый голод. Предметом ее забот стали прежде всего посадки. В Сольвычегодске власти специальным указом попытались ввести единые твердые цены на хлеб, вдвое ниже по сравнению с рыночными. Посадская община получила разрешение реквизировать запасы хлеба, расплачиваясь с владельцами по твердым ценам. Скупщиков хлеба приказано было бить кнутом, а за возобновление спекуляций сажать в тюрьму. Меры против хлебной спекуляции на городских рынках, по-видимому, носили общегосударственный характер. Их начали вводить в ноябре 1601 г. В то время население еще располагало некоторыми запасами хлеба.

Почему так спешили власти? Объяснить это нетрудно. Поколение Годунова пережило двухлетний голод в годы опричнины. Страна не преодолела последствий великого разорения вплоть до конца XVI в.

В своих манифестах новый царь прибегнул к языку, которым никто из прежних правителей не говорил с народом. Горожан убеждали, что Борис правит землею справедливо, «всем людем к тишине, и к покою, и льготе», что он по своему милосердию оберегает их во всем, «сыскивая» «всем всего народа людем, полезная», чтобы было «во всех землех хлебное изобилие, житие нематежное и неповредимый покой у всех ровно» (*Летопись занятий Археографической комиссии, вып. IX. СПб., 1893. с. 57*).

Правительство не жалело средств на борьбу с голодом. В Смоленск Годунов послал сразу 20 тыс. рублей для раздачи народу. В столице он велел раздавать нуждающимся еще большие суммы денег, а кроме того, организовал общественные работы, чтобы прокормить население. Но денежные раздачи не достигали цели. Деньги теряли цену день ото дня. Казенная копейка не могла более пропитать семью и даже одного человека. Между тем слухи о царской милостыне распространились по стране, и народ толпами хлынул в столицу, отчего голод там усилился. Борис провел розыск хлебных запасов по всему государству и приказал продавать народу зерно из царских житниц. Но запасы истощились довольно быстро. Немало хлеба, проданного по твердым ценам, все-таки попало в руки хлебных скупщиков. Новый царь, пытавшийся бороться с хлебной спекуляцией, даже велел казнить нескольких столичных пекарей, мошенничавших на выпечке хлеба. Но все это не очень помогло.

Меры правительства, может быть, и имели бы успех при кратковременном голоде. Повторный неурожай свел на нет все его усилия. Монастыри и бояре, скопившие большие запасы зерна, остались глухи к призывам властей. Сам патриарх Иов подал пример всем остальным, отказавшись расстаться с хлебными излишками. В ожидании худших времен богатые крестьяне зарывали хлеб в землю. Правительство пыталось кое-где проводить реквизиции хлеба, но ему не достало твердости и последовательности. Борис не осмелился идти на серьезный конфликт с богатыми из своих подданных. Попытки обуздать бешеные спекуляции торговцев также не удалась.

Годунов благоволил к посадкам, чтобы сохранить основной источник денежных поступлений в казну. Многомиллионное же крестьянство оказалось предоставленным собственной судьбе. Даже в дворцовых волостях, фактической вотчине Годуновых, дело ограничилось продажей крестьянам «старого» хлеба в долг по кабальным распискам. Дворцовые приказчики села Кушалина доносили в Москву, что многие нуждавшиеся крестьяне пришли туда и «стали по улицам з женами и з детми, голодом и с озноба помирали». На их донесении приказ

наложил такую резолюцию: «Велети бедных огревать и хлебца взаимы дать, кому мочно верить» (*Анпилогов Г. Н. Указ. соч., с. 432*).

Таким образом, деревня не знала бесплатной раздачи милостыни и хлеба. Крестьяне из года в год кормили государство, оброками наполняли царские житницы, однако по феодальным меркам это не имело никакого значения. Голодающие крестьяне если и получали хлеб, то не безвозмездно, а на условиях заемной кабалы. Обнищавшие и пришлые крестьяне не могли рассчитывать даже на заем и обречены были на мучительную смерть.

Не обладая реальными резервами, чтобы прокормить деревню, правительство попыталось использовать социальные рычаги. Многие годы закрепощенные крестьяне жили надеждами на «государевы выходные лета». Своим указом о сыске беглых Борис нанес смертельный удар этим надеждам. Но три года спустя он выказал большую гибкость, временно отступив от принятого курса. 28 ноября 1601 г. страна узнала о восстановлении сроком на год крестьянского выхода в Юрьев день.

Не следует думать, что голод сам по себе мог привести к столь крутому социальному повороту. К осени 1601 г. последствия первого неурожая не обнаружили себя в полной мере. Население еще не исчерпало старых запасов. Трехлетний голод был впереди и никто не мог предвидеть его масштабов. Годунов боялся не голода, а социальных потрясений, давно предсказанных трезвыми наблюдателями. Крестьянство оставалось немым свидетелем смены династии. Никто не думал спрашивать его мнение в деле царского избрания. Каким бы ничтожным ни выглядел царь Федор, народ верил ему. Администрация всех рангов сверху донизу правила его именем. Все ее распоряжения исходили от законного государя. Борис же не был прирожденным царем. Как мог он при этом претендовать на место «земного бога»? Неторопливый крестьянский ум не сразу сумел найти ответ на столь трудный вопрос. Борис постарался одним ударом завоевать привязанность сельского населения. Его указ как нельзя лучше отвечал такой цели. Именем Федора у крестьян отняли волю. Теперь Борис восстановил Юрьев день и взял на себя роль освободителя. Его указ понятными словами объяснял крестьянам, сколь милостив к ним «великий государь», который «пожаловал во всем (!) своем государстве от налога и от продажи, велел крестьяном давати выход» (*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией, т. 2, с. 20*).

Б. Д. Греков полагал, что крестьянская политика Годунова отвечала интересам служилой массы. Но В. И. Корецкий пересмотрел его мнение и доказал, что восстановление Юрьева дня вошло в противоречие с интересами мелкого дворянства. В самом деле, законы 1601-1602 гг. временно восстановили крестьянские переходы только на землях провинциального дворянства, низших офицеров и мелких приказных чинов. Указы категорически подтверждал и крепостное состояние крестьян, принадлежавших членам Боярской думы, столичным дворянам, дьякам и духовенству. Таким образом, Годунов выступил как решительный защитник привилегий знати и верхов феодального сословия, непосредственно участвовавших в его избрании. Юрьев день не был возобновлен также в пределах Московского уезда и на государственных, черносошных, землях. Борис не желал восстанавливать против себя мелких московских помещиков, постоянно обретающихся в столице. Что касается черносошных земель, они служили важнейшим источником казенных доходов, и власти старались сохранить черносошных крестьян на их старых наделах.

Годунов избегал таких шагов, которые могли вызвать раздражение знати, и в то же время не побоялся раздражения мелкого дворянства - самой многочисленной прослойки господствующего класса. Вопреки мнению С. Ф. Платонова, Бориса нельзя считать дворянским царем, всецело связавшим свою судьбу с интересами «среднего» служилого сословия.

Сделав временные уступки крестьянству, власти постарались по возможности сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное на мелких землевладельцев. Можно было ожидать, что с восстановлением Юрьева дня крестьяне хлынут на земли привилегированных землевладельцев, имевших возможность предоставлять новоприходцам большие ссуды и льготы. Правительство отвело эту угрозу, запретив богатым землевладельцам звать к себе крестьян. Что касается провинциальных дворян, то они получали право вывозить разом не более одного-двух крестьян из одного поместья. Такое распоряжение заключало в себе определенный экономический смысл.

При Борисе Годунове Россия впервые пережила общий голод в условиях закрепощения крестьян, что создало особые трудности для мелкокрестьянского производства. На протяжении века Юрьев день играл роль своего рода экономического регулятора. При неурожаях крестьяне немедленно покидали помещиков, отказывавшихся помочь им, и уходили к землевладельцам, готовым ссудить их семенами и продовольствием. В условиях закрепощения небогатые поместья превращались в своего рода западню: крестьянин ни подмоги не получал, ни уйти прочь не имел права. Законы Годунова открыли перед крестьянами двери ловушки. В то же время они мешали предприимчивым дворянам свезти к себе из соседнего поместья многих крестьян, на подмогу которым у них не было средств.

Правительство разрешало переходы в пределах средних и мелких поместий, руководствуясь прежде всего финансовыми соображениями. Только выход и подмога спасли бы крестьян бедствующих поместий и предотвратили запустение тягла, обеспечивавшего казенный доход. Поскольку мелкие помещики составляли главную массу феодального сословия, следует признать, что большая часть крестьянского населения получила шансы воспользоваться указом царя Бориса. При определенных условиях восстановление Юрьева дня помогло бы мелкокрестьянскому производству пережить неурожайные годы, разрядило бы недовольство закрепощенного крестьянства. Но произошло ли это в действительности? Между изданием закона и его претворением в жизнь пролегла пропасть.

Крестьяне по-своему истолковали благосклонное обращение к ним нового царя. Они отказывались платить «налоги и продажи», подати и оброки, переселялись на удобные для них земли, не обращая внимания на то, что

добрая половина земель в государстве оставалась заповедной. Реакция крестьян была столь бурной, что при повторном издании указа в 1602 г. из него исключили слова о даровании выхода «от налога и от продаж».

Что касается помещиков, то они всеми силами противились уступкам в пользу крепостных, даже ограниченным и временным. Сопротивление дворян достигло таких масштабов, что власти включили в текст указа 1602 г. пункты, призванные оградить крестьян от помещичьих насилий и грабежа. «Сильно бы дети боярские крестьян за собой не держали, - гласил закон, - и продаж им некоторых не делали, а кто учнет крестьян грабити и из-за себя не выпускати, и тем от нас быти в великой опале» (*Там же, с. 23*). Словесные угрозы опалы не могли испугать дворян, коль скоро дело касалось доходов. Без крестьян мелкого помещика ждала нищенская сума. Со своей стороны, крепостническое государство не помышляло ни о каких серьезных санкциях против дворянской массы, составлявшей его социальную опору. Попытки облегчить положение голодающей деревни, как видно, не удались.

В конечном счете тонко рассчитанная политика Годунова никого не удовлетворила. Династия сохранила поддержку верхушки феодального класса, зато в среде мелкого дворянства ее популярность стала быстро падать.

Борису не удалось завоевать народные симпатии. Насилия помещиков и голод ожесточили крестьянство. И 1603 г. страна впервые в своей истории стала ареной широкого повстанческого движения. Источники официального происхождения старались дискредитировать выступления низов, называя их «разбойными» (*ПСРЛ, т. XIV, с. 58*). На самом деле в России назревала крестьянская война. Царь Борис поручил борьбу с повстанцами окольничему Ивану Бутурлину, одному из лучших воевод периода Ливонской войны. Как глава Разбойничего приказа Бутурлин посылал дворянские отряды против «разбоев» в Коломну, Волоколамск, Можайск, Вязьму, Медынь, Ржев, Белую и другие уезды. Охваченные восстанием территории окружали Москву со всех сторон. Наконец «разбой» появился в непосредственной близости от столицы.

С мая 1603 г. москвичи стали свидетелями военных приготовлений неслыханных масштабов. Можно было подумать, что городу вновь угрожают татары. Борис разбил столицу на множество секторов и поручил их оборону пяти боярам и семи окольничим. Осенью окольничий Иван Басманов, охранявший порядок на Арбате, «в деревянном городе», выступил в поход против «разбоев». Воеводы прочих секторов остались на месте. Власти опасались, очевидно, не столько повстанцев, сколько волнений в столице. В бою с правительственными войсками «разбой» проявил много упорства и смелости. Воевода Басманов погиб. Но мятежники понесли поражение, их вождь Хлопко был взят в плен и повешен.

Пламя восстания охватило многие уезды страны. «Разбой» казался неуловимым. Они появлялись повсюду. В Москве вскоре убедились, что одних военных мер недостаточно.

16 августа 1603 г. царь Борис издал указ, суливший свободу всем кабальным холопам, которым господа отказывали в пропитании в годы голода. Правительство прибегло к ловкому ходу, чтобы заставить восставших холопов сложить оружие. Власти настойчиво звали холопов в Москву, где они могли получить отпускные в приказе Холопского суда. Приказ принимал заявления холопов на веру даже в тех случаях, когда «государей их на Москве нет». Среди холопов наибольшую опасность представляли боевые слуги. Они привыкли владеть оружием, в отличие от страдников и крестьян, не имевших никаких военных навыков. Благодаря этим людям повстанческие отряды выдерживали крупные столкновения с правительственными войсками. К ним правительство апеллировало в первую очередь.

В целом движение 1603 г. было движением социальных низов. Государство не могло справиться с ним без привлечения всей массы мелкого провинциального дворянства. Когда опасность миновала, дворяне потребовали от Годунова услуги за услугу. Под их давлением Борис отказался от уступок в пользу крестьян и в 1603 г. аннулировал закон о временном восстановлении Юрьева дня. Возврат к старому крепостническому курсу сделал неизбежной крестьянскую войну.

Глава 12

ГРИГОРИЙ ОТРЕПЬЕВ

История самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, принадлежит к числу самых драматических эпизодов своего времени.

Избрание Бориса не положило конец боярским интригам. Сначала звать пыталась противопоставить Годунову хана Симеона, позже - самозванного Дмитрия. Полузабытого царевича вспомнили на другой день после кончины царя Федора. Прокравшиеся в Смоленск литовские лазутчики услышали о нем много удивительного. Одни толковали, будто Дмитрий жив и прислал им письмо, другие - будто Борис велел убить Дмитрия, а потом стал держать при себе его двойника с таким расчетом: если самому не удастся овладеть троном, он выдвинет лжецаревича, чтобы забрать корону его руками. Небылицы сочинили враги Годунова. Они старательно чернили нового царя, а его противников, бояр Романовых, превозносили. Передавали, что старший из братьев Романовых открыто обвинил Бориса в убийстве двух сыновей Грозного и пытался собственноручно покарать злодея (*Русский архив, 1910, № II, с. 41*).

Всем этим толкам невозможно верить. Слишком много в них несообразностей. Но они помогают установить, кто оживил призрак Дмитрия. То были круги, близкие к Романовым.

После коронации нового царя рассказы о самозванце заглохли сами собой. Но вскоре Борис тяжело заболел. Борьба за трон казалась неизбежной, и призрак Дмитрия воскрес вторично. Три года спустя таинственная и неуловимая тень обрела плоть: в пределах Польско-Литовского государства появился человек, назвавшийся именем погибшего царевича.

В России объявили, что под личиной Дмитрия скрывается беглый чернец Чудова монастыря Гришка Отрепьев. Может быть, московские власти назвали первое попавшееся имя? Нет, это не так. Поначалу они считали самозванца безвестным вором и баламутом и, лишь проведя тщательное расследование, установили его имя. Доказать тождество Гришки и лжецаревича с полной неопровержимостью власти, конечно, не могли. Но они собрали подробные сведения о похождениях реального Отрепьева, опираясь на показания его матери, дяди и прочих родственников-галичан. Дядя Григория, Смирной-Отрепьев, оказался самым толковым свидетелем, и царь Борис послал его в Польшу для обличения племянника.

Мелкий галицкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве инок Григорий, постригся в одном из русских монастырей, после чего сбежал в Литву. На этих решающих событиях его жизни царская канцелярия и сосредоточила все свое внимание. Почему же ее высказывания насчет беглого монаха полны противоречий? Как объяснить многочисленные неувязки в официальных жизнеописаниях Отрепьева?

Свою первую версию русские власти адресовали польскому двору. В Польше они заявили буквально следующее: «Юшка Отрепьев, як был в миру, и он но своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зерню и бражничал и бегал от отца многажды и, заворовався, постригсе у чернцы» (*Сб. Русское историческое общество, т. 137. СПб., 1912, с. 176*). Автором назидательной новеллы о беспутном дворянском сынке был, по-видимому, Смирной-Отрепьев, вернувшийся из Польши после неудачной попытки свидеться с племянником.

Царские дипломаты толковали про Отрепьева не только в Кракове, но и в Вене, столице австрийских Габсбургов. Царь Борис направил императору личное послание. Оригинал его, до сих пор не опубликованный, хранится в Венском архиве. Нам удалось познакомиться с ним.

Вот что писал Борис по поводу беглого монаха: Юшка Отрепьев «был в холопех у дворянина нашего, у Михаила Романова, и, будучи у него, учал воровать, и Михайло за его воровство велел его збити з двора, и тот стражник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырях, а назвали его в чернцах Григорием» (*Центральный государственный архив древних актов, 3/А, 28, Австрия*).

В далекой Вене московские дипломаты проявили большую откровенность, чем в Кракове. Там они впервые назвали покровителя самозванца. Правда, связав воедино имена Отрепьева и Романова, дипломаты тут же попытались рассеять подозрение, будто авантюриста выдвинула влиятельная боярская партия. От поляков вообще утаили, что Отрепьев служил Романовым. Австрийцев постарались убедить, будто Романовы не были пособниками интриги, а сами прогнали от себя самозванца.

Сравнение двух официальных версий пострижения Гришки наводит на мысль о том, что царская канцелярия фальсифицировала этот эпизод из его биографии. Цель подобной фальсификации предельно ясна. Московские власти старались изобразить Отрепьева преступником уголовным, а не политическим и тем самым доказать, что за его спиной не стояло никакой влиятельной оппозиции.

Разъяснения за рубежом были сделаны в то время, когда в самой России имя самозванца находилось под запретом. Все толки о чудесно спасшемся царевиче беспощадно пресекались. Но наконец Лжедмитрий вторгся в страну, и молчать стало невозможно. Враг оказался значительно опаснее, чем думали в Москве, и, хотя он терпел поражение в открытом бою, никакая сила не могла изгнать его за пределы государства.

Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, больше никого не могли убедить. Ложь дипломатов рушилась сама собой. Тогда-то за обличение еретика взялась церковь. Патриарх объявил народу, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовався, от смертныя казни постригся и черпыцы и был по многим монастырям», служил на патриаршем дворе, а потом сбежал в Литву (*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией, т. 2, с. 78-79*). Чтобы уяснить себе, как современники восприняли откровения патриарха, надо знать, что в старину воровством называли чаще всего неповиновение властям, измену и прочие политические преступления. Дипломатические документы называли в качестве причин пострижения Гришки пьянство и воровство. Из патриаршей же грамоты следовало, что он постригся из-за преступлений, совершенных на службе у Романовых.

После гибели Годуновых и смерти Лжедмитрия I царь Василий Шуйский, вождь заговора против самозванца, нарядил новое следствие по делу Отрепьева. Он огласил историю Гришки с большими подробностями, чем Борис. В частности, Шуйский сообщил полякам, что Юшка Отрепьев «был в холопех у бояр Микитиных, детей Романовича, и у князя Бориса Черкаскова и, заворовався, постригся в чернцы» (*Сб. Русское историческое общество, т. 137, с. 247, 319*).

Из новых официальных заявлений стало ясно, что Отрепьев был связан по крайней мере с двумя знатнейшими боярскими фамилиями - с Романовыми и Черкасскими.

Мера откровенности объяснялась прямым политическим расчетом. Придя к власти, Шуйский пытался привлечь уцелевших Романовых на свою сторону. Он назначил постриженного Федора Романова патриархом, а его брата Ивана - боярином. Хитроумный ход, однако, не дал желаемых результатов. При первой же возможности Романовы примкнули к заговору против Шуйского. Новый царь не имел более причин щадить своих соперников. Он полностью отказался от старой выдумки насчет изгнания Отрепьева с романовского подворья и обнаружил дополнительные факты из его ранней биографии.

Версия Шуйского отличалась большей достоверностью, нежели годуновская, поскольку с гибелью Бориса вопрос о причастности боярской оппозиции к самозванческой интриге утратил прежнюю остроту. Кроме того, Шуйский адресовался к польскому двору, прекрасно осведомленному насчет прошлого собственного ставленника. Непрочно сидевшему на троне царю пришлось держаться ближе к фактам: любые измышления по поводу Отрепьева могли быть опровергнуты польской стороной.

Службу Отрепьева у бояр романовского круга, по-видимому, можно считать подлинным историческим фактом. Какую роль сыграл данный эпизод в биографии авантюриста? Современники обошли этот вопрос молчанием. И только один летописец, живший в царствование первых Романовых, пренебрег осторожностью и приоткрыл краешек завесы. Им был автор «Сказания о расстриге». «Гришка Отрепьев, - повествует он, - утаився страха ради царя Бориса, иже гонение воздвиге на великих бояр... Федора Никитича Романова и с братьею... в заточение посылает, тако же и князь Бориса Келбулатовича... тако же в заточение посла. Сей же Гришка Отрепьев ко князю Борису Келбулатовичу в его благодатный дом часто приходил и от князя Бориса Келбулатовича честь приобрел, и тоя ради вины на него царь Борис негодовал, той же лукав сый, вскоре избежав от царя, утаився во един монастырь и пострижися» (*Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1847, кн. 9, с. 3-4*). Автор «Сказания» предан Романовым, он усердствует, стараясь смягчить крайне неприятные для новой династии факты. Он как бы хочет сказать: полно, Отрепьев вовсе не служил ни Михаилу Романову, ни Борису Черкасскому, он только захаживал в дом Черкасских.

Летописец прекрасно разбирался в семейных делах Черкасских. Он знал, что их осудили заодно с Романовым, что за князем Борисом в ссылку последовали его жена и сын Иван. Тем более интересно его замечание о том, что Отрепьев был у Черкасского в чести. Значит, Юрий Богданович не затерялся среди многочисленной боярской дворни, а, напротив того, смог выдвинуться на княжеской службе.

Долгое время свидетельству «Сказания о расстриге» не придавали большого значения. Источник не воспринимали всерьез из-за обилия в нем недостоверных деталей. Но вот характерный штрих. Все вымыслы «Сказания» относятся исключительно к литовскому периоду жизни Отрепьева. О московских похождениях Гришки автор «Сказания» знал несравненно больше. Уникальные подробности, почерпнутые из этого сложного источника, разумеется, можно использовать лишь после всесторонней проверки. Попробуем проделать необходимую работу.

Московский период жизни Отрепьева беден событиями. После службы на боярских дворах он некоторое время монашествовал, а потом исчез в Литве. Самый загадочный эпизод в биографии Отрепьева - его блуждания по провинциальным монастырям. Современники знали о них понаслышке и неизменно противоречили друг другу, едва начинали перечислять места, в которых останавливался чернец. Один из летописцев отметил, что Гришка прожил три года в монастыре под Галичем, а потом два года «пребываше и безмолствовавшее» в Чудове. Осведомленность этого летописца не слишком велика. Железноборский галичский монастырь Иоанна Предтечи он почему-то именует обителью живоначальной Троицы Костромского уезда. Совсем фантастичен его рассказ о посещении Отрепьевым царицы Марии Нагой в монастыре на Выксе.

Автор «Иного сказания» описывал хождения Отрепьева по монастырям совсем иначе. По его словам, Гришка начал с жительства в Спасо-Евфимиеве монастыре в Суздале, позже перебрался в Чудов монастырь и лишь под конец - в Предтеченскую обитель на Железном Борку.

Составленное при Романовых «Иное сказание» преподносило читателям романтическую легенду о том, как 14-летний Юшка стал монахом под влиянием душеспасительной беседы с вятским игуменом, которого он случайно встретил в Москве. Слишком близка эта сказка к политике, чтобы поверить в нее. На самом деле не душеспасительная беседа, а служба у опальных бояр привела Юшку в монастырь. Но при Романовых опасно было вспоминать о связи родоначальника династии со зловерным еретиком.

В поисках истины попробуем опереться на материалы раннего происхождения.

При Шуйском власти установили, что Гришка определенно побывал в двух провинциальных монастырях - в Суздале и Галиче, а потом «был он в Чудове монастыре в дияконех 3 год». Эта деталь биографии Отрепьева заслуживает особого внимания. Царская канцелярия расследовала чудовский период жизни Отрепьева своевременно, по свежим следам. Чудовскому архимандриту пришлось дать объяснения, почему он раскрыл перед Гришкой двери обители.

Жизнеописание Отрепьева, составленное при Шуйском, не сообщает, сколько времени провел чернец в провинциальных монастырях. Но тут на помощь историкам приходит один из самых осведомленных современников Гришки, князь Шаховской. В своих записках он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил монашескую рясу очень недолго: «По мале же времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречистые обители архистратига Михаила» (*Русская историческая библиотека, т. XIII, с. 638*).

Если верно то, что пишет Шаховской, значит, Отрепьев не жительствова в провинциальных монастырях, а бегал по ним. Поздние писатели забыли об этом и невольно преувеличили сроки его монашеской жизни.

Произведем теперь несложный арифметический подсчет. Чудовский монах отправился за рубеж в феврале 1602 г., а до того провел в Чудове монастыре примерно год. Следовательно, он объявился в кремлевской обители в самом начале 1601 г. Если верно, что Юшка надел куколь незадолго до этого, значит, он постригся в 1600 г. Цепь доказательств замкнулась. В самом деле, Борис разгромил бояр Романовых и Черкасских как раз в 1600 г. Не подтверждает ли это версию, согласно которой пострижение Отрепьева было непосредственно связано с крушением романовского круга? И вот еще одно загадочное совпадение: именно в 1600 г. по всей России распространилась молва о чудесном спасении царевича Дмитрия, которая, вероятно, и подсказала Отрепьеву его роль.

По-видимому, семья Отрепьевых имела давние связи с Угличем, резиденцией погибшего царевича. Предки Григория выехали на Русь из Литвы. Одни из них осели в Галиче, а другие - в Угличе. В 1577 г. неслужилый «новик» Смирной-Отрепьев и его младший брат Богдан получили поместье в Коломне. В то время Богдану едва

исполнилось 15 лет. Несколько лет спустя у него появился сын, названный Юрием. Примерно в то же время у царя Ивана родился сын Дмитрий. Совершеннолетия Юшка достиг в самые последние годы царствования Федора.

Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника и рано погиб. Наверное, Богдан обладал таким же буйным характером, как и его сын. Жизнь сотника оборвалась в Немецкой слободе в Москве. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались пьяные драки. В одной из них Богдана зарезал некий литвин.

Юшка остался после отца своего «млад зело», и воспитывала его мать. Благодаря ее стараниям мальчик научился читать Священное писание. Когда возможности домашнего образования оказались исчерпанными, дворянского недоросля послали на учение в Москву. Там жил зять Отрепьевой, Семейка Ефимьев, которому суждено было сыграть в жизни Юшки особую роль. Уже после пострижения Гришка стал переписчиком книг на патриаршем дворе. Без каллиграфического почерка он никогда бы не получил это место. Не в доме ли дядка Ефимьева он научился писать? В московских приказах ценили каллиграфическое письмо, и приказные дельцы вроде Ефимьева обладали хорошим почерком.

Ранние жизнеописания изображали юного Отрепьева беспутным негодяем. При Шуйском такие отзывы были забыты. Во времена Романовых писатели не скрывали удивления по поводу способностей необыкновенного юноши, но при том высказывали благочестивое подозрение, не общался ли он с нечистой силой. Учение давалось Отрепьеву с поразительной легкостью, и в непродолжительное время он стал «зело грамоте горазд».

Бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежду на выдающуюся карьеру. В конце концов Юрий поступил на службу к Михаилу Романову. Многие считали Романовых наследниками короны. Служба при их дворе, казалось бы, сулила блестящее будущее. К тому же родовое гнездо Отрепьевых располагалось на Монзе, притоке Костромы, и там же находилась знаменитая костромская вотчина Романовых - село Домнино. Соседство по имению, видно, тоже сыграло роль в том, что провинциальный дворянин отправился на московское подворье бояр Романовых.

«Наказы» Шуйского называют Юрия Отрепьева боярским холопом. Этот полемический выпад нельзя принимать всерьез. Юшка служил Михаилу Романову скорее всего добровольно, иначе как мог он перейти на службу к Черкасскому?

На государственной службе Отрепьевы подвизались в роли стрелецких командиров. В боярских свитах дворяне их ранга занимали должности дворецких и конюших. Юшка «принял честь» от Черкасского, значит, его карьера началась вполне успешно.

Опала, постигшая романовский кружок в ноябре 1600 г., едва не погубила Отрепьева. Под стенами романовского подворья произошло форменное сражение. Вооруженная свита оказала отчаянное сопротивление царским стрельцам. Царь Иван в таких случаях подвергал боярскую дворню поголовному истреблению. Но Борис не хотел следовать его примеру. Он ограничился тем, что подверг пытке «ближних» слуг (многие на пытках «помираху») и запретил всем принимать к себе на службу людей из распущенных боярских свит. Зато «большие господа» и их ближайшие советники подверглись самым жестоким карам. Окольничий Михаил Романов и боярин Борис Черкасский погибли в ссылке.

Юшке Отрепьеву, видно, угрожала нелегкая участь. Патриарх говорил, что он спасся в монастыре «от смертны казни». Борис выражался еще определеннее: боярского слугу ждала виселица!

Не благочестивая беседа, а страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. 20-летнему дворянину, полному надежд, сил и энергии, пришлось покинуть свет, забыть мирское имя. Отныне он стал смиренным чернцом Григорием.

Во время своих скитаний новоиспеченный монах определенно побывал в галичском Железноборском монастырьке (по некоторым сведениям, он там и постригся) и в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре. Если мы взглянем на карту, то убедимся, что оба названных пункта лежат и одним и тем же направлением - к северо-востоку от Москвы. Естественно предположить, что слуга опальных бояр искал спасения в родных краях.

По преданию, в Спасо-Евфимиевом монастыре Гришку отдали «под начало» духовному старцу. Жизнь «под началом» оказалась стеснительной, и чернец покинул Спасскую обитель. В суздальском монастыре Отрепьев задержался, по-видимому, все-таки дольше, чем в других попутных обителях.

Переход от жизни в боярских теремах к прозябанию и монашеских кельях был слишком резким. Чернец поневоле тяготился монашеским одеянием. Столица притягивала его своими соблазнами. Очень скоро Отрепьев покинул провинциальную глушь.

Как же осмелился он вновь появиться в Москве? Во-первых, царь отправил Романовых в ссылку и прекратил розыск. Оставшиеся в живых опальные очень скоро заслужили прощение. Во-первых (*видимо опечатка и следует читать «во-вторых» - примечание М.Д. – OCR*), по словам современников, монашество на Руси нередко спасало преступников от наказания.

Как мог опальный инок попасть в Чудов, самый аристократический, кремлевский, монастырь? Дядки Шуйского удовлетворительно ответили на этот вопрос: нашлось много свидетелей водворения провинциала в Кремле. Выяснилось, что Григорий воспользовался протекцией: «бил челом об нем в Чудове монастыре архимариту Пафнотью» (что ныне крутицкой митрополит, добавили от себя дядки) «богородитцкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни; и архимарит Пафнотий, для бедности и сиротства взяв его в Чудов монастырь, дал под начало» (*Сб. Русское историческое общество, т. 137, с. 247*).

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре отличил его и перевел в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. «Живучи-де в Чудове монастыре у архимарита Пафнотия в келии, - рассказывал он знакомым монахам, - да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и

Алексею, и Ионе» (*Русская историческая библиотека, т. XIII, с. 19*). Старания Отрепьева были оценены, и с этого момента начался его стремительный, почти сказочный взлет.

Григорий был очень молод и провел в монастыре без году неделю. Несмотря на это, Пафнутий произвел его в дьяконы. Роль келейника влиятельного чудовского архимандрита могла удовлетворить любого, но не Отрепьева. Покинув архимандричью келью, чернец переселился на патриарший двор. Придет время, и патриарх будет оправдываться тем, что он приглашал к себе Гришку лишь «для книжного письма». На самом же деле Отрепьев не только переписывал книги на патриаршем дворе, но и сочинял каноны святым. Патриарх говорил, что чернеца Григория знают и епископы, и игумены, и весь священный собор. Вероятно, так оно и было. На собор и в думу патриарх являлся с целым штатом помощников. В числе их оказался и Отрепьев. Своим приятелям чернец говорит так: «Патриарх-де, видя мое досужество, и учал на царскую думу вверх с собою меня имати, и в славу-де [я] вшел великую». Заявление Отрепьева насчет его великой славы нельзя считать простым хвастовством.

Потерпев катастрофу на службе у Романовых, Отрепьев поразительно быстро приспособился к новым условиям жизни. Случайно попав в монашескую среду, он заметно выделялся в ней. Юному честолюбцу помогли выдвинуться не подвиги аскетизма, а необыкновенная восприимчивость натуры. В течение месяцев Григорий усваивал то, на что другие тратили жизнь. Церковники сразу оценили живой ум и литературные способности Отрепьева. Но было в этом юноше и еще что-то, что притягивало к нему и подчиняло других людей. Служка у деда Замятни, келейник чудовского архимандрита и, наконец, придворный патриарха! Надо было обладать незаурядными качествами, чтобы сделать такую выдающуюся карьеру в течение всего одного года. Однако Отрепьев очень спешил, должно быть чувствуя, что ему суждено прожить совсем недолгую жизнь...

При царе Борисе Посольский приказ пустил в ход версию, будто Отрепьев бежал от патриарха после того, как прослыл еретиком. Юшка отверг родительский авторитет, восстал против самого бога, впал в «чорнокнижье, и призыване духов нечистых и отречения от бога у него выняли». В наказание патриарх со всем вселенским собором «по правилам святых отцов и по соборному уложению приговорили сослати [Отрепьева]... на Белое озеро в заточенье на смерть».

Московские власти адресовали подобные заявления польскому двору. Они старались доказать, что Отрепьев был осужден судом. Это давало им повод требовать от поляков выдачи беглого преступника.

При Шуйском Посольский приказ весь эпизод осуждения Отрепьева уместил в одну-единственную строку: чернец Григорий впал «в еретичество», и его «с собору хотели (!) сослатъ в заточенье на смерть». Тут не было и речи о соборном уложении, осудившем Отрепьева.

Версия, рассчитанная на границу, не совпала с версией, предназначенной для внутреннего пользования.

После гибели Лжедмитрия дьяки Шуйского составили подборку документов с краткой справкой о личности самозванца. В справке служебного назначения говорилось, что в 1602 г. из Чудова монастыря убежал в Литву «диакон черной Григорий Отрепьев, и в Киеве и в пределах его... и чернокнижество обратися, и ангельский образ сверже и обруга, и по действу вражию отступив зело от бога» (*Сб. Русское историческое общество, т. 137, с. 193-194*). Оказывается, Отрепьев впал в ересь уже после побега за рубеж! Значит, до побега у патриарха попросту не было основания для того, чтобы приговорить Отрепьева к смерти.

Когда московские епископы писали в Польшу, будто они обличили чернеца Григория «перед собой» и осудили на смерть, они грешили против истины. На самом деле они проклинали Отрепьева лишь после того, как в Литве объявился Лжедмитрий.

Розыск о похождениях Григория Отрепьева в пределах России не потребовал от московских властей больших усилий. Зато расследование его деятельности за рубежом сразу натолкнулось на непреодолимые трудности. В конце концов годовушская полиция смогла заполучить двух бродячих монахов, которые «проводжали» Гришку за кордон и «знались» с ним в Литве.

Но бродяги, неизвестным путем попавшие в руки властей, не внушали доверия никому, включая правительство. Власти, не церемонясь, звали их «ворами». Авторитетные свидетели объявились в Москве только два года спустя. Бориса уже не было в живых. В столице произошел переворот, покончивший с властью и жизнью Лжедмитрия I. Главварь заговорщиков Василий Шуйский нуждался в материалах, неопровержимо доказывавших самозванство свергнутого им «царя Дмитрия». В такой момент в Москву как нельзя более кстати прибыл чернец Варлаам, обратившийся к правительству со знаменитым «Изветом».

Сочинение Варлаама считали ловкой подделкой, предпринятой в угоду властям предрежущим. Даже такой глубокий и осторожный в своих выводах исследователь, как С. Ф. Платонов, называл «Извет» скорее любопытной сказкой, чем показанием достоверного свидетеля. Но отношение к «Извету» со временем стало меняться. Обнаружилось, что летописный текст «Извета» отличается от вновь открытых архивных. В этих последних отсутствовали цитаты из грамот Лжедмитрия I, украшавшие летописный список и вызывавшие наибольшее недоверие. Последние подозрения насчет возможности поздней подделки рассеялись сами собой, когда в подлинных описях царского архива начала XVII в. нашли прямые указания на следственное дело старца Варлаама Яцкого.

Отрепьев бежал за кордон не один, а в сопровождении двух монахов - Варлаама и Мисаила. Имя сообщника Отрепьева, «вора» Варлаама, было всем известно из борисовых манифестов. Варлаам вернулся в Россию через несколько месяцев после воцарения Лжедмитрия I. Воеводы самозванного царя на всякий случай задержали «вора» на границе и в Москву не пустили.

Со смертью Лжедмитрия I ситуация переменялась. Московское духовенство заочно осудило не только Отрепьева, но и его сообщника. Взятый к допросу Варлаам имел все основания ожидать, что его заточат в тюрьму. Мало надеясь на благополучный исход дела, беглый монах закончил свою челобитную удивительной просьбой.

«Милосердный царь-государь и великий князь Василий Иванович всея Руси, - писал он, - пожалуй меня, богомольца своего, вели отпустить на Соловки к Зосиме и Саватею» (*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией, т. 2, с. 143*).

Монастырь на пустынных островах Студеного моря давно превратился в место ссылки особо опасных государственных преступников. Почему же Варлаам просился на Соловки? Очевидно, убийство самозванца так напугало его, что ссылку на Север он считал лучшим для себя исходом.

Бросается в глаза одна интересная особенность сочинения Варлаама. Если бы беглый монах продал свое перо новым властям и написал подложными «Извет» под их диктовку, он употребил бы красноречие на обличение самозванца в первую очередь. Однако в «Извете» Варлаам не столько бранил Отрепьева, сколько оправдывал себя. Безыскусность его рассказа поразительна. Страх наказания за пособничество Отрепьеву удивительно контрастирует с наивным стремлением выставить себя противником расстриги.

Варлаам выказывает исключительную осведомленность о первых шагах самозванца в Литве. Никому из русских авторов, кроме Варлаама, не известен тот факт, что в Самборе самозванец велел казнить московского дворянина, пытавшегося изобличить его как Гришку Отрепьева. Эпизод этот засвидетельствован документом, не внушающим сомнения, - письмом Юрия Мнишека из Самбора, написанным тотчас после казни годуновского агента.

В то самое время как по милости «царевича» лишился головы первый москвит, Варлаам угодил в самборскую тюрьму. На этом факте автор челобитной пытается построить всю свою защиту. Он называет казненного дворянина «товарищем» и просит московские власти допросить Юрия Мнишека, чтобы удостовериться в истинности его слов. Во время допросов Варлаама Юрий Мнишек и вдова Лжедмитрия в самом деле находились под следствием в Москве и допросить их было можно.

Историки выражали крайнее удивление по поводу того, что Варлаам помнил точную дату выступления самозванца из Самбора в московский поход - «августа в пятый на десять день». На этом основании автора «Извета» подозревали в мистификации и в том, что он составил «Извет» по поздним документам. Точность Варлаама в данном случае легко объяснима. Старец не мог забыть день, когда самозванец выступил из Самбора, так как именно в этот день за ним захлопнулись двери самборской тюрьмы.

Варлаам рассказывает о том, что вышел из тюрьмы после пятимесячного заключения благодаря милости Марины Мнишек. Как видно, он не имел ни малейшего представления о подлинные причины своего освобождения. Причины же эти были достаточно просты. В течение четырех месяцев Лжедмитрию сопутствовал успех. Но затем его армия подверглась разгрому и сам он едва избежал плена. Юрий Мнишек заблаговременно покинул его лагерь. Авантюре, казалось, пришел конец. В такой ситуации вопрос о безопасности самозванца перестал волновать владельцев Самбора и они «выкинули» Варлаама из самборской тюрьмы.

Старец Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших жизнь и приключения Гришки Отрепьева. Стремясь снять с себя подозрения в пособничестве Отрепьеву, Варлаам одновременно старался возможно более точно изложить факты, касавшиеся «исхода» трех бродячих монахов в Литву. Его сочинение пестрит точными датами. Но можем ли мы доверять им? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Варлаам описал события, от которых его отделяло от двух до пяти лет. Очевидно, времени прошло не слишком много. К тому же старый монах прекрасно ориентировался в церковных праздниках. Он не забыл, что Москву покинул «в великий пост на другой неделе», что в Новгород-Северском служил «на Благовещеньев день», перешел рубеж «на третьей недели после велика дни» и т. д.

Варлаам старательно умалчивал о том, что предшествовало «исходу» в Литву, и представлял дело так, будто познакомился с Отрепьевым случайно, за день до отъезда из Москвы. Однажды, повествует Варлаам, он шел по Варварке (это была самая многолюдная торговая улица, проходившая мимо нынешней гостиницы «Россия»), вдруг его догнал молодой чернец, назвавшийся Григорием Отрепьевым. Григорий предложил ему ехать в Чернигов и дальше, ко гробу господню. Варлаам согласился, и на другой день чернецы выехали из столицы.

Исследователи недоумевали, как мог Варлаам из-за случайной встречи с незнакомым человеком без промедления пуститься в трудный и далекий путь.

Самое сомнительное в рассказе Варлаама, конечно, то, что он, по его словам, не был прежде знаком с Отрепьевым. Что же касается внезапности отъезда, то тут как раз нет ничего удивительного. Дело происходило в последние зимние дни 1602 г., когда в Москве царил голод. Хотя Варлаам и утверждал, будто принял предложение Отрепьева «для душевного спасения», на самом деле монахов торопили в путь не души, а бранные тела. Раньше Варлаама к Отрепьеву присоединился Мисаил, его приятель по Чудову монастырю.

Отъезжавших монахов никто в городе не преследовал. В первый день они спокойно беседовали на центральной посадской улице, на другой день встретились в Иконном ряду, прошли за Москву-реку и там наняли подводу до Волхова. Никто не тревожил бродячих монахов и в порубежных городах. Отрепьев открыто служил службу в церкви. В течение трех недель друзья собирали деньги на строительство захолустного монастыря. Все собранное серебро иноки присвоили себе.

Легендарное «Сказание об Отрепьеве» живо описывает сцену в корчме, которая получила широкую известность благодаря трагедии А. С. Пушкина. Трое беглецов остановились в деревне на самой границе, но тут неожиданно узнали, что на дороге выставлены заставы. Отрепьев стал «от страху яко мертв» и молвил попутчикам: «Нас ради застава сия, аз же утаився Иова патриарха и с вами бегу ся ять».

Весь этот рассказ вымышлен. Отъезд Отрепьева и его друзей из Москвы попросту никем не был замечен. Власти не имели причин принимать экстренные меры для их поимки. Беглецы миновали рубеж без всяких приключений. Сначала монахи, как о том повествует Варлаам, провели три недели в Печерском монастыре в Киеве, а потом перешли во владения князя Константина Острожского, в Острог.

Показания Варлаама относительно пребывания беглецов в Остроге летом 1602 г. подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В свое время Л. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни книгу, отпечатанную в Остроге в 1594 г., с надписью: «Лета от сотворении миру 7110-го (1602 г.- *Р.С.*), месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию з братею, с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во светом крещении Василей, божиею милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский» (*Вестник Западной России, т. II, кн. 6. Вильно, 1866, с. 96*). Как видно, Отрепьев, проведя лето в Остроге, успел снискать расположение магната и получил от него щедрый подарок.

Покинув Острог, трое монахов благополучно водворились в Дерманском монастыре, принадлежавшем Острожскому. Но Отрепьев не для того покинул патриарший дворец и кремлевский Чудов монастырь, чтобы похоронить Себя в захолустном литовском монастырьке. По свидетельству Варлаама, Григорий скрылся из владений Острожского, сбросил монашеское одеяние и, наконец, объявил себя царевичем. Неизвестная рука сделала в книге Василия Великого дополнение к дарственной надписи. Над словом «Григорию» кто-то вывел слова «царевичю московскому». Автором новой подписи мог быть либо один из трех владельцев книги, либо кто-то из их единомышленников, уверовавших в «царевича».

Поправка к дарственной надписи замечательна не сама по себе, а всего лишь как подтверждение показаний Варлаама.

Для проверки «Извета» Варлаама П. Пирлинг впервые привлек один любопытный источник - исповедь самозванца. Когда Адам Вишневецкий известил короля о появлении московского «царевича», тот затребовал подробные объяснения. И князь Адам записал рассказ самозванца о его чудесном спасении.

«Интервью» претендента, кстати до сих пор не переведенное с латыни на русский, производит самое странное впечатление. Самозванец довольно подробно повествует о тайнах московского двора, но тут же начинает неуклюже фантазировать, едва переходит к изложению обстоятельств своего чудесного спасения. По словам Дмитрия, его спас некий воспитатель, который, узнав о планах жестокого убийства, подменил царевича мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Мать-царица, прибежав в спальню и глядя на убитого, лицо которого стало свинцово-серым, не распознала подлога.

В момент, когда решалась его судьба, самозванцу надо было выложить все аргументы, но «Дмитрий» не сумел привести ни одного серьезного доказательства своего царственного происхождения.

«Царевич» избегал называть точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая мать, томившуюся тогда в монастыре в России.

Знакомство с рассказом «Дмитрия» обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея хорошо обдуманной и достаточно правдоподобной легенды. Исповедь «царевича» кажется неловкой импровизацией и невольно обличает его самозванство. Но, конечно же, не все здесь было ложью.

Новоявленный «царевич» в Литве жил у всех на виду, и любое его слово легко было тут же проверить. Если бы «Дмитрий» попытался скрыть известные всем факты, он прослыл бы явным обманщиком. Так, все знали, что москвит явился в Литву в рясе. О своем пострижении «царевич» рассказал следующее. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, войти в обитель и вести жизнь монашескую. Юноша так и сделал. Он обошел многие монастыри Московии, и наконец один монах опознал в нем царевича. Тогда «Дмитрий» решил бежать в Польшу...

История самозванца напоминает как две капли воды историю Григория Отрепьева в московский период его жизни. Вспомним, что Гришка воспитывался в дворянской семье и обошел Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у Острожского, переходе к Габриэлю Хойскому в Гошу, а потом в Брачин, к Вишневецкому. Там, в имении Вишневецкого в 1603 г. и был записан его рассказ. Замечательно, что спутник Отрепьева Варлаам называет те же самые места и даты: в 1603 г. Гришка «очутился» в Брачине, у Вишневецкого, а до того был в Остроге и Гоше. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это знаменательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества личности Отрепьева и Лжедмитрия I.

В самом деле, поскольку в рассказах самозванца и Варлаама одинаково переданы обстоятельства места и времени, возможность случайного совпадения исключается. Важно и то, что возможность сговора между ними тоже исключается. Варлаам не мог знать секретный доклад Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

Помимо исповеди «Дмитрия», важный материал для суждения о личности самозванца дают его автографы. Двое ученых, И. А. Бодуэн де Куртенэ и С. Л. Пташицкий, подвергли палеографическому анализу письмо «царевича» к папе и установили парадоксальный факт. «Дмитрий» владел изысканным литературным слогом, но при этом допускал грубейшие ошибки. Вывод напрашивается сам собой: самозванец лишь переписал письмо, сочиненное для него иезуитами. Графологический анализ письма показал, что Лжедмитрий был великороссом, плохо знавшим польский язык. По-русски же он писал свободно. Более того, его почерк отличался изяществом и имел характерные особенности, присущие школе письма московских приказных канцелярий.

Это еще одно совпадение, подтверждающее тождество Лжедмитрия и Отрепьева. Мы помним, что почерк Отрепьева был весьма хорош, и потому сам патриарх взял его к себе для «книжного письма».

На Руси грамотность никого не удивляла, но каллиграфы попадались среди грамотеев чрезвычайно редко. С точки зрения удостоверения личности изящный почерк в те времена имел несравненно большее значение, чем, скажем, сейчас.

Будучи иноком поневоле, Отрепьев тяготился затворнической жизнью. И в самозванце многое выдавало бывшего невольного монаха. Беседуя с иезуитами, «Дмитрий» не мог скрыть злость и раздражение, едва заходила речь о монахах.

Анализируя биографическую информацию об Отрепьеве и самозванном царевиче, мы замечаем, что она совпадает по многим важным пунктам. След реального Отрепьева теряется на пути от литовского кордона до Острога - Гощи - Брачина. И на том же самом пути в то же самое время обнаруживаются первые следы Лжедмитрия I. На названном строго очерченном отрезке пути и произошла метаморфоза - превращение бродячего монаха в царевича. Свидетелей этой метаморфозы было достаточно.

Варлаам наивно уверял, будто расстался с Гришкой до того, как последний назвался царевичем. Он сообщил, что Отрепьев учился в Гоще у протестантов и зимовал там у князя Януша Острожского. Князь Януш подтвердил все это собственноручным письмом. В 1604 г. он писал, что знал «Дмитрия» несколько лет, что тот жил довольно долго в монастыре его отца, в Дермане, а потом пристал к анабаптистам (очевидно, гощинским). Письмо уличает Варлаама во лжи. Оказывается, и в Гоще, и еще раньше, в Дермане, князь Януш знал Отрепьева только под именем царевича Дмитрия.

По-видимому, Отрепьев уже в Киево-Печерском монастыре пытался выдать себя за царевича Дмитрия. В книгах Разрядного приказа находим любопытную запись о том, как Отрепьев разболелся «до умертвия» и открылся печерскому игумену, сказав, что он царевич Дмитрий. «А ходит будто в ыкусе, не пострижен, избегаючи, укрываясь от царя Бориса...» Печерский игумен, по словам Варлаама, указал Отрепьеву и его спутникам на дверь. «Четыре-де вас пришло, - сказал он, - четверо и подите».

Кажется, Отрепьев не раз пускал в ход один и тот же неловкий трюк. Он прикидывался больным не только в Печерском монастыре. По русским летописям, Григорий «разболелся» и в имении Вишневецкого. На исповеди он открыл священнику свое «царское происхождение». Впрочем, в докладе Вишневецкого королю никаких намеков на этот эпизод нет. Так или иначе попытки авантюриста найти поддержку у православного духовенства в Литве потерпели полную неудачу. В Киево-Печерском монастыре ему указали на дверь. В Остроге и Гоще было не лучше. Самозванец не любил вспоминать это время. На исповеди у Вишневецкого «царевич» сообщил кратко и неопределенно, будто бежал к Острожскому и Хойскому и «молча там находился».

Совсем по-другому излагали дело иезуиты. Они утверждали, что претендент обращался за помощью к Острожскому, но тот будто бы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота. Сбросив монашеское платье, «царевич» лишился верного куска хлеба и, по словам иезуитов, стал прислуживать на кухне у пана Хойского.

Никогда еще сын московского дворянина не опускался так низко. Кухонная прислуга... Растерявший разом всех своих прежних покровителей, Григорий, однако, не пал духом. Тяжелые удары судьбы могли сломить кого угодно, только не Отрепьева.

«Расстрига» очень скоро нашел новых покровителей, и весьма могущественных, в среде польских и литовских магнатов. Первым из них был Адам Вишневецкий. Он снабдил Отрепьева приличным платьем, велел возить его и карете и сопровождении своих гайдуков.

Авантюрой магната заинтересовались король и первые сановники государства, в их числе канцлер Лев Сапега. На службе у канцлера подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший в Москву в годовалом возрасте как пленник. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого теперь стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу.

При встрече с самозванцем Петрушка, однако, не нашелся, что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, сам «узнал» бывшего слугу и с большой уверенностью стал расспрашивать его. Тут холоп также признал «царевича» по характерным приметам: бородавке около носа и неравной длине рук. Как видно, приметы Отрепьева сообщили холопу заранее те, кто подготовил инсценировку.

Сапега оказал самозванцу неоценимую услугу. Одновременно ему стал открыто покровительствовать Юрий Мнишек. Один из холопов Мнишека также «узнал» в Отрепьеве царевича Дмитрия.

Таковы были главные лица, подтвердившие в Литве царское происхождение Отрепьева. К ним присоединились московские изменники братья Хрипуновы. Эти дворяне бежали в Литву в первой половине 1603 г.

Варлаам очертил весь круг лиц, «вызнавших царевича» за рубежом. Он забыл упомянуть лишь о двух первых сподвижниках авантюриста - о себе и Мисаиле...

Едва ли могли убедить кого-нибудь наивные сказки претендента и речи собравшихся вокруг него свидетелей. Во всяком случае Вишневецкий и Мнишек не сомневались в том, что имеют дело с неловким обманщиком. Поворот в карьере авантюриста наступил лишь после того, как за его спиной появилась некая реальная сила.

Отрепьев с самого начала обратил свои взоры в сторону запорожцев. Этот факт засвидетельствован многими. Ярославец Степан, державший иконную лавку в Киеве, показывал, что к нему заходили казаки и с ними Гришка, который был еще в монашеском платье. У черкас (казаков) днепровских в полку видел Отрепьева, но уже «розстрижена», старец Венедикт. Гришка ел с казаками мясо (очевидно, дело было в пост, что и вызвало осуждение старца) и «назывался царевичем Дмитрием».

Поездка в Запорожье связана была с таинственным исчезновением Отрепьева из Гощи. Перезимовав в Гоще, Отрепьев, как писал Варлаам, с наступлением весны «из Гощеи пропал безвестно». Замечательно, что расстрига общался как с гощинскими, так и с запорожскими протестантами. В Сечи его с честью приняли в роте старшины Герасима Евангелика.

Сечь бурлила. Буйная запорожская вольница точила сабли на московского царя. Вновь найденная Разрядная роспись 1602-1603 гг. свидетельствует о том, что в первой половине 1603 г. Годунов послал дворян на границу, в

Белую, «для приходу черкас». Местный бельский летописец подтверждает, что именно тогда в двух пограничных уездах поставлены были заставы «от литовского рубежу».

Сведения о нападении запорожцев совпадают по времени со сведениями о появлении среди них самозваного царевича. Именно в Запорожье в 1603 г. началось формирование той повстанческой армии, которая позже приняла участие в московском походе самозванца. Казаки энергично закупали оружие, вербовали охотников. Обеспокоенный размахом военных приготовлений в Сечи, король 12 декабря 1603 г. особым указом запретил продажу оружия казакам. Но казаки не обратили внимания на грозный манифест.

К новоявленному «царевичу» явились гонцы с Дона. Донское войско готово было идти на Москву. Крепостническое государство пожинало плоды собственной политики притеснения вольного казачества. Самозванец послал на Дон свой штандарт - красное знамя с черным орлом. Его юнцы выработали затем «союзный договор» с казачьим поиском.

В то время как окраины глухо волновались, в сердце России появились многочисленные повстанческие отряды. Династия Годуновых оказалась на краю гибели. Отрепьев уловил чутьем, сколь огромные возможности открывает перед ним сложившаяся ситуация.

Казаки, беглые холопы, закрепощенные крестьяне связывали с именем царевича Дмитрия надежды на освобождение от ненавистного крепостнического режима, установленного в стране Годуновым. Отрепьеву представлялась возможность возглавить широкое народное выступление.

Некоторые историки высказывали предположение, будто за Дмитрия выдавало себя безвестное лицо, казак. Будь так, что могло помешать ему найти путь в степи после неудачи в Киеве и Остроге?

Увы, гипотеза эта вовсе не подтверждается фактами. Подлинный Лжедмитрий-Отрепьев, будучи дворянином по происхождению и воспитанию, не доверял ни вольному «гулящему» казаку, ни пришедшему в его лагерь комарицкому мужику. Самозванец мог стать казацким предводителем, вождем народного движения. Но он предпочел сговор с врагами России.

Глава 13

КРУШЕНИЕ

Трехлетний голод и разруха ввергли страну в состояние апатии. Повсюду чувствовалась усталость. Боеспособность дворянского ополчения упала. Русское государство вступило в полосу военных неудач. Царь Борис пытался упрочить позиции России на Северном Кавказе и направил туда одного из лучших своих воевод Ивана Бутурлина. Но после первых успехов семитысячная русская рать была поголовно истреблена черкесами и турками.

Перемирие с Польшей 1600 г. не обеспечило стране безопасности западных границ. Король Сигизмунд III вынашивал планы широкой экспансии на востоке. Он оказал энергичную поддержку Лжедмитрию I и заключил с ним тайный договор. Взамен самых неопределенных обещаний самозванец обязался передать Польше плодородную Чернигово-Северскую землю. Семье Мнишек, своим непосредственным покровителям, Отрепьев посулил Новгород и Псков. Лжедмитрий не задумываясь перекраивал русские земли, лишь бы удовлетворить своих кредиторов. Но предательство не принесло ожидаемых выгод. Самые дальновидные политики Речи Посполитой, включая Замойского, решительно возражали против войны с Россией. Король не выполнил своих обещаний. В походе Лжедмитрия I королевская армия не участвовала. Под знаменами Отрепьева собралось около 2 тыс. наемников - всякий сброд, мародеры, привлеченные жадой наживы. Эта армия была слишком малочисленной, чтобы затевать интервенцию в Россию. Но вторжение Лжедмитрия поддержало донское казачье войско.

Несмотря на то что царские воеводы, выступившие навстречу самозванцу с огромными силами, действовали вяло и нерешительно, интервенты довольно скоро убедились в неверности своих расчетов. Получив отпор под стенами Новгород-Северского, наемники в большинстве своем покинули лагерь самозванца и ушли за рубеж. Нареченный тесть самозванца и его «главнокомандующий» Юрий Мнишек последовал за ними. Вторжение потерпело провал, но вооруженная помощь поляков позволила Лжедмитрию продержаться на территории Русского государства первые, наиболее трудные, месяцы, пока волны народного восстания не охватили всю южную окраину государства.

Когда Борису донесли о появлении самозванца в Польше, он не стал скрывать своих подлинных чувств и сказал в лицо боярам, что это их рук дело и задумано, чтобы свергнуть его. Кажется непостижимым, что позже Годунов вверил тем же боярам армию и послал их против самозванца. Поведение Бориса не было в действительности необъяснимым.

Голод обострил социальные противоречия в стране. Появление массового повстанческого движения и восстание казачьей окраины от Дона до Яика несли смертельную опасность феодальному государству. Народные движения грозили ниспровергнуть устои родившегося, но еще не окрепшего крепостнического режима. В такой ситуации господствующее феодальное сословие волей-неволей должно было сплотиться вокруг династии ради защиты собственных интересов. Дворянство в массе своей настороженно отнеслось к самозванному казацкому царьку. Лишь несколько воевод невысокого ранга перешли на его сторону. Чаще крепости самозванцу сдавали восставшие казаки и посадские люди, а воевод приводили к нему связанными.

Бывший боярский слуга и расстрига Отрепьев, оказавшись на гребне народного движения, попытался сыграть роль казацкого атамана и народного вождя, но подлинные интересы народа были ему глубоко чужды. В основе повсеместных выступлений против Годунова лежал стихийный протест угнетенных масс, которые, однако, не могли выдвинуть вождей и осмыслить задачи. Именно это и позволило авантюристу, явившемуся в подходящий момент, воспользоваться движением в корыстных целях.

Покинутый большей частью наемников, Отрепьев спешно формировал армию из непрерывно стекавшихся к нему казаков, стрельцов и посадских людей. По словам очевидцев, Якова Маржарета, самозванец стал вооружать крестьян и включил их в свое войско. Войско Лжедмитрия было тем не менее наголову разбито царскими воеводами в битве под Добрыничами 21 января 1605 г. При энергичном преследовании воеводы могли бы захватить самозванца или изгнать его из пределов страны, но они медлили и топтались на месте. Бояре не предали Бориса, но им пришлось действовать среди враждебного населения, восставшего против крепостнического государства. Несмотря на поражение Лжедмитрия, его власть вскоре признали многие южные крепости. Казацкие отряды грозили коммуникациям царской армии. Полки были утомлены длительной кампанией, и дворяне самовольно разъезжались по домам. В течение почти полугода воеводы не сумели взять Кромь, в которых засел атаман Корела с донцами. Под обгорелыми стенами этой крепости, по образному выражению С. Ф. Платонова, решилась судьба династии.

Наблюдая множившиеся признаки недовольства подданных, царь желал знать их тайные помыслы, власти натравливали холопов и кабальных людей на господ, чтобы проникнуть за прочные стены феодальных усадеб. Иван Грозный кончил тем, что издал особый указ против холопских доносов на господ. Борис стал возводить доносчиков-холопов в дворянское достоинство и жаловал их поместьями. О награждении доносчиков власти объявляли публично на площади перед Челобитным приказом. После смерти Бориса Лжедмитрий издал особый указ о конфискации поместий у новых дворян холопского происхождения, в большом числе появившихся при Годунове. По словам современников, от холопских доносов в царстве началась «великая смута».

Однако главной причиной «смуты» был, конечно, крепостнический курс правящих верхов. Борис вынужден был расплачиваться за свою политику. Он видел кругом смятение умов, измену. Агитация в пользу «добротного» царя распространялась повсюду словно поветрие. Бессилие порождало жестокость.

После расправы с вождем повстанцев Хлопком в 1603 г. пытки и казни превратились в повседневное явление. Восставшие холопы, посадские люди, крестьяне не могли рассчитывать на снисхождение. Крепостническое государство старалось виселицами оградить себя от народного гнева. В наиболее жестоких формах террор применялся в отношении низов, а не дворянства. Власти вполне оценили опасность, когда в лагере самозванца появились комарицкие мужики-повстанцы. В наказание за «воровство» Комарицкая волость была подвергнута неслыханно жестокому погрому. Мужчин вешали за ноги, жгли и расстреливали из луков, женщин и детей топили, оставшихся в живых продавали в холопство.

Тайное сыскное ведомство теперь возглавлял наследовавший Дмитрию Ивановичу Годунову Семен Годунов. Он усовершенствовал систему сыска в стране (иноземцы не слишком преувеличивали, говоря, что к каждому москвитину приставлено по несколько соглядатаев).

Прежде деятельный и энергичный, Борис в конце жизни все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворец, перестал принимать прошения и жалобы. Круг лиц, всю жизнь поддерживавших его своими советами и помощью, стремительно сужался. Царя все больше одолевала болезнь. Физические и умственные силы его быстро угасали. Будучи подвержен суевериям, правитель давно питал склонность к чернокнижию. Слабость превратилась в страсть, когда счастье окончательно отвернулось от Бориса. Не находя опоры в ближайшем окружении, царь обращался к прорицателям. Он полон чар, писал один из польских дипломатов в Москве, и без чародеек ничего не предпринимает даже в малом, живет их советом и наукой, их слушает. Погруженный в отчаяние из-за постоянных неудач, царь переставал доверять себе и, казалось, терял рассудок. Предчувствуя близкий конец, Борис мучительно размышлял над тем, может ли он рассчитывать на спасение в будущей жизни, и за разрешением своих сомнений обращался то к богословам, то к знаменитой в Москве юродивой-старнице Олене. «Ведунья» Дарьица давала официальные показания о ворожбе во дворце у Бориса спустя спустя 40 лет после его смерти.

Обуреваемый страхом перед самозванцем, Годунов не раз засылал в его лагерь тайных убийц. Позже он приказал привезти в Москву мать Дмитрия и пытался у нее правду: жив ли царевич или его давно нет на свете.

13 апреля 1605 г. Борис скоропостижно умер в Кремлевском дворце. Передавали, будто он из малодушия принял яд. Но то были пустые слухи. Находившийся при особе царя во дворце Яков Маржарет засвидетельствовал, что причиной смерти его явился апоплексический удар (*Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. 1. СПб., 1868, с. 282*).

Незадолго до кончины Годунов решилверить командование армией любимому воеводе Петру Басманову, отличившемуся в первой кампании против самозванца. Молодому и не слишком знатному воеводе предназначалась роль спасителя династии. Последующие события показали, что Борис допустил роковой просчет.

Сын знаменитого опричного фаворита Грозного Басманов был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодетеля. Будучи принужден считаться с местническими традициями, Борис формально поставил во главе армии боярина князя Михаила Катырева-Ростовского, всецело обязанного своей карьерой новому царю. Петр Басманов числился его помощником. После блистательного взлета в опричнине Басмановы надолго сошли со сцены, и Петру Басманову предстояла жестокая борьба, чтобы возродить былую «честь»

фамилии. Явившись в армию уже после смерти Бориса, Басманов заявил резкий протест против назначения в его армию боярина Андрея Телятевского, которое, по его мнению, наносило ущерб его местническому положению.

«Потерька» фамильной чести беспокоила новоиспеченного главнокомандующего гораздо больше, чем тяжелое положение войска. В присутствии бояр он заявил, что Семен Годунов выдал его в «холопи» своему зятю Андрею Телятевскому, но он, Басманов, предпочитает смерть такому позору. Молодой воевода не мог сдержать чувств и, упав посреди «разрядного» шатра, «плакал с час, лежа на столе» (*Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Эрмитажн., д. 390, л. 999 об.*).

Тяжба с зятем всеильного Семена Годунова привела Басманова в лагерь оппозиции, давно образовавшейся в действующей армии. Наибольшее недовольство выражали рязанские и северские дворяне, в большом числе уклонившиеся от присяги Федору Годунову. Во главе заговора недовольных дворян встали «большие» рязанские дворяне Ляпуновы. При Годунове они неоднократно подвергались наказаниям за участие в столичных беспорядках и незаконную продажу оружия казакам на Дон. Теперь Ляпуновы затеяли тайные переговоры с донцами, осажденными в Кромах.

Заговорщики подняли мятеж, едва к ним примкнули воеводы Басманов и братья Голицыны. По сигналу донские казаки произвели вылазку из Кром и ударили по царскому лагерю. Тем временем мятежники проникли в воеводский шатер посреди лагеря и связали воеводу Ивана Годунова. Из-за начавшейся паники верные воеводы князь Михаил Катырев-Ростовский и Телятевский не сумели организовать отпор кучке мятежников и бежали из лагеря.

Дворянское ополчение в массе не поддержало заговорщиков, но новгородцы и псковичи, преобладавшие в армии, не выказали большого желания сражаться за дело Годуновых. В течение трех дней остатки бежавших из лагеря полков шли через Москву на север. Правительство Федора Годунова не смогло провести новую мобилизацию, и его военная опора рухнула.

Присяга Федору Годунову прошла в Москве без затруднений. Казна раздала населению громадные суммы на помин души Бориса, на самом же деле - чтобы успокоить столичное население. Несмотря на это, волнения нарастали день ото дня. Знать спешила использовать междуцарствие, чтобы избавиться от неудобной ей династии. Вызванный из армии Федор Мстиславский вел себя столь двусмысленно, что Семен Годунов отдал приказ о его тайной казни, который, однако, не был исполнен. Лишившись поддержки дворянского ополчения, Годуновы утратили контроль над положением в столице. Боярская дума и народ добились указа об общей амнистии. В столицу вернулись многие опальные, которых Борис держал в ссылке. Самым опасным из них был Богдан Бельский.

Между тем Лжедмитрий медленно продвигался к Москве, посылая вперед гонцов с письмами к столичному населению. Когда разнесся слух о приближении «истинного» царя, Москва «загудела как пчелиный улей»: кто спешил домой за оружием, кто готовился встречать «сына» Грозного. Федор Годунов, его мать и верные им бояре, «полумертвые от страха, затворились в Кремле» и усилили стражу. Военные меры имели своей целью «обуздать народ», ибо, по словам очевидцев, «в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или сторонников Димитрия» (*Масса И. Указ. соч., с. 105*).

1 июня посланцы Лжедмитрия Гаврила Пушкин и Наум Плещеев прибыли в Красное село, богатое торговое место в окрестностях столицы. Их появление послужило толчком к давно назревавшему восстанию. Красносельцы двинулись в столицу, где к ним присоединились москвичи. Толпа смела стражу, проникла в Китай-город и заполнила Красную площадь. Годуновы выслали против толпы стрельцов, но они оказались бессильны справиться с народом. С Лобного места Гаврила Пушкин прочитал «прелестные грамоты» самозванца с обещанием многих милостей всему столичному населению - от бояр до «черных людей» (*Белокуров С. Разрядные записки за Смутное время. М., 1907, с. 5*).

Годуновы могли засесть в Кремле «в осаде», что не раз спасало Бориса. Но их противники позаботились о том, чтобы крепостные ворота не были заперты. Вышедшие к народу бояре одни открыто, а другие тайно агитировали против Федора Борисовича. Бывший опекун Дмитрия, Богдан Бельский, использовал момент, чтобы свести давние счёты с Борисом. Он всенародно поклялся, что сам спас сына Грозного, и его слова положили конец колебаниям толпы. Народ ворвался в Кремль и принялся громить дворы Годуновых. Восстание дало выход недовольству низов. Посадские люди разнесли дворы многих состоятельных людей и торговцев, нажившихся на голоде.

Водворившись в Кремле, Богдан Бельский пытался править именем Дмитрия. Но самозванцу он казался слишком опасной фигурой. Свергнутая царица была сестрой Бельского, и Отрепьев не мог поручить ему казнь борисовой семьи. Бельский вынужден был уступить место боярину Василию Голицыну, присланному в Москву самозванцем.

Лжедмитрий медлил и откладывал въезд в Москву до той поры, пока не убрал все препятствия со своего пути. Его посланцы арестовали патриарха Иова и с позором сослали его в монастырь. Московское восстание показало воочию ничтожество ставленника Бориса и лишило его всякого авторитета. Иова устранили не только за преданность Годуновым. Отрепьева страшило другое. В бытность дьяконом самозванец служил патриарху и был хорошо ему известен. После низложения Иова князь Василий Голицын со стрельцами явился на подворье к Годуновым и велел задушить царевича Федора Борисовича и его мать. Бояре не оставили в покое прах Бориса. Они

извлекли его труп из Архангельского собора и закопали вместе с останками жены и сына на заброшенном кладбище за городом.

В правление Бориса Годунова в судьбах России произошел крутой перелом. Фактический преемник Грозного Годунов расширил и упрочил дворянские привилегии. В стране утвердилось крепостное право. Законы против Юрьева дня доставили Борису поддержку феодальных землевладельцев. Но против него восстали социальные низы. Падение династии Годуновых послужило прологом к грандиозной крестьянской войне, потрясшей феодальное государство до основания.

ЛИТЕРАТУРА:

- Базилевич К. В. Борис Годунов в изображении А. С. Пушкина. — В кн.: Исторические записки, т. 1. М., 1937.
Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
Греков В. Д. Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954.
Карамзин Н. М. История государства Российского, т. X—XI. СПб., 1824.
Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории. — Соч., т. 3. М., 1957.
Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.
Костомаров П. И. Смутное время в Московском государстве, Т. 3. СПб., 1883.
Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
Мордовина С. П. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 г. — ВИ, 1971, № 2.
Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. М., 1912.
Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1915.
Платонов С. Ф. Борис Годунов. Пг., 1921.
Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937.
Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963.
Сахаров А. М. Образование и развитие единого Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969.
Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975.
Скрынников Р. Г. Политическая борьба в начале правления Бориса Годунова. — История СССР, 1975, № 2.
Скрынников Р. Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971.
Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1. М., 1946.
Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., ч. 1. М.— Л., 1947.
Соловьев С. М. История России, кн. IV, т. 7—8. М., 1960.
Тихомиров М. Н. История России в XVI веке. М., 1962.
Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII вв. М., 1973.
Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией
АЕ — Археографический ежегодник
ВИ — Вопросы истории ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
РИБ — Русская историческая библиотека
РИО — Русское историческое общество
РО — Рукописный отдел
СГД — Собрание государственных грамот и договоров
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

Руслан Григорьевич Скрынников

БОРИС ГОДУНОВ

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академия наук СССР

Редактор **Н. В. Шевелева**

Художник **А. В. Пушкарный**

Художественный редактор **С. А. Литвак**

Технический редактор **Н. Н. Плохова**

Корректоры **Е. Н. Белоусова, О. В. Лаврова**

ИБ № 4275

Подписано к печати 21.09.79 г.

Формат 84x108¹/₃₂. Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая.

Усл. печ. л. 10,29. Уч.-изд. л. 10,6.

Тираж 100 000. (допечатка). Т-16327. Тип. зак. 2364

Цена 65 коп.

Издательство «Наука»

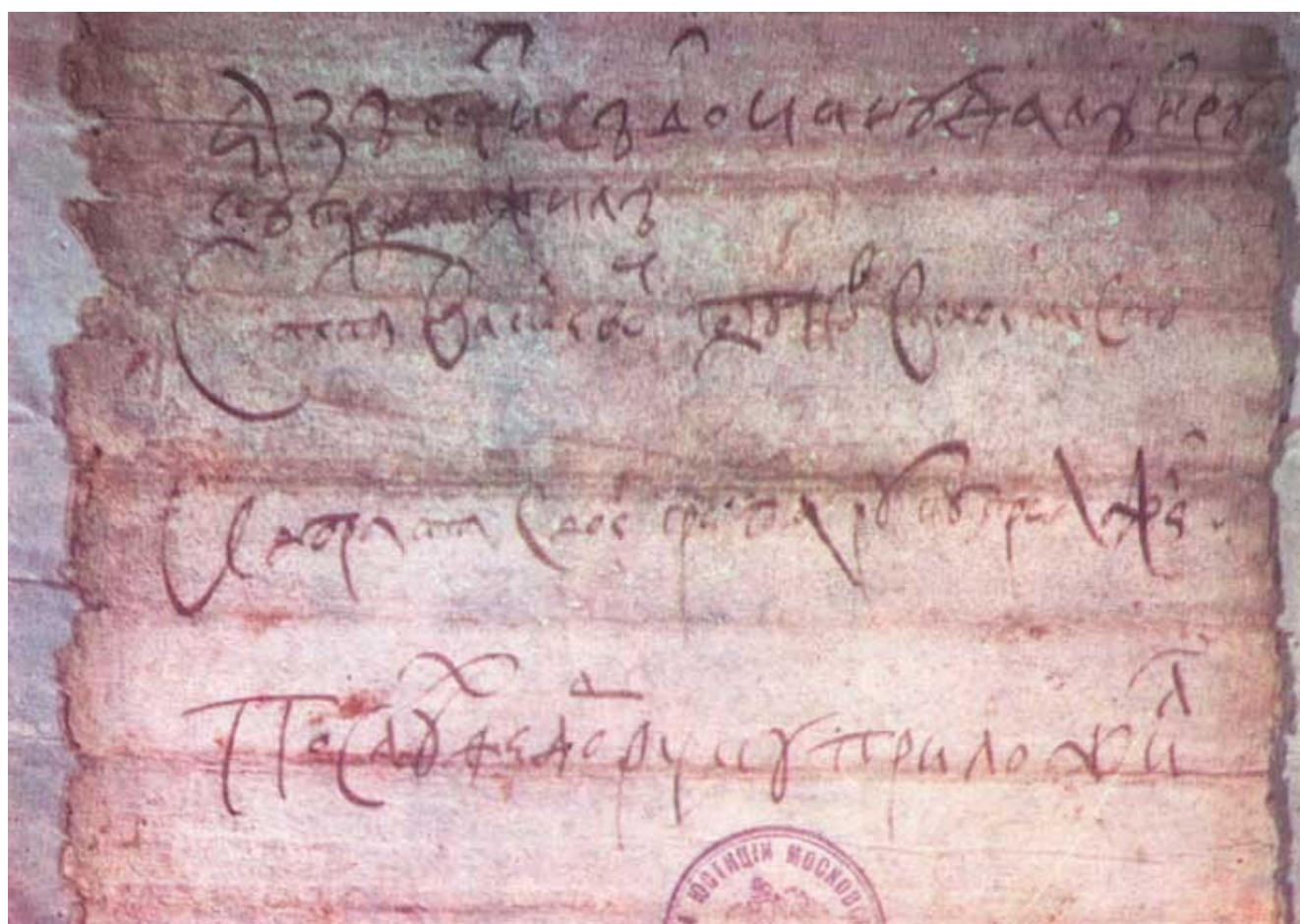
117864, ГСП7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 90,
Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука», Москва Г-99, Шубинский пер., 10, с матриц, изготовленных
в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговле,
Москва, М-54, Валовая, д. 28

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дополнительные иллюстрации

Портрет Бориса Годунова. XVII в.
(С обложки книги)

Подпись Бориса Годунова. Грамота XVII в. ЦГАДА

Наградной золотой Бориса Годунова в 1 червонец
(лицевая и оборотная сторона). Эрмитаж

Борис Годунов

Борис Годунов

Все иллюстрации в Приложении добавлены мною, в оригинале их нет!